

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Валентина Лазарева

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Издательство «Самарский университет»
2000

ББК 67.99(2)93
Л 171

Лазарева В.А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. Самара: Изд-во “Самарский университет”, 2000. 232 с.

ISBN 5-230-06217-7

В монографии анализируются актуальные вопросы судебной защиты в сфере уголовного судопроизводства. Основанная на многолетнем опыте автора и обширном исследовании научной литературы, законодательства и судебной практики, предлагаемая работа содержит не только ее критический анализ, но и многочисленные предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения. Новая для отечественной науки уголовного процесса концепция судебной защиты, рассматриваемой с точки зрения функций правового государства, представляет интерес не только для ученых и практиков, но и для всех интересующихся проблемами защиты прав и свобод человека и гражданина.

Рецензент: д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ С.А.Шейфер;
д-р юрид. наук, проф. В.М.Ведяхин

Л $\frac{1203021300 - 015}{6К4(03) - 2000}$ Без объявл.

ISBN 5-230-06217-7

© Лазарева В.А., 2000
© Издательство “Самарский университет”, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
.....	
Глава 1. Понятие, теоретические и правовые основы судебной защиты	11
.....	
§1.Судебная защита как функция правового государства	11
§2.Роль судебной защиты в обеспечении прав и свобод человека и гражданина	21
.....	
Глава 2. Формы реализации судебной защиты в уголовном процессе	33
.....	
§1.Уголовный процесс как способ защиты прав и свобод человека и гражданина	33

.....	
§2. Формы осуществления судебной защиты в уголовном процессе . . .	45
§3. Предмет судебной защиты в уголовном процессе	55
Глава 3. Осуществление судебной защиты в досудебных стадиях уголовного процесса	69
.....	
§1. Формы осуществления судебной защиты в стадиях возбуждения и предварительного расследования уголовных дел . .	69
§2. Рассмотрение судом жалоб участников уголовного процесса на нарушения их прав и свобод при производстве предварительного расследования	87
.....	
§3. Рассмотрение судом вопросов, связанных с ограничением прав и свобод граждан в стадии предварительного расследования	10 8

Глава 4. Формы судебной защиты при назначении судебного заседания	12
.....	2
§1. Судебный контроль за соблюдением прав и свобод участников уголовного процесса в стадии назначения судебного заседания как способ защиты их прав	12
§2. Способы осуществления судебной защиты в стадии назначения судебного заседания	13
§3. Процессуальные формы осуществления судебного контроля при назначении судебного разбирательства	15
	6
Глава 5. Защита прав и свобод участников уголовного процесса в суде первой инстанции	17
.....	3
§1. Проблемы защиты прав и свобод участников уголовного процесса в судебном разбирательстве уголовных дел	17
§2. Проблема освобождения от уголовной ответственности, упрощенного судопроизводства и сделок о признании вины	3

в свете идеи расширения доступа граждан к правосудию	18 4
Заключение	20 3
Список литературы	20 8

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы судебной защиты относятся к числу сравнительно новых для отечественной науки уголовного судопроизводства.

В сложившейся структуре правосознания судебная защита ассоциируется с гражданским правом и гражданским судопроизводством, и, надо сказать, для этого есть достаточные основания, поскольку Гражданский кодекс Российской Федерации (ст. 11) прямо провозглашает, что защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет в соответствии с подведомственностью дел, установленной процессуальным законодательством, суд, арбитражный суд или третейский суд. Однако нормы Конституции Российской Федерации, гарантирующие не только право каждого на судебную защиту, но и право на обжалование в суд решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (ч. 1 и 2 ст. 46), имеют более общий характер,

не связанный лишь с гражданским судопроизводством. Гарантированность прав и свобод человека и гражданина правосудием (ст. 18 Конституции РФ), методами осуществления которого названы конституционное, гражданское, административное и уголовное судопроизводство (ч. 2 ст. 118), позволяет выдвинуть и обосновать идею о судебной защите как функции судебной власти, реализуемой во всех формах осуществления правосудия, в том числе и в уголовном процессе.

Изменение политического устройства государства, «смещение приоритетов в соотношении интересов государства и личности в пользу личности»¹ обуславливают и характер проводимой в стране судебной и правовой реформы, немислимой без адекватных новым потребностям общества государственных и правовых институтов, обеспечивающих реализацию прав и свобод личности. Провозглашенный и последовательно проводимый курс на разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, укрепление независимости и самостоятельности судебной власти превращает суд из одного из звеньев правоохранительной системы в центральный и наиболее эффективный механизм защиты прав и свобод личности. Главная цель судебной власти - содействовать гражданам и их объединениям в реализации законных прав.

¹ См.: Радченко В. Судебную власть - в центр правовой реформы // Российская юстиция. - 1999. - №10. - С.2.

В этой связи исследование понятия судебной защиты, её предмета и форм реализации в уголовном процессе, соотношения со смежными понятиями представляется актуальным.

Судебная защита, осуществляемая органами судебной власти, не может быть правильно понята без обращения к понятию самой судебной власти, функциям и формам её реализации, особенностям уголовного судопроизводства как метода осуществления правосудия, его роли в защите прав и свобод личности. Эти вопросы были рассмотрены в другой работе автора² и в данной монографии затрагиваются постольку, поскольку соприкасаются с основным вопросом исследования.

Проблема обеспечения прав участников уголовного процесса всегда актуальна. Пока совершаются преступления, нарушаются права участвующих в уголовном процессе лиц, вопросы наиболее эффективной защиты прав этих лиц не перестанут волновать сердца и умы ученых и практиков, привлекать повышенное внимание общества. Однако сегодня представляется недостаточным констатировать массовость нарушений прав человека при производстве по уголовному делу и предлагать совершенствование отдельных процедур, усиление гарантий против необоснованного правоограничения. Сегодня вопрос стоит иначе и связан с ко-

² См.: Лазарева В.А. Судебная власть и её реализация в уголовном процессе. - Самара, 1999.

ренным переосмыслением положения человека в обществе, его взаимоотношения с государством. Только ясное осознание и действительное признание обществом приоритета ценности человеческой личности позволяют правильно оценить содержащиеся в уголовно-процессуальном законодательстве правила об обязанностях следователя, прокурора и суда по обеспечению прав и свобод всех участников уголовного процесса. Рассмотрение обязанностей указанных должностных лиц как составной части обязанности государства перед человеком, вытекающей из приоритета человека перед государством, позволяет по-иному оценить всю систему уголовного судопроизводства и определить перспективы её развития.

Как представляется, причина многочисленных нарушений прав участвующих при производстве по уголовному делу лиц заключается вовсе не в несовершенстве уголовно-процессуального законодательства, хотя и это, несомненно, имеет место. Думается, не будет преувеличением утверждение о том, что определенным несовершенством страдает уголовно-процессуальное законодательство любой, даже самой высокоразвитой страны. Однако любое, самое совершенное законодательство может быть использовано в противных обществу целях, если это общество не расценивает нарушение прав отдельного человека как общую проблему, если в нем права человека сколько-нибудь значимой категорией не признаются, а нарушение их настолько привычно, что обра-

щает на себя внимание лишь в крайних случаях. В таком обществе попытки реформирования отдельного отраслевого законодательства обречены на провал. Изворотливая практика, живущая собственными неписанными законами и принципами, всегда найдет возможность обойти самый совершенный закон не только в угоду своим сиюминутным целям, но и просто по привычке.

Поставленная перед государством задача признавать, соблюдать, защищать права и свободы личности требует формирования в обществе иного взгляда не только на уголовный процесс. Однако вопросы о защите прав граждан средствами именно уголовного процесса особенно актуальны, ибо деятельность следователя и прокурора вторгается в сферу наиболее существенных интересов личности, а права, позволяющие им это вторжение, огромны. Вред, причиняемый злоупотреблением указанными правами, гораздо опаснее вреда, причиняемого преступлением.

Поскольку в соответствии со ст. 18 Конституции РФ верховенствующая роль в деле защиты прав и свобод человека и гражданина принадлежит правосудию, защищенность личности прямо зависит от уровня законности и демократичности правил осуществления правосудия и степени их воплощения в правоприменительную практику. Непосредственное действие прав и свобод человека, закрепленных в Конституции РФ, не снимает вопроса о совершенствовании механизмов и процедур, призванных защищать права и свободы граждан³, о создании развитой системы гарантий, с помощью которых реализуется эта задача. Такой гарантией и является провозглашенная Конституцией РФ судебная защита, которая, по справедливому утверждению заведующего отделом Института законодательства и сравнительно-

³ См.: Лукашева Е.А. Права человека и правовое государство // Общая теория прав человека / Рук. авт. колл. Е.А.Лукашева. - М., 1996. - С.93.

го правоведения при Правительстве РФ профессора В.П.Кашепова, должна стать приоритетной во всей судебной деятельности и рассматриваться как система «взглядов, представляющих совокупность конструктивных идей, выражающих тенденции возможного развития судебной власти и обеспечения правосудием конституционных положений о правах и свободах человека и гражданина»⁴.

Указанные обстоятельства предопределяют актуальность и научную значимость проведенного исследования.

Вопросы функционирования судебной власти в настоящее время находятся в центре внимания ученых. Большое значение для раскрытия понятия судебной власти и её роли в механизме защиты прав и свобод личности имеют фундаментальные теоретико- и государственно-правовые исследования таких ученых, как С.С.Алексеев, М.И.Байтин, Д.И.Бахрах, В.Н.Бибило, А.Т.Боннер, Н.В.Витрук, Ю.И.Дмитриев, В.П.Кашепов, В.В.Лазарев, О.М.Ледяева, Р.З.Лившиц, Е.А.Лукашева, В.О.Лучин, А.В.Малько, Н.И.Матузов, В.А.Ржевский, В.В.Скитович, И.Е.Фарбер, Н.М.Чепурнова, Г.Г.Черемных, В.Е.Чиркин, Б.С.Эбзеев.

Проблемы функционирования судебной власти в уголовном процессе исследовались в разное время В.М.Бозровым, А.Д.Бойковым, С.И.Викторским, М.М.Выдрей, А.А.Квачевским, А.С.Кобликовым, В.З.Лукашевичем, Т.Г.Морщаковой, И.Д.Перловым, И.Л.Петрухиным, С.В.Познышевым, Н.Н.Полянским, Н.Н.Розиным, В.М.Савицким, В.А.Случевским, Ю.И.Стецовским, М.С.Строговичем, И.Я.Фойницким, С.А.Шейфером.

Различным аспектам защиты прав и свобод личности в уголовном процессе посвятили свои труды Л.Б.Алексеева, В.П.Божьев, И.Ф.Демидов, Л.Д.Кокорев, В.М.Корнуков, Э.Ф.Куцова, А.М.Ларин, Е.Б.Мизулина, И.Б.Михайловская, Т.Г.Понятовская, Н.В.Радутная, И.В.Ростовщиков, В.С.Шадрин, В.Е.Юрченко и др.

В последние годы защитили диссертации по проблемам, так или иначе связанным с различными фор-

⁴ Кашепов В.П. Институт судебной защиты прав и свобод граждан и средства её реализации // Государство и право. - 1998. - № 2. - С.66.

мами судебной защиты, Е.Б.Абросимова,
Ю.В.Астафьев, Е.В.Быкова, В.Н.Галузо,
А.В.Долгушин, А.Ф.Ефремов, В.М.Жуйков,
Н.А.Колоколов, В.М.Лебедев, И.С.Масликов,
Н.Е.Петрова, Т.К.Рябинина, А.В.Стремухов,
В.Г.Ульянов, О.И.Цоколова, Н.М.Чепурнова,
О.П.Чистякова, Н.А.Юркевич и др.

Однако рассмотрение в отечественной научной литературе отдельных сторон теории и практики судебной защиты, в том числе и в уголовном процессе, не исключает необходимости комплексного исследования понятия и значения судебной защиты в уголовном процессе, форм и методов её реализации. Распространение судебной власти на досудебное производство требует изучения процессуальной природы судебного контроля, его соотношения с правосудием, исследования форм и методов его осуществления на различных этапах уголовно-процессуальной деятельности, в том числе в стадии дознания и предварительного следствия. Нуждаются в новом научном осмыслении происходящие изменения функций суда, следователя, лица, производящего дознание, и прокурора, а в связи с этим и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства. Эти обстоятельства вызывают необходимость дальнейшего исследования проблемы становления судебной власти и судебной защиты в Российской Федерации.

Целью предпринятого исследования является комплексное освещение значения судебной защиты в уголовном процессе; определение её места в системе конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина и механизме обеспечения прав личности в сфере уголовного судопроизводства; рассмотрение форм и методов реализации судебной защиты на стадиях предварительного расследования и в суде первой инстанции; определение соотношения правосудия с различными видами судебного контроля; рассмотрение характеристики наиболее важных из них; исследование их эффективности и выявление типичных недостатков практики, путей совершенствования уголовно-процессуальных средств и методов судебной защиты.

Основываясь на признании плюралистичности методологических подходов к раскрытию общественных явлений, автор использует научные положения диалектической и гуманистической философии, учение о взаимосвязи и взаимообусловленности социальных

явлений, такие общенаучные методы исследования, как системный анализ изучаемых явлений и синтез полученных результатов, индуктивного и дедуктивного умозаключений, социологического изучения процесса и результатов деятельности правоприменительных органов. В процессе разработки разных аспектов темы использовались также историко-юридический, сравнительно-правовой, статистический, формально-логический, структурно-логический и другие частнонаучные методы познания.

Автором подвергнуто исследованию не только действующее уголовно-процессуальное право, его нормы, институты и внутренние закономерности, но и обсуждаемый в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации проект нового Уголовно-процессуального кодекса. Исследование базируется на критическом анализе широкого круга научных трудов по теории государства и права, государственному праву, уголовному процессу с привлечением работ по другим отраслям научного знания. Нормативную базу составляют Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, декларации и Международные акты, используется значительное количество постановлений Конституционного Суда РФ, Пленумов Верховного Суда СССР и РФ.

Содержащиеся в работе выводы опираются на исследование правоприменительной практики, как официально опубликованной, так и непосредственно изученной автором. В работе использованы результаты обобщения изученных в разные периоды и по различным вопросам уголовных дел, расследованных органами МВД и прокуратуры Самарской области, материалов о проверке жалоб на нарушения прав и свобод участников уголовного процесса, рассмотренных судами Самарской области, а также опыт работы автора в прокуратуре Самарской области (1975-1981 гг.), в Самарском областном суде (1987-1993 гг.), областной коллегии адвокатов (1994-2000 гг.).

Предлагаемая работа представляет собой первое комплексное исследование судебной защиты как основного направления функционирования судебной власти в уголовном процессе. В ней освещаются такие малоизученные проблемы, как формы реализации су-

дебной власти в уголовном процессе, соотношение правосудия и судебного контроля, формы судебного контроля, предмет и методы осуществления судебной защиты в уголовном процессе, а также такие остродискуссионные вопросы, как пределы самостоятельности и активности суда в уголовном процессе в свете развития его состязательности, роль суда в процессе доказывания, взаимодействие функций суда с функциями органов расследования и прокуратуры, перспективы судебного контроля за предварительным расследованием, реорганизация стадии предварительного судебного производства, теоретические и практические предпосылки введения в российский уголовный процесс некоторых форм упрощенного судопроизводства, проблема сделок о признании вины в свете идеи обеспечения доступа к правосудию и др.

Автор надеется, что высказанные им предложения и рекомендации будут интересны широкому кругу читателей и полезны для правоприменительной практики.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

§1. Судебная защита как функция правового государства

Стремление России к идеалам правового государства закономерно привело к закреплению в её новой Конституции положения о приоритете прав и свобод человека и гражданина. В статье 2 Конституции РФ сказано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства». Неотъемлемость прав и свобод человека означает невозможность нарушения или ограничения их и самим государством и придает государственной власти подзаконный характер⁵. Конституция РФ провозглашает правосудие одним из важнейших средств защиты прав и свобод человека и гражданина (ст. 18) и гарантирует каждому право на судебную защиту (ст. 46). И хотя сегодня это в значительной степени лишь декларация, она свидетельствует о глубоких изменениях в общественном сознании и официальной доктрине отношения человека и власти.

Важнейшая роль в механизме исполнения принятой на себя государством обязанности защищать права и свободы личности принадлежит судебной власти, призванной разрешать различные конфликты правового характера, поддерживать и восстанавливать мир и согласие, справедливость и другие охраняемые законом блага.

⁵ См.: Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд: Учебное пособие для вузов. - М., 1997. - С.92.

Разрешение социальных конфликтов - многогранная деятельность, в ходе которой реализуются полисистемные связи между многими правовыми благами. Судебная власть в этой деятельности выступает в разных ипостасях: с одной стороны, она защищает такое несомненное социальное благо, как общественные интересы, от посягательств со стороны отдельных лиц, с другой - блага отдельной личности от угрозы, исходящей от других личностей или от самой власти.

Зададимся вопросом: что следует понимать под разрешением конфликта и когда возникший между субъектами права конфликт может считаться разрешенным? Очевидно тогда, когда нарушенное в результате конфликта благо восстановлено, компенсировано или защищено в иной форме, а субъект, посягнувший на это благо, подвергнут соразмерному вине порицанию. Однако многообразие связей между охраняемыми правом благами требует, чтобы при этом была обеспечена и защита правонарушителя от возможных в процессе охранительной деятельности государства необоснованных ограничений его прав и свобод.

Таким образом, разрешая разнообразные правовые конфликты, судебная власть осуществляет защиту различного рода социальных ценностей, однако провозглашенный Конституцией РФ приоритет человеческой личности позволяет утверждать, что права и свободы личности подлежат первоочередной защите и в сфере правосудия. Возложенная на судебную ветвь государственной власти судебная защита прав и свобод личности становится одной из важнейших государственных функций.

Представление об обществе как о своеобразном социальном организме, сочетающем индивидуальное и коллективное начала, означает наличие прямой зависимости уровня развития личности от уровня развития общества и наоборот. При таком подходе провозглашенный Конституцией РФ приоритет интересов личности представляется не противоречащим интересам общества, а совпадающим с ними. Защищая интересы отдельного человека, государственная власть защищает интересы общества, что не препятствует защите интересов общества от тех его членов, которые нарушают установленные в обществе правила поведения.

Не случайно принятый 5 марта 1992 года Закон РФ «О безопасности» относит к основным принципам обеспечения безопасности личности, общества и государства соблюдение баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства, а также взаимную ответственность личности, общества и государства по обеспечению безопасности (ст. 5). В случае нарушения установленных властью ограничений, создающего опасность для других охраняемых законом интересов, возникает необходимость использования предусмотренных законом санкций. Таким образом, применяемые судебной властью меры ответственности за правонарушения к одной личности являются мерами защиты прав и свобод других личностей. Кроме того, судебная власть защищает права и свободы человека и в процессе возложения указанной ответственности, поскольку эта процедура сама по себе таит угрозу нарушения прав человека.

Осуществляя свое исключительное полномочие по разрешению правового конфликта, суд в процессе рассмотрения конкретного уголовного или гражданского дела восстанавливает нарушенное благо одной из конфликтующих сторон и защищает от возможного необоснованного нарушения или ограничения блага другой стороны. Оставаясь беспристрастным и объективным арбитром, суд обеспечивает реализацию гарантированного государством права на судебную защиту всем гражданам, независимо от того, какую роль они играют в правовом конфликте. Воплощением защиты охраняемого законом блага одного или другого служит решение или приговор суда. Являясь важнейшим актом судебной власти, судебное решение (судебный приговор) означает признание прав пострадавшей стороны нарушенными и их восстановление или констатацию отсутствия такого нарушения, ограждение второй стороны от необоснованного ущемления прав. Таким образом, в процессе реализации своей функции судебная власть восстанавливает нарушенное право, обеспечивает возмещение причиненного

вреда, ограждение прав и свобод от незаконного нарушения или ограничения.

Именно так определил задачи судебной власти Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 31.10.95 г. №8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». В постановлении, в частности, указано, что в соответствии со ст. 18 и 46 Конституции Российской Федерации суды обязаны обеспечить надлежащую защиту прав и свобод человека и гражданина путем своевременного и правильного рассмотрения дел⁶. Деятельность по рассмотрению и разрешению различного рода дел, таким образом, имеет социальную ценность лишь в той мере, в какой она обеспечивает права и свободы личности, служит средством их правовой защиты и гарантией от нарушения.

Провозглашенная статьей 46 Конституции РФ судебная защита прав и свобод человека и гражданина - сложное, многовариантное и многофункциональное явление, что обуславливает существование различных подходов к определению её понятия. В науке судебную защиту рассматривают как институт конституционного права, вид государственной защиты и средство обеспечения соблюдения прав и свобод⁷, общественное отношение⁸. Иногда судебная защита отождествляется с правосудием⁹ или доступом к нему¹⁰. В уголовно-процессуальной науке судебную защиту освещают как «совокупность организационных и процессуальных правил, предоставленных подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему для защиты своих прав и законных интересов»¹¹. Такое разнообразие во взглядах на судебную защиту отражает сложный характер этого социального и юридического феномена и позволяет рассматривать ее как концептуальное теоретическое и политико-правовое понятие, характеризующее смысл, содержание и формы реализации судебной власти. Однако подлинный смысл судебной защиты раскрывается лишь при анализе её с позиций учения о функциях правового государства.

⁶ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. - 1996. - №1.

⁷ Судебная защита прав и свобод граждан / Под ред. В.П.Кашепова. - М., 1999. - С.2.

⁸ См.: Филиппов П.М. Проблемы теории судебной защиты. Автореферат дисс. ... д-ра юрид. наук. - Л., 1988. - С.4, 5, 9.

⁹ См.: Масликов И.С. Судебная власть в государственном механизме Российской Федерации. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1997. - С.10.

¹⁰ См.: Стецовский Ю.И. Судебная власть: Учебное пособие. - М., 1999. - С.115.

¹¹ Шварц О.А. Организационные и процессуальные гарантии права человека и гражданина на судебную защиту (сравнительно-правовой анализ). Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1999. - С.9.

В теории права охрана и защита интересов человека и гражданина рассматривается как важнейшая функция правового государства¹², выполняемая всеми государственными органами в соответствии с компетенцией каждого из них. Вступление России в Совет Европы (1996), ратификация Европейской конвенции по правам человека (1998) налагают на неё обязанность обеспечить соответствующий международным стандартам права уровень защиты прав и свобод личности. Поэтому провозгласив, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, Конституция РФ возложила на государство обязанность их признавать, соблюдать и защищать. При этом во многих статьях Конституции подчеркивается, что в Российской Федерации признаются и защищаются права и свободы не абстрактной личности, а **каждого** конкретного человека, что придает содержащимся в Конституции нормам значение конституционных гарантий. Вместе с тем, Конституция РФ содержит и отдельную норму, гарантирующую государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 45).

Приведенные положения означают, что Российская Федерация не только признает основные права и свободы человека, но и считает защиту прав и свобод своих граждан одним из основных направлений деятельности, т.е. функцией, наличие которой у государства и позволяет характеризовать его как демократическое и правовое. Из содержания ст. 18 Конституции РФ следует, что эту функцию выполняют все ветви государственной власти - права и свободы человека и гражданина «определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной властей и обеспечиваются правосудием». Поскольку в силу произошедшего разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10 Конституции РФ) на судебную власть ст. 118 Конституции РФ возложено осуществление исключительного полномочия государства - правосудия, призванного обеспечивать права и свободы человека и гражданина (ст. 18 Конституции РФ), ей принадлежит ведущая роль в государственно-правовой защите человека¹³.

Являясь ветвью государственной власти, судебная власть выполняет государственную же функцию, выражающую «социальное назначение и сущность госу-

¹² См.: Хропанюк В.Н. Теория государства и права. - М., 1996. - С.156; Байтин М.И. Понятие и классификация функций государства // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И.Матузова, А.В.Малько. М., 1997. - С.61; Общая теория государства и права / Под ред. В.В.Лазарева. - М., 1994. - С.239; Ковалев М.А. Прокурорский надзор за расследованием преступлений. - М., 1981. - С.31.

¹³ Стремухов А.В. Правовая защита человека: Теоретический аспект. Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. - Спб., 1997. - С.23.

дарства»¹⁴. По справедливому определению И.Ф.Демидова, «смысл публичной власти - в служении человеку, в обеспечении его прав и свобод»¹⁵. Перечень внутренних функций государства¹⁶ не оставляет сомнений в характере функции судебной власти: её роль и назначение - охрана прав и свобод человека и гражданина¹⁷. В связи с этим слова В.М.Савицкого о том, что «настоящая судебная власть может возникнуть в результате приобретения судом качественно новых функций»¹⁸, получают особый смысл. Закономерное в правовом государстве усиление влияния судебной власти, её обособление от правоохранительных органов, выделение в самостоятельную ветвь государственной власти неизбежно приводят к перерастанию судебной защиты прав и свобод

¹⁴ Хропанюк В.Н. Указ. соч. - С.155. Аналогичным образом определяют функции государства и другие авторы. «Функции государства - это основные направления внутренней и внешней деятельности государства, в которых выражаются и конкретизируются его классовая и общечеловеческая сущность и социальное назначение» (см.: Байтин М.И. Указ. соч. - С.61).

¹⁵ Демидов И.Ф. Проблема прав человека в российском уголовном процессе (концептуальные положения). - М., 1995. - С.39.

¹⁶ К внутренним функциям государства относят экономическую, социальную, финансового контроля (или налогообложения и взимания налогов), охраны правопорядка (и охраны прав и свобод граждан, всех форм собственности), развития культуры, науки, образования и экологическую (Хропанюк В.Н. Указ. соч. - С.156-160; Байтин М.И., Сенякин И.Н. Основные внутренние функции // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И.Матузова, А.В.Малько... - С.64-70).

¹⁷ Конституция Франции применительно к судебной власти употребляет термин «хранительница личной свободы» (цит. по: Лебедев В.М. Судебная власть на защите конституционного права на свободу и личную неприкосновенность. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1998. - С.12).

¹⁸ Савицкий В.М. Российские суды получили реальную возможность контролировать исполнительную власть // Судебный контроль и права человека: Материалы российско-британского семинара 12-13 сентября 1994 года. - М., 1995. - С.52.

граждан из составной части правоохранительной функции государства¹⁹ в самостоятельную государственную функцию.

Понятия государственной и судебной защиты не идентичны. Поскольку защита прав и свобод личности - функция государственной власти в целом, аналогичные полномочия осуществляются и другими звеньями государственной власти. Особая роль судебной власти заключается в том, что она призвана стоять, во-первых, между двумя другими ветвями государственной власти, сдерживая и уравновешивая их в их стремлении к абсолютизации, и, во-вторых, между ними и человеком. В противостоянии человека и власти в любом её проявлении (государственного органа, органа местного самоуправления, должностного лица, принятого властью закона или иного нормативного или правоприменительного акта) судебная власть призвана выступать независимым и беспристрастным арбитром, что и обеспечивает ее роль гаранта интересов личности. Таким образом, судебная защита - это часть государственной защиты прав и свобод личности, которая осуществляется судебной властью, дистанцировавшейся от правоохранительных органов.

Распространенное прежде отождествление суда с правоохранительными органами, приводившее к смешению выполняемых ими функций²⁰, есть, по верному определению А.М.Ларина, жестокая и невежественная концепция²¹, однако, по мнению определенных кругов, именно вычленение суда из системы правоохранительных органов оставляет граждан без правовой, т.е. судебной защиты²². Такие диаметрально противоположные взгляды требуют уяснения сущности правоохранительной деятельности и правоохранительной функции. Основное содержание правоохраны сегодня - это борьба с преступлениями²³ и иными антиобщественными проявлениями, тогда как содержание судебной защиты - обеспечение прав и свобод личности. Хотя

¹⁹ См.: Филиппов П.М. Указ. соч. - С.5, 12.

²⁰ Вывод о том, что функции уголовного преследования и правосудия уже разделены не только концептуально, но и законодательно (см.: Скуратов Ю. Концептуальные вопросы развития прокуратуры в период правовой реформы в РФ // Законность. - 1997. - № 3. - С. 7), в условиях действия старого Уголовно-процессуального кодекса представляется преждевременным.

²¹ См.: Ларин А.М. Наш инквизиционный процесс // Судебная власть: Надежды и реальность: Сб. научн. трудов. - М., 1993. - С.75.

²² См.: Интервью Генерального прокурора России Ю.И.Скуратова газете «Известия» // Известия. - 1995. - 1 декабря.

²³ См.: Байтин М.А., Сенякин И.Н. Основные внутренние функции // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И.Матузова, А.В.Малько... - С.70.

лексически (правоохра́на - охра́на права) правоохранительную функцию можно понимать не только как охрану правопорядка, но и охрану прав граждан и хотя борьба с правонарушениями означает в то же время и охрану прав и свобод граждан от этих правонарушений, их отождествление или рассмотрение как части (судебная защита) и целого (правоохра́на) принципиально недопустимо. Необходимым признаком существования и обязательным условием самостоятельности судебной власти (ст. 10 Конституции РФ) является обособленность осуществляющей её судебной системы от иных, в том числе и правоохранительных, органов, что предопределяет обособленность осуществляемой ею функции.

Выделение судебной защиты в самостоятельную функцию государства обусловлено объективными потребностями общественного развития, состоящими

в необходимости реального обеспечения прав и свобод человека и гражданина, создания «научно обоснованного и активно действующего механизма защиты прав человека»²⁴, в котором ведущая роль принадлежит правосудию. Повышение роли правосудия, в том числе и как средства защиты прав и свобод человека и гражданина против произвола власти, включая её так называемые правоохранительные органы, - важнейшее условие самоограничения власти. Полномочия власти «легитимны лишь в пределах соблюдения прав человека. Нарушение общепризнанных стандартов в этой области служит основанием для изменения статуса самой власти»²⁵. Поэтому в демократическом правовом государстве власть заинтересована в учреждении институтов, ограничивающих её возможности по отношению к личности. Именно такую роль в современных российских условиях призвана играть судебная система.

Такой взгляд на функцию судебной власти развивался еще в дореволюционной правовой науке. В свое время проф. И.Я.Фойницкий не без оснований писал: «Государственная задача судебной власти - ограждение прав, законом дарованных, против всех нарушителей их. Суд ограждает права государственные, общественные и личные. Но в основании всех прав личности лежит её свобода. Поэтому естественно, что одной из важнейших функций судебной власти признается ограждение свободы личности, на стражу которой становится суд для устранения посягательств, направленных против неё как преступными действиями частных лиц, так и распоряжениями властей посторонних. Самостоятельной и независимой в отношении внешнем судебная власть может быть признана только там, где она в состоянии доставить действительную безопасность личной свободе про-

²⁴ Стремухов А.В. Указ. соч. - С. 3.

²⁵ Пермяков Ю. Лекции по философии права. - Самара, 1995. - С.42.

тив посягательств всякого рода»²⁶. «Стражем всех прав, огражденных законом», называл судебную власть приват-доцент Московского университета С.И.Викторский²⁷. Аналогичное мнение высказывалось и другими процессуалистами. Например, Н.Н.Полянский писал: «Судебная власть должна быть снабжена полномочиями, достаточными для того, чтобы она была в состоянии доставить действительную безопасность личной свободе против посягательств на неё не только со стороны частных лиц, но и со стороны лиц должностных»²⁸. Эта же мысль высказывалась им в ряде работ советского периода, в которых уголовный процесс рассматривался как привилегия для граждан, как сумма гарантий для обвиняемого от произвола государства²⁹.

Судебная защита полисистемна. Она раскрывает связи между многими правовыми благами. Государство заинтересовано не только в защите прав и свобод личности, но также в своей целостности, неприкосновенности и суверенитете, в экономическом процветании и политической стабильности, на страже которых стоит вся система государственной власти. Однако в том и видится глубинный смысл разделения власти, что каждая её ветвь выполняет свои собственные функции, ради которых государство учреждает различные органы. Судебная власть призвана осуществлять такую функцию, которую не в состоянии выполнять другие ветви власти. Однако защищая права и свободы каждой личности, судебная власть тем самым обеспечивает незыблемость демократического конституционного строя и безопасность государства. Устанавливая режим законности и обеспечивая его принуждением, государственная власть превращает объективные возможности свободы личности в действительность. Основное содержание законности заключается в осуществлении гражданами прав, в определенной системе гарантий, способных обеспечить эти права³⁰. Охрана свободы личности от покушений на нее со стороны не только других личностей, но и неправо-

²⁶ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.2. - Спб., 1996. - С.183-184.

²⁷ Викторский С.И. Русский уголовный процесс. - М., 1997. - С.86.

²⁸ Полянский Н.Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность: Лекции. - М., 1911. - С.86.

²⁹ См.: Полянский Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса. - М., 1927. - С.31. Однако в более поздних трудах автор разделил общераспространенное мнение о том, что целью уголовного процесса является наказание виновного в совершении преступления лица (см.: Вопросы теории советского уголовного процесса. - М., 1956. - С.68).

³⁰ Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Вып.1. - Саратов, 1967. - С.105.

мерных притязаний должностных лиц государства и всего того, что называется злоупотреблением властью, составляет цель функционирования судебной власти. Сильная независимая судебная власть создает реальные гарантии подлинной свободы личности. Судебная защита, таким образом, представляет собой вершину пирамиды государственной защиты личности, подчиняющей себе все остальные, внешние и внутренние функции государства. Такое понимание судебной власти соответствует принципам системного подхода к изучению социальных явлений: с одной стороны, функция судебной защиты - самостоятельная категория, не поглощающая других государственных функций и не поглощаемая ими, с другой - она тесно связана с ними общими конечными целями. Не случайно Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 2) обязывает каждое участвующее в нем государство развивать возможности судебной защиты прав и свобод человека и гражданина³¹.

Приоритет прав и свобод человека и гражданина в качестве объекта судебной защиты не означает незащищенности иных правовых благ. Отказ в удовлетворении иска или жалобы гражданина, обвинительный приговор суда являются свидетельством отсутствия подлежащего защите интереса личности, защиты интереса другой личности, общественной справедливости, стабильности нормативного или индивидуального правового акта, что в свою очередь может рассматриваться как косвенная защита прав и свобод.

В качестве иллюстрации может быть использован следующий пример из практики автора. Н-ва обратилась в суд с жалобой на нарушение её прав Положением о порядке проведения выборов ректора, утвержденным совместным решением ученого совета и профкома одного из крупнейших самарских вузов. Суд, признав жалобу Н-вой необоснованной, а её права ненарушенными, отказал в удовлетворении жалобы, однако решение суда не может рассматриваться как отказ в судебной защите, поскольку защите подлежит нарушенное право. Вместе с тем, приняв жалобу к рассмотрению и проведя судебное разбирательство с заслушиванием позиций сторон и исследованием доказательств, суд обеспечил Н-вой возможность использовать предусмотренное законом право обжаловать указанное решение ученого совета и профкома и таким образом защищать то субъективное право, которое по мнению заявительницы, им было нарушено. Отказав в удовлетворении жалобы Н-вой, суд защитил права и интересы второй стороны в данном споре, признав соответствующим закону принятое ею решение об утверждении Положения о порядке проведения выборов ректора, а также

³¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. - 1994. - №12.

права избранных в соответствии с ним делегатов на конференцию по выборам ректора и, косвенно, всех членов коллектива преподавателей, сотрудников вуза и обучающихся в нем, поскольку признание Положения не соответствующим закону означало срыв выборов ректора, что в свою очередь влекло иные негативные последствия.

В процессе осуществления судебной власти всегда возникает необходимость ограничения свободы личности в общих интересах, в интересах других членов общества, однако это вовсе не означает, что смысл судебной власти - в правоограничениях, ибо они лишь средство защиты прав и свобод других личностей или общественного интереса. Ограничение свободы личности является прерогативой главным образом законодательной власти, устанавливающей определенные пределы возможного осуществления прав и свобод. В случае нарушения установленных властью ограничений, создающего опасность другим охраняемым законом интересам, возникает необходимость применения установленных законом санкций. Таким образом, применяемые судебной властью меры ответственности за правонарушения к одной личности являются мерами защиты прав и свобод других личностей. Кроме того, судебная власть защищает права и свободы человека и в процессе применения указанной ответственности, поскольку эта процедура сама по себе таит угрозу нарушения прав человека.

Функция судебной защиты естественным образом вытекает из места и роли судебной власти в обществе, призванной разрешать разнообразные социальные конфликты, возникающие в правовой сфере и живо затрагивающие интересы людей. Учреждение публичной властью особых органов для охраны имущественных, личных и иных прав граждан³² обусловлено её заинтересованностью в стабильности общественных отношений, в немалой степени зависящей от правовой защищенности членов общества. По справедливому утверждению Б.Топорнина, в условиях правового государства осуществление судом функции защиты прав и свобод личности «будет обоснованно и логично доминировать во всей его деятельности»³³.

§2. Роль судебной защиты в обеспечении прав и свобод человека и гражданина

Осуществляемая в сфере действия права, судебная защита может быть рассмотрена как один из видов правовой защиты личности. Теория правовой защиты человека - относительно новое направление в юридической

³² См.: Филиппов П.М. Указ. соч. - С.12

³³ Топорнин Б. Суд и разделение властей // Вестник Верховного Суда СССР. - 1991. - №6. - С.26.

науке. Рассмотрение судебной защиты прав и свобод личности как правовой защиты обогащает учение о судебной защите, ибо позволяет применить к ней характеристики более общего социального и юридического явления. Исходя из разработанного в теории права понятия правовой защиты человека как элемента «осуществления прав человека, содержание которого составляет деятельность государства, общественных объединений и самого лица по созданию юридических условий, способствующих недопущению остановки процесса реализации прав, а в случае таковой, её восстановлению»³⁴, судебную защиту можно рассматривать как деятельность суда и входящих в систему юстиции органов, а также самого лица по предупреждению нарушений и необоснованных ограничений прав и свобод и в случае таковых - их восстановлению. Гарантированность судебной защиты - одно из необходимейших условий правовой защищенности личности, характеризующейся предоставлением лицу широких конституционных прав и наличием эффективного механизма их правовой защиты³⁵. Уровень судебной защиты прав граждан рассматривается как основной показатель места судебной власти в обществе, демократичности самого общества³⁶. Судебная защита - наиболее эффективный механизм правовой защиты личности из всех выработанных в мировой общественной практике. Не будет преувеличением утверждение, что отсутствие реального права на судебную защиту ограничивает степень свободы личности, низводит конституционные права человека и гражданина до уровня простой декларации. Значение судебной защиты для повышения уровня правовой защищенности личности трудно переоценить, а в ряде случаев судебная защита является единственным средством правовой защиты человека, например при реабилитации незаконно осужденного или привлеченного к судебной ответственности лица, установлении отцовства, признании безвестно отсутствующим или объявлении умершим.

Характер судебной защиты позволяет считать её универсальным, а потому наиболее эффективным способом защиты нарушенных прав и свобод личности. Основной чертой судебной защиты является её неограниченность, или, по определению В.П.Кашепова, всеобщность³⁷, проявляющаяся в следующем.

³⁴ Стремухов А.В. Указ. соч. - С.11.

³⁵ Там же.

³⁶ См.: Лившиц Р.З. Теория права. - М., 1994. - С.174.

³⁷ См.: Судебная защита прав и свобод граждан / Под ред. В.П.Кашепова... - С. VI-VII.

Во-первых, судебная защита распространяется на неограниченный круг лиц³⁸. Конституция РФ применительно к субъекту, права и свободы которого обеспечиваются судебной защитой, употребляет термин «каждый», что подчеркивает неперсонифицированность судебной защиты, отсутствие каких-либо формализованных ограничений на использование этого способа защиты субъективного права и законного интереса. При этом право на судебную защиту гарантируется не только гражданам РФ, но также иностранцам и не имеющим гражданства лицам. Указание Конституции на защиту прав *человека и гражданина* отражает стремление восстановить те общечеловеческие ценности, которые не зависят от принадлежности к государству³⁹, являются естественными, принадлежащими человеку от рождения. Государственная защита этих прав и свобод состоит в невмешательстве государства в их свободную реализацию и ограждении от иного постороннего вмешательства. Независимость частной жизни от любого незаконного вмешательства, создавая условия для развития и самореализации личности, становится нравственной основой многих уголовно-правовых и иных запретов и предметом судебной защиты.

Судебная защита распространяется на обвиняемых, защищающихся от незаконного или чрезмерно тяжкого обвинения, потерпевших и истцов, которые защищают нарушенные преступлением или иным правонарушением права и интересы, ответчиков, чьи имущественные интересы могут быть нарушены необоснованным приговором или решением, свидетелей и других привлеченных к участию в деле граждан, в том числе для содействия правосудию⁴⁰.

³⁸ Полагаем возможным согласиться с высказанным в науке мнением о том, что правом на судебную защиту обладают не только граждане, но и их объединения (см.: Филиппов П.М. Указ. соч. - С.7), в качестве которых выступает юридическое лицо либо все общество, однако оставляем без рассмотрения связанные с этим проблемы как выходящие за рамки научного исследования.

³⁹ См.: Лукашева Е.А. Указ. соч. - С.31-34.

⁴⁰ Государственная защита участников уголовного процесса не тождественна защите их прав и свобод, поскольку предмет этой защиты - обеспечение жизни, здоровья, имущества, чести и достоинства лиц, содействующих правосудию, - требует иных способов защиты, чем защита прав и свобод (см.: Зайцев О.А. Теоретические и

Во-вторых, судебная защита распространяется на все без исключения права и свободы, принадлежащие индивиду в силу прямого указания Конституции РФ и иных законов, а также не имеющие нормативного закрепления⁴¹, но не противоречащие закону, что вытекает из сопоставления частей первой и второй статьи 45 Конституции РФ: право гражданина защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами обеспечивается государством. Право на судебную защиту, как закрепленное законом, имеющим высшую юридическую силу, является непосредственно действующим (ст. 15 Конституции РФ) вне зависимости от наличия соответствующей процедуры его реализации, в связи с чем Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», обязав суды обеспечить надлежащую защиту прав и свобод человека и гражданина, рекомендовал в ряде случаев непосредственно применять Конституцию Российской Федерации, в том числе и при отсутствии федерального закона, который должен регулировать рассматриваемые судом правоотношения. Отсутствие прямых указаний в законе не может служить основанием для отказа в праве на обжалование в суд любых действий и решений, в том числе органов расследования и прокуроров⁴². Учитывая это, Конституционный суд РФ принял целый ряд постановлений, признающих неконституционными законы, ограничивающие право на

правовые основы государственной защиты участников уголовного процесса / Под научн. ред. С.П.Щербы. - М., 1997. - С.68).

⁴¹ «Гражданские права, - пишет М.Г.Масевич, - подлежат судебной защите, даже если в ГК РФ или иных нормативных актах не имеется соответствующего указания... Суд должен осуществлять защиту всех законных прав граждан, в том числе таких, которые не предусмотрены законом, если только это не противоречит действующему законодательству» (см.: Судебная защита прав и свобод граждан / Под ред. В.П.Кашепова... - С.87).

⁴² См. об этом: Стецовский Ю.И. Судебная власть... - С.126.

судебную защиту в связи с отсутствием указания на возможность обращения в суд. В наибольшей степени это коснулось Уголовно-процессуального кодекса, во многом не отвечающего духу времени.

Несмотря на то, что четкое разграничение между правами и свободами провести трудно, в литературе справедливо отмечено, что примененный в Конституции РФ термин «свобода» призван подчеркнуть более широкие возможности индивидуального выбора, не очерчивая конкретно его результата (свобода совести, свобода вероисповедания, свобода мысли и др.), тогда как термин «право» определяет конкретные действия человека⁴³ (например, право участвовать в управлении делами государства, получать квалифицированную юридическую помощь). Идентичные по своей юридической природе права и свободы обуславливают и единство системы их гарантий, поэтому и те и другие в равной мере обеспечиваются правосудием. Предметом судебной защиты являются не только материальные, но и процессуальные права. Являясь способом обеспечения правового статуса личности и гарантией конституционных прав граждан⁴⁴, процессуальные права сами включаются в правовой статус и нуждаются в защите в случае их нарушения или ущемления, поскольку данные действия⁴⁵ ограничивают для

⁴³ См.: Лукашева Е.А. Указ. соч. - С.31-34.

⁴⁴ См.: Демидов И.Ф. Проблема прав человека в современном российском уголовном процессе (концептуальные положения). Дисс. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада, выполняющая также функцию автореферата. - М., 1996. - С.29, 30.

⁴⁵ Такие нарушения допускаются, в частности, в связи с желанием судьи избежать подачи кассационной жалобы. Например, по делу Б-на о взыскании вознаграждения по исполненному договору судья Кировского районного суда г. Самары, нарушая требования ст. 284 ГПК РСФСР, указал в оглашенной им резолютивной части решения, что оно может быть обжаловано в течение 10 дней с момента оглашения. Следует отметить, что практика вынесения резолютивных решений по гражданским делам создает для заинтересованной в подаче кассационной жалобы стороны немалые сложности. Не имея возможности точно знать момент вынесения решения в окончательной форме, такое лицо рискует пропустить срок подачи жалобы, в связи с чем реализация им права на обжалование решения зачастую зависит не только

лица возможности защиты прав материальных. В связи с тем, что такие нарушения достаточно распространены, восстановление процессуальных прав (например, права на подачу иска в случае пропуска срока исковой давности) занимает важное место в судебной защите. Следует признать, что защите подлежат и права граждан, сопровождающие выполнение налагаемых на них государством обязанностей и мер ответственности. Таковыми являются право на разумность и пропорциональность применяемой за правонарушение ответственности, достойные человека условия отбывания наказания и пр.

В-третьих, судебной защитой охватываются права и свободы, нарушенные или ограниченные любым органом государственной власти, местного самоуправления, общественного объединения, должностным лицом любого уровня. В полном соответствии с Международным Пактом о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, обязывающим государства обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в настоящем Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве (ст.2 п.3а)⁴⁶, Конституционный Суд РФ в ряде постановлений (от 2 июля 1998 года по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 УПК РСФСР, от 6 июля 1998 года по делу о проверке конституционности части пятой статьи 325 УПК РСФСР, от 23 марта 1999 года по делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 УПК РСФСР; от 28 мая 1999 года по делу о проверке конституционности части второй статьи 266 и пункта 3 части первой статьи 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях)⁴⁷ сформулировал правовую позицию, сущность которой заключается

в том, что в рамках судебной защиты возможно обжалование в суд решений и действий (или бездействия) любых государственных органов, включая органы, осуществляющие уголовное преследование, и судебные органы. «Суды обязаны осуществлять свою деятельность таким образом, чтобы соблюдались

от проявленной настойчивости, но и от усмотрения судьи. В одном из таких случаев ответчик П-ва ежедневно вынуждена была просить у секретаря расписку в том, что решение в окончательной форме не изготовлено. В другом случае, нарушение права на своевременное ознакомление с решением пришлось доказывать в судебном порядке путем подачи жалобы на отказ в восстановлении пропущенного срока.

⁴⁶ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. - 1994. - № 12.

⁴⁷ См.: Вестник Конституционного Суда РФ. - 1998. - №5, 6; 1999. - №4, 5.

права и свободы человека и гражданина, а в случаях их нарушений обеспечивалось максимально быстрое и полное их восстановление»⁴⁸. Права, нарушенные судом, не могут быть исключены из числа объектов судебной защиты. Правовая позиция Конституционного Суда, заключающаяся в утверждении, что право на судебную защиту предполагает право на охрану прав и законных интересов не только от произвола законодательной и исполнительной власти, но и от ошибочных решений суда⁴⁹, имеет принципиальное значение.

Незаконный и необоснованный судебный акт, принятый судом по любому делу, означает отказ в судебной защите. Именно так судебная коллегия по уголовным делам Самарского областного суда расценила определение судьи Октябрьского района города Самары об отказе в принятии частной жалобы на ее же определение об отмене условного осуждения в отношении В-го и направлении его для отбывания наказания в места лишения свободы⁵⁰. Отменяя данные определения, судебная коллегия указала, что, отказывая в принятии частной жалобы на определение, ограничивающее конституционное право В-го на свободу, по мотивам отсутствия в УПК РСФСР прямого указания на право обжалования такого постановления, судья преградила

В-му доступ к правосудию.

В-четвертых, судебная защита относится к числу прав, которые не подлежат ограничению ни при каких условиях (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, Постановление Конституционного Суда РФ от 13.11.95 г. по делу о проверке конституционности части пятой статьи 209 УПК РСФСР⁵¹), поскольку ограничение этого права ни при каких обстоятельствах не может быть обусловлено необходимостью достижения признаваемых Конституцией Российской Федерации целей (защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства)⁵².

⁴⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 года // Вестник Конституционного Суда РФ. - 1998. - №5.

⁴⁹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 28 мая 1999 года по делу о проверке конституционности части второй статьи 266 и пункта 3 части первой статьи 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях // Вестник Конституционного Суда РФ. - 1999. - №5.

⁵⁰ Взяв В-го под стражу в зале суда, судья «объяснила» ему, что участие защитника при рассмотрении таких вопросов законом не предусмотрено, а в вынесенном ею определении указала, что оно обжалованию и опротестованию не подлежит.

⁵¹ См.: Российская газета. - 1995. - 28 ноября.

⁵² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 1993 года, от 3 мая 1995 года, от 29 апреля 1999 года и др. // Вестник Конституционного Суда РФ. - 1994. - №1; 1995. - №2-3; 1998. - №4.

Не менее существенной особенностью судебной защиты, по сравнению с рассмотренной, является её высокая эффективность, обусловленная независимостью суда от различных органов и влияний и наличием особой процедуры и принципов его деятельности. «Независимость суда (пусть пока и весьма относительная), отсутствие у судей какой бы то ни было ведомственной заинтересованности, широкая гласность обсуждения, устное и непосредственное исследование всех доказательств - общепризнанные достоинства судебной процедуры. Гражданин и орган власти или управления (должностное лицо) получают равные процессуальные возможности доказывать правильность своих утверждений и оспаривать доводы противоположной стороны. Не робкий спор униженного просителя с всемогущим хозяином служебного кабинета, а открытое состязание равноправных участников судебного разбирательства»⁵³ обуславливает высокую эффективность судебной процедуры.

Эффективность судебной защиты повышает обязательность исполнения судебного акта, имеющего силу закона, а также наличие правовых механизмов его принудительного исполнения. Правоприменительная деятельность суда носит авторитарный характер, но именно поэтому акты судебной власти способны обеспечить защиту нарушенных или оспоренных прав⁵⁴.

Изложенное позволяет рассматривать судебную защиту как универсальный правовой механизм, обеспечивающий реализацию человеком его прав и свобод и их эффективное восстановление.

Значение судебной защиты возрастает в связи с выполнением ею особой роли - служить гарантией осуществления всех прав и свобод человека и гражданина. Установление принципа «общей кляузы», т.е. принципиальной возможности обратиться в суд с жалобой на любое нарушение прав и свобод, означает право на судебную защиту от незаконных действий самих государственных органов и их должностных лиц, в том числе и в случае отказа в принятии отнесенных к их компетенции мер по охране, защите и восстановлению ущемленного права. Так, заинтересованное лицо может обратиться в суд в случае отказа органом исполнительной власти в удовлетворении жалобы на необоснованное применение меры административной ответственности или органом расследования в возведении или продолжении уголовного дела. Наличие такой принципиальной возможности гарантирует надлежащее исполнение другими властными структурами их обязанностей

⁵³ Савицкий В. Российские суды получили реальную возможность... - С.55.

⁵⁴ См.: Савельева Т.А. Судебная власть в гражданском процессе: Учебное пособие. - Саратов, 1997. - С.23.

по защите прав и свобод личности, способствует повышению уровня правовой защищенности личности, обеспечивает её свободу.

Гарантированность судебной защиты прав и свобод выполняет роль фактора, гармонизирующего общественные отношения. Принципиальная возможность для каждого гражданина обратиться за защитой в суд есть средство охраны его прав не только от уже реальных, но и от возможных нарушений. В связи с этим судебная защита в науке рассматривается как правоотношение общего характера между государством, с одной стороны, и личностью - с другой⁵⁵, в котором принципиальному праву личности на соблюдение и защиту ее прав и свобод корреспондирует принципиальная же обязанность государства предоставить ей эту защиту. Этот аспект судебной защиты имеет материальный характер, так как права личности обеспечиваются нормами материального права и предусмотренными им способами (ст.11-16 ГК РФ).

Поскольку функция судебной защиты объективируется лишь в процессе взаимодействия личности и органов судебной власти и лишь посредством совершения судом (судьей) определенных действий, судебная защита может рассматриваться и как система процессуальных правоотношений, в которых реализуется право лица на судебную защиту. Возникновение указанных правоотношений предполагает личную инициативу гражданина, однако вне обязанностей суда данное право не реализуется⁵⁶. В этом смысле судебная защита - это система действий судебных органов по рассмотрению и разрешению судебного дела и исполнению решения. В качестве судебной

⁵⁵ См.: Филиппов П.М. Указ. соч. - С.16.

⁵⁶ «Ни один из участников уголовно-процессуальных правоотношений вне прямой и конкретной связи с представителем государства (следователем, лицом, производящим дознание, прокурором, судом) не может реализовать свои права и выполнить возложенные на него обязанности» (см.: Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. - М., 1975. - С.157).

защиты может рассматриваться как отдельное судебное действие - постановление приговора, принятие мер обеспечения иска, применение или отмена меры пресечения, вынесение частного определения, так и в целом деятельность суда по уголовному или гражданскому делу, а также всей судебной системы. Выполняя различные процессуальные действия: исследуя доказательства, заслушивая показания и объяснения сторон, вынося решение, разрешая заявленные сторонами ходатайства, - суд (судья) защищает права участников судебного разбирательства и обеспечивает им право на личное участие

в правосудии, на использование предоставленных для этого полномочий.

Осуществляемую судом деятельность по восстановлению нарушенных преступлением или иным правонарушением прав и свобод человека и гражданина

и предупреждению этих нарушений принято называть правосудием⁵⁷, в связи с чем некоторыми авторами допускается отождествление правосудия и судебной защиты⁵⁸. Определенные основания для этого дает сама Конституция Российской Федерации. Положение статьи 18 о том, что права и свободы человека и гражданина обеспечиваются правосудием, фактически означает, что они защищаются судом. Однако хотя понятия правосудия и судебной защиты тесно связаны, они не являются тождественными. Судебная защита реализуется только в правосудии, а правосудие немислимо без защиты прав и свобод граждан. Правосудие, на наш взгляд, есть способ осуществления судебной защиты, форма её реализации. Тем не менее, правосудие судебной защитой не исчерпывается.

Являясь элементом рассматриваемого правоотношения, право лица на судебную защиту представляет собой субъективное материальное право (восстановление существовавшего до нарушения положения, признание права, компенсация вреда, реабилитация, возвращение имущества) и совокупность процессуальных прав. Названные права вполне соответствуют характеру субъективного права как юридического права, принадлежащего субъекту⁵⁹, хотя некоторые авторы полагают, что наличие возможности требовать от суда совершения определенных действий по организации судебного разбирательства, пересмотру судебного акта исключает применение

к этому праву категории субъективного⁶⁰.

⁵⁷ См. об этом: Бибило В.Н. Социально-правовые основы правосудия по уголовным делам. Автореферат дисс. ... д-ра юрид. наук. - Минск, 1995. - С.12, 14 и след.

⁵⁸ Филиппов П.М. Указ. соч. - С.22; Стецовский Ю.И. Указ. соч. - С.115 и след.

⁵⁹ См.: Явич Л.С. Общая теория права. - Л., 1976. - С.160.

⁶⁰ См.: Филиппов П.М. Указ. соч. - С.6, 16, 17.

Право на судебную защиту, однако, не исчерпывается возможностью обращения в суд и включает в себя право на личное участие в отстаивании своих прав и свобод, право требования от суда предоставления защиты, а также право на получение юридической помощи для реализации указанных прав. Право на защиту, в связи с этим, является не только субъективным правом, но может рассматриваться как совокупность правомочий, обеспечивающих лицу возможность добиваться восстановления в правах⁶¹. В значительной степени эффективность судебной защиты зависит от активности самого лица. Возможность личного участия в отстаивании своих интересов - одна из гарантий ее эффективности и способ реализации, а лишение данного права рассматривается как ограничение права на судебную защиту.

В постановлении от 15 января 1999 года по делу о проверке конституционности положений частей первой и пятой статьи 295 УПК РСФСР Конституционный Суд РФ указал, что судебная защита, понимаемая как эффективное восстановление в правах, предполагает обеспечение состязательности и равноправия сторон, в том числе предоставление им достаточных процессуальных правомочий для защиты своих интересов при осуществлении всех процессуальных действий, результат которых имеет существенное значение для определения прав и обязанностей⁶². Поэтому суд признал, что лишение потерпевшего права участвовать в прениях, т.е. лично отстаивать свои интересы, выходит за пределы конституционно допустимых ограничений и является нарушением права на судебную защиту достоинства личности.

Аналогичное правило сформулировано и в другом постановлении Конституционного Суда РФ: участие в судебном заседании, возможность заявлять отводы и ходатайства, знакомиться с позициями выступающих участников судебного заседания и дополнительными материалами и заключением прокурора - необходимые гарантии судебной защиты и справедливого разбирательства дела⁶³.

Поэтому деятельность участников судебного процесса, направленную на восстановление нарушенных прав (истец, потерпевший) или предупрежде-

⁶¹ Именно так определяет право на судебную защиту Конституционный Суд РФ - как совокупность процессуальных средств, обеспечивающих справедливое правосудие и эффективное восстановление в правах (см.: Постановление от 10 декабря 1998 года по делу о проверке конституционности части второй статьи 335 УПК РСФСР // Российская газета. - 1998. - 24 декабря).

⁶² См.: Российская газета. - 1999. - 28 января.

⁶³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 10 декабря 1998 года по делу о проверке конституционности части второй статьи 335 УПК РСФСР // Российская газета. - 1998. - 24 декабря.

ние нарушения прав (ответчик, обвиняемый), в определенном смысле тоже можно считать судебной защитой.

Судебная защита представляет собой сложное, полисистемное правовое явление, не принадлежащее какой-либо одной отрасли права. Заключенная во множестве правовых норм, судебная защита не может быть правильно понята, если считать её выражением лишь положение статьи 46 Конституции РФ: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод». Право на судебную защиту обеспечивает реализацию прав и свобод граждан, потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью, которым государство обеспечивает доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции РФ), возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53 Конституции РФ). В рамках судебной защиты реализуется право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48), на обжалование незаконных действий и решений государственных органов и должностных лиц (ч. 2 ст. 46).

Поэтому судебную защиту необходимо рассматривать как институт, включающий совокупность вышеприведенных правовых норм. Только в совокупности указанные нормы и создают гарантию судебной защиты прав и свобод граждан. Не имея доступа к правосудию (ст. 52), лицо не может реализовать свое право на судебную защиту (ст. 46), а указание на обеспеченность его прав правосудием (ст. 18) придает смысл обращению лица в суд за защитой нарушенных прав.

Принятие государством на себя обязанности признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина предполагает заботу о создании развитой системы гарантий, с помощью которых реализуется эта задача. Поэтому судебная защита не исчерпывается правовыми положениями, содержащимися в Конституции РФ, и требует наличия механизма её реализации, включающего полномочия судебных органов, права ищущей защиты личности, многочисленные гарантии обеспечения права на судебную защиту. Поскольку судебная защита осуществляется во всех формах судопроизводства, она с полным правом может рассматриваться как межотраслевой институт российского права: совокупность взаимосвязанных юридических норм (институтов), содержащихся в различных отраслях права, но регулирующих однородную группу общественных отношений.

Подобный взгляд позволяет внести и обосновать предложение об унификации отраслевого законодательства, посвященного судебной защите. Единая цель судебной защиты диктует единство правовых средств и способов защиты прав и свобод личности независимо от формы судопроизводства. Вряд ли имеет разумные оправдания существование различных сроков обжалования

судебного решения, принятое в уголовном и гражданском процессах, различий в объеме предоставленных для защиты нарушенного права процессуальных возможностей и процедуре наделения участника судебного процесса определенным статусом и т.д. В связи с этим требуется разработка концепции о единой судебной защите не как о направлении деятельности отдельных звеньев судебной власти и не только в связи с правом граждан на обжалование в суд неправомερных действий, ущемляющих права и свободы личности, но как о единой функции судебной власти, реализуемой посредством уголовного, гражданского, административного и конституционного судопроизводства. Нарушения прав и свобод граждан требуют одинаковых правовых средств защиты независимо от характера и вида нарушения.

Верховенство правосудия в деле защиты прав и свобод человека и гражданина позволяет рассматривать судебную защиту как концептуальное понятие, характеризующее существование и реализацию судебной власти в качестве механизма, заставляющего государство в лице его органов и должностных лиц выполнять принятые им на себя обязанности по обеспечению прав и свобод личности.

Защита прав граждан посредством различных форм осуществления правосудия приобретает все большее распространение на практике. Так, в 1998 году по сравнению с 1997 годом число поступивших в суды жалоб и иных требований, вытекающих из административно-правовых отношений, возросло практически по всем позициям, суммарно увеличившись с 174,3 до 276,5 тысяч, или на 58,7%, в том числе:

- о признании незаконными правовых актов - с 3399 до 4082, или на 20,1%,
- на неправомерные действия должностных лиц и коллегиальных органов, ущемляющих права граждан, - с 80,5 до 127 тысяч, или на 57,6%,
- на неправомерное наложение административного взыскания - с 19,3 до 23,3 тысяч, или на 20,7%,
- на нарушения налогового законодательства - с 46,6 до 62,7 тысяч, или на 34,6%,
- на нарушения избирательного законодательства - с 819 до 1017, или на 24,2%.

Возросло число обращений граждан с исковыми заявлениями различного рода, например с исками о защите чести и достоинства - с 9,4 до 10,9 тысяч.

При этом изменилось в сторону увеличения и число обоснованных жалоб и удовлетворенных исков⁶⁴. Постоянно растет количество судебных

⁶⁴ См.: Работа судов Российской Федерации в 1998 году // Российская юстиция. - 1999. - №9. - С.51-53.

производств, разрешаемых в порядке контроля за законностью в деятельности органов расследования. В 1998 году их было рассмотрено 43,9 тысяч (ранее этот вид судебных производств не учитывался)⁶⁵. Приведенные данные свидетельствуют о признании обществом судебной защиты в качестве средства восстановления нарушенных прав.

ГЛАВА 2. ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

§ 1. Уголовный процесс как способ защиты прав и свобод человека и гражданина

Уголовное судопроизводство заключается в расследовании и рассмотрении дел о преступлениях, т.е. общественно опасных деяниях, грубо вторгающихся в личную жизнь, посягающих на наиболее значимые для человека ценности - жизнь, здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство, защита которых гарантирована государством (ст. 2 Конституции РФ). Совершение преступления свидетельствует о том, что государство принятых на себя обязанностей не выполнило, конкретную личность не защитило. Именно поэтому принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 года Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью требует, чтобы права и интересы граждан, пострадавших от преступлений,

⁶⁵ См.: Работа судов Российской Федерации в 1998 году // Российская юстиция. - 1999. - №8. - С.52-54.

права и интересы граждан, пострадавших от преступлений, признавались предметом особой заботы со стороны государства, а Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений, подписанная 24 ноября 1983 года, предусматривает возмещение государством ущерба жертвам уголовных преступлений⁶⁶. С другой стороны, уголовный процесс создает серьезную угрозу и жизненно важным интересам подозреваемого и обвиняемого. Пока вина лица в совершении преступления не установлена в предусмотренном законом порядке, грозящая обвиняемому ответственность есть не что иное, как реальная возможность существенного ограничения его прав и свобод, поэтому интересы лица, обвиняемого или подозреваемого

в совершении преступления, нуждаются не в меньшей защите.

Учитывая это, Конституция РФ содержит специальные гарантии прав участников уголовного процесса. Потерпевшему от преступления лицу гарантирован доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба (ст. 52), ряд статей (47-51) содержит правовые положения (презумпцию невиновности, освобождение от обязанности доказывания, обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь и пересмотр приговора), которые призваны исключить возможность осуждения невиновного, постановления несправедливого приговора.

Принцип законности, как неотъемлемая черта конституционного правового государства, относится ко всем сферам государственной жизни и обеспечивается судебным контролем за органами как исполнительной, так и законодательной властей⁶⁷. Соблюдение правовых норм в ходе осуществления уголовного правосудия и предшествующего ему предварительного расследования особенно актуально. Проблемы повышения эффективности защиты прав участвующих в уголовном судопроизводстве лиц не перестают при-

⁶⁶ См.: Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью / Сост. Т.Н.Москалькова и др. - М., 1998. - С.81-85.

⁶⁷ См.: Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд... - С.96.

влекать повышенное внимание общества⁶⁸. Однако существующее сегодня законодательство о расследовании и рассмотрении уголовных дел по-прежнему не отвечает духу времени, не соответствует принципам правового государства, не согласуется с гарантированными Конституцией правами человека и не обеспечивает их эффективной защиты.

Совершенствования отдельных процедур, расширения процессуальных прав участвующих в уголовном процессе лиц и усиления процессуальных гарантий сегодня недостаточно. Необходим иной концептуальный подход к задачам уголовного процесса, связанный с коренным переосмыслением положения человека в обществе, его взаимоотношений с государством. Не случайно участники круглого стола «Конституция Российской Федерации и совершенствование юридических механизмов защиты прав человека» указывали на не-

⁶⁸ См.: Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. - М., 1984 ; Ларин А.М. Презумпция невиновности. - М., 1982; Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. - М., 1972; она же. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание). - М., 1973; Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть). - М., 1978; он же. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. - М., 1989; Кокорев Л.Д. Положение личности в советском уголовном процессе. Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. - Л., 1975; Стецовский Ю.И., Ларин А.М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту.-М.,1988; Демидов И.Ф. Проблема прав человека в российском уголовном процессе (концептуальные положения). - М., 1995; Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. - Волгоград, 1999; Корнуков В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. - Саратов, 1987; он же. Теоретические и правовые основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Автореферат дисс. ... докт.юрид. наук. - Харьков, 1987; Юрченко В.Е. Гарантии прав потерпевшего в судебном разбирательстве. - Томск, 1977; Выдря М.М. Уголовно-процессуальные гарантии в суде: Учебное пособие. - Краснодар, 1980 и др.

обходимость создания целостной концепции прав человека в уголовном процессе⁶⁹.

Представляется, что правильно понять задачи уголовного судопроизводства, оценить содержащиеся в уголовно-процессуальном законодательстве правила об обязанностях следователя, прокурора и суда по обеспечению прав и свобод всех участников уголовного процесса как составной части обязанностей и ответственности государства перед человеком, можно лишь с учетом конституционных положений о ценности человеческой личности, прав и свобод человека и гражданина. Проблема гарантий прав участников уголовного процесса неразрывно связана с правовым положением личности в обществе⁷⁰. По справедливому определению И.Я.Фойницкого, «чем свободнее личность в государстве, тем полноправнее обвиняемый в уголовном процессе»⁷¹. Суждения о том, что «положение личности в уголовном процессе - пробный камень гуманности политического режима»⁷², что оно «наиболее ярко и правдиво отражает истинный тип

⁶⁹ См.: Государство и право. - 1994. - №10

⁷⁰ См.: Выдря М.М. Гарантии прав участников уголовного процесса в судах первой и второй инстанций. Автореферат дисс. ... д-ра юрид. наук. - М., 1967. - С.5.

⁷¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.1. - Спб., 1996. - С.13. Аналогичные взгляды можно обнаружить и в современной науке. «Характер государства и общества в целом проявляется прежде всего в отношении государства к гражданину, положению личности в обществе», - пишет, например, В.М.Корнуков (см.: Корнуков В.М. Конституционные основы правового положения личности в уголовном судопроизводстве. - Саратов, 1987. - С.7).

⁷² Ларин А.М. Презумпция невиновности. - М., 1982. - С.62.

как самого государства, так и его правовой системы⁷³, сохраняют свою актуальность. Правосудие как вид деятельности государства осуществляется согласно с общим политическим строем государства, принципы правосудия тесно связаны с общими началами государственного устройства.

В свою очередь «построение уголовного процесса оказывает глубокое влияние на права и положение личности в государстве»⁷⁴, поскольку является именно той сферой государственной и общественной жизни, где свобода личности подвергается наибольшему ограничению. Именно поэтому уголовный процесс нуждается в установлении законодательной властью четких оснований для любого ограничения свободы личности⁷⁵, процедур применения ограничительных мер и механизмов защиты от необоснованных правоограничений. Устанавливающая правила осуществления уголовно-процессуальной деятельности законодательная власть связана, ограничена в своем законотворчестве правами человека, а гарантией соблюдения установленных ею границ при осуществлении уголовного процесса служит суд.

⁷³ См.: Ковтун Н.Н. Соотношение частных и публичных начал в уголовном судопроизводстве: время выбора // Государство и право. - 1995. - №11. - С.66.

⁷⁴ Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т.1. - С.13.

⁷⁵ «Ограничения свободы личности должны быть строго соизмеримы с задачей обеспечения и защиты личной безопасности граждан от возможных посягательств на неё преступных элементов и обязательно закреплены в законе во избежание произвольного расширения этих ограничений»-Петрухин И.Л. Человек как социально-правовая ценность // Государство и право. - 1999. - № 10. - С.85.

Принято считать, что уголовно-процессуальная деятельность имеет публично-правовой характер⁷⁶, поскольку преступление посягает на охраняемые публичным правом ценности- права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, окружающую среду, конституционный строй РФ, мир и безопасность человечества (ст. 2 УК РФ). Являясь способом реализации уголовной ответственности, уголовный процесс, содержание которого составляет деятельность государственных органов по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел, также имеет своей задачей обеспечить охрану прав и свобод человека и гражданина, общественного порядка и общественной безопасности, обороны страны и основ конституционного строя РФ от преступных посягательств (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Таким образом, и уголовное, и уголовно-процессуальное законодательство признают права и свободы личности одним из объектов защиты, осуществляемой при производстве по уголовному делу, наравне с общественным порядком, общественной безопасностью и самим конституционным (государственным) строем РФ. Однако, как отметил вице-президент Российской академии наук В.Н.Кудрявцев на Всероссийской научно-практической конференции «Государство и право на рубеже веков», состоявшейся 2-4 февраля 2000 года, проблема определения приоритетов среди охраняемых правом ценностей, в том числе и в сфере уголовного процесса, продолжает оставаться открытой.

В период безраздельного господства марксистско-ленинской идеологии принято было считать, что личность сознательно подчиняет свои интересы интере-

⁷⁶ См.: Уголовно-процессуальное право РФ / Под ред.П.А.Лупинской. - М., 1998. - С.11.

сам общества и государства⁷⁷, государственные интересы и интересы личности находятся в гармоничном единстве⁷⁸, поскольку юридической формой сочетания интересов государства и граждан является соотношение взаимных прав и обязанностей государства и личности⁷⁹. При этом единство прав и обязанностей трактовалось не только как соответствие праву одного субъекта правоотношения обязанности другого, а иногда и как обязательное сопровождение прав лица его же обязанностями⁸⁰. «Права и обязанности личности друг друга предполагают, находятся в закономерном соотношении»⁸¹.

В течение всего периода существования советского государства личные интересы признавались подлежащими защите лишь тогда, когда они соответствовали общественным интересам⁸². Общественный же интерес в уголовном процессе рассматривался как осознанная «необходимость борьбы с преступностью, раскрытия преступления, справед-

⁷⁷ Хорошо известно высказывание В.И.Ленина по этому вопросу: «Государство сильно сознательностью масс» (см.: Полн. собр. соч. Т.35. - С.21).

⁷⁸ См.: Чиквадзе В.М. Советское государство и личность. - М., 1978. - С.16, 20 и след.

⁷⁹ См.: Патюлин В.А. Государство и личность в СССР. - М., 1974. - С.111, 113 и др.

⁸⁰ См.: Фарбер И.Е. Соотношение прав с обязанностями и социалистическое правосознание // Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства. - Саратов, 1962. С.63; Корнуков В.М. Указ. соч. - С.26.

⁸¹ Фарбер И.Е. Указ. соч. - С.63 В полном соответствии с этими воззрениями, Конституция СССР провозглашала, к примеру, и право на труд, и обязанность трудиться делом чести каждого способного к труду гражданина.

⁸² Признавала приоритет общественных интересов над личными и общая теория права (см.: Тихомиров Ю.А. Теория закона. - М., 1982. - С.139).

ливого наказания лиц, виновных в совершении преступления, а также как необходимость защиты лиц от необоснованного привлечения к уголовной ответственности и применения мер процессуального принуждения, реабилитации невиновных»⁸³. Законными признавались только такие интересы обвиняемого, которые совпадали с задачами уголовного судопроизводства или могли быть удовлетворены не в ущерб общественным⁸⁴.

Совершенно иной взгляд на проблему соотношения личных и общественных интересов неизменно высказывал М.С.Строгович. Он утверждал, что гарантии прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве, в том числе и обвиняемого, гуманистические принципы и институты судопроизводства не противоречат интересам правосудия, а полностью им соответствуют⁸⁵. Аналогично мнение В.И.Каминской: «С точки зрения интересов общества, гораздо важнее обеспечить прочную правовую охрану всем честным гражданам от необоснованного привлечения их к ответственности и осуждения, от необоснованного применения к ним мер процессуального

⁸³ Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / Под ред. Л.Д.Кокорева. - Воронеж, 1984. - С.9.

⁸⁴ Коврига З.Ф. О процессуальной ответственности как гарантии успешной реализации уголовной ответственности // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации. - Воронеж, 1989. - С.105; она же. Уголовно-процессуальная ответственность. - Воронеж, 1984. - С.167.

⁸⁵ См.: Конституционные основы правосудия в СССР / Под ред. В.М.Савицкого. - М., 1981. - С.322; Строгович М.С. О правах личности в советском уголовном судопроизводстве // Избранные труды. Т.2. - М., 1992. - С.228.

принуждения. Для достижения этой цели, являющейся неотъемлемым элементом демократии, можно, по нашему мнению, мириться с возможностью единичных случаев, когда преступник уйдет от заслуженного наказания»⁸⁶. Подвергнутое резкой критике⁸⁷, это мнение, однако, способствовало постепенной демократизации отношения государства к личности, что не могло не сказаться на распространении в науке иных взглядов на содержание публичных интересов в уголовном процессе.

В публикациях последнего периода принцип публичности, символизирующий общественные и государственные интересы в уголовном процессе, рассматривается как обязанность уполномоченных государственных органов и должностных лиц «принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, виновных лиц и справедливому наказанию или предотвратить неосновательное уголовное преследование или незаконное осуждение лиц»⁸⁸, а защита прав и законных интересов участвующих в деле лиц - как публично-правовая обязанность государственных органов, составляющая «конструктивный элемент начала публичности»⁸⁹.

Однако мнение о том, что «приоритет общественных интересов подлечит замене на приоритет прав и свобод личности», а взятый под охрану

⁸⁶ Каминская В.И. Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве // Советское государство и право. - 1968. - №10. - С.34-35.

⁸⁷ Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве... - С.14.

⁸⁸ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Под. ред. П.А.Лупинской. - С.121-122.

⁸⁹ Там же. - С.123.

закона «интерес личности... не нуждается в присвоении ему титула публичного интереса»⁹⁰, представляется неприемлемым. Вопрос заключается в том, как понимать принцип публичности уголовно-процессуальной деятельности. Формирующийся в науке взгляд на публичный интерес как интерес общественный (а не государственный, как считалось ранее)⁹¹, «сочетающий, с одной стороны, интересы организаций, наций, социальных слоев, общества в целом, а с другой - частные интересы»⁹², позволяет по-иному подойти к проблеме так называемого «частного» интереса в уголовном процессе и его соотношению с принципом публичности.

Декларировавшаяся ранее идея, согласно которой «интересы личности выступают как интересы общественные, а интересы общественные - как интересы граждан»⁹³, не только не утратила своего значения, но наполненная новым содержанием впервые получила реальную возможность воплотиться в действительность.

Марксистско-ленинская концепция соотношения общества и человека, основанная на гипертрофии общественного начала, подчиняющего себе интересы человека, доказала свою нежизнеспособность. «Прежнее общество было разрушено в огромной мере именно потому, что оказалось не в состоянии найти адекватное решение вопроса о соотношении индивидуального и коллективного, сочетании интересов отдельного человека и ассоциации людей»⁹⁴.

Демократические процессы, происходящие в нашем обществе в течение последнего десятилетия, постепенное изменение общественного сознания вызвали стремление к преодолению ориентации правоохранительной дея-

⁹⁰ Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений... - С.16,15.

⁹¹ См.: Михайлов С.В. Интерес как общенаучная категория и её отражение в науке гражданского права // Государство и право. - 1999. - №7. - С.86-82; Петрова Н.Е. Частное и субсидиарное обвинение. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - Самара, 1999. - С.9; Кряжков А.В. Публичный интерес: понятие, виды, защита // Государство и право. - 1999. - №10. - С.92.

⁹² Михайлов С.В. Указ. соч. - С.88-89.

⁹³ Права личности в социалистическом обществе... - С.78.

⁹⁴ См. выступление проф. Б.С.Эбзеева на научно-практическом семинаре «Теоретические проблемы современного российского конституционализма» // Государство и право. - 1999. - №4. - С.113.

тельности на предпочтительную защиту публичного интереса⁹⁵, привели к восстановлению признанных во всем мире ценностей - жизни, свободы, достоинства личности.

Представление об обществе как о своеобразном социальном организме, сочетающем индивидуальное и коллективное начала, находящиеся не только в противоречии, но и во взаимном единстве и обусловленности индивидуального и социального⁹⁶, закономерно приводит к выводу о наличии прямой зависимости уровня развития личности от уровня развития общества

и наоборот. При таком подходе провозглашенный Конституцией РФ приоритет интересов личности представляется не противоречащим интересам общества, а совпадающим с ними. Защищая интересы отдельного человека, государственная власть защищает интересы общества, что не препятствует защите интересов общества от тех его членов, которые нарушают принятые в обществе правила поведения. Организуя борьбу с правонарушениями, государство защищает не только общественные интересы как таковые, но и интересы одних членов общества от других. Установление границ допустимого при этом вмешательства государства в частную жизнь является одним из аспектов проблемы свободы личности и пределов её ограничения.

⁹⁵ Шейфер С.А., Петрова Н.Е. Проблемы реформирования производства по делам частного обвинения в духе расширения частных начал в уголовном процессе РФ // Государство и право. - 1999. - №6. - С.51.

⁹⁶ См. подробнее: Эбзеев Б.С. Указ. соч. - С.113-118.

Диалектическое единство человека и общества неизбежно означает, что нарушение прав одного есть нарушение интересов всех, а защита прав каждого есть защита и общего интереса. Государство провозглашает права и свободы личности высшей ценностью не вопреки и не во вред публичным (т.е. общественным)⁹⁷ интересам, а потому что признает интерес личности высшим публичным интересом. Правовое государство не имеет какого-либо другого интереса, отличного от охраняемых законом интересов личности. Любая деятельность государства - внешняя и внутренняя, мирная и военная, законодательная, исполнительная и судебная - имеет смысл лишь тогда, когда направлена на удовлетворение потребностей и защиту интересов человека. Именно эти гуманистические идеи и обусловили принципиальную новизну многих положений Конституции РФ 1993 года, и именно так следует понимать конституционное положение о том, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной властей, местного самоуправления (ст. 18).

Провозгласив приоритет человека, его прав и свобод и возложив на государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, Конституция Российской Федерации воспроизвела пророческие слова М.С.Строговича, написанные им в последней работе за 10 лет до её принятия: «Человеческая личность - это высшая ценность

⁹⁷ Нами разделяется формирующийся в науке взгляд на публичный интерес как интерес общественный (а не государственный, как считалось ранее) - см.: Михайлов С.В. Интерес как общенаучная категория и её отражение в науке гражданского права // Государство и право. - 1999. - №7. - С.86-82; Петрова Н.Е. Частное и субсидиарное обвинение. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - Самара, 1999. - С.9.

из всех ценностей, которыми располагает общество»⁹⁸. Тем самым Конституция РФ придала интересам личности статус публичных интересов, защита которых гарантирована государством. Глубоко прав И.Л.Петрухин: «Социально-правовая ценность личности - аксиома современного права. Как любая аксиома, она не требует особых доказательств, достаточно того, что в отношении этой идеи существует общественный консенсус»⁹⁹.

В этой связи защита прав и свобод личности при производстве по уголовному делу не только не противоречит публичному интересу, но и является высшим его проявлением.

Хотя и указание на права и свободы личности всегда присутствовало в Конституциях советского периода, оно носило декларативный и лицемерный характер, поскольку «люди бессмысленно приносились в жертву каким-то высшим государственным интересам»¹⁰⁰.

Ныне действующая Конституция Российской Федерации значительно отличается от прежних деклараций. Если ранее государство провозглашало равную защиту интересам личности, государства и общества, то в новой Конституции РФ личность, её права и свободы объявлены высшей ценностью (ст. 2). Если прежде государство «наделяло» человека правами и свободами, то теперь Конституция РФ признает, что права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат ему от рождения (ст. 17). Если прежде Основной Закон устанавливал ответственность личности перед обществом

⁹⁸ Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. - М., 1984. - С.20.

⁹⁹ Петрухин И.Л. Человек как социально-правовая ценность... - С.90.

¹⁰⁰ Петрухин И.Л. Человек как социально-правовая ценность... - С.87.

и государством¹⁰¹ (преамбула, ст. 39, 59, 60, 62, 65 Конституции СССР 1977 г.), то теперь государство ответственно за соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина (ст. 2, 17, 18, 45 Конституции РФ).

Принципиальная новизна этих положений Конституции РФ потребовала пересмотра системы взаимоотношений государства и личности, складывающихся в сфере уголовного судопроизводства, обусловила многие положения концепции судебной реформы в РФ и уголовно-процессуального законодательства, в соответствии с которыми уголовный процесс, развивавшийся как «особый вид государственной деятельности, направленный на борьбу с преступностью»¹⁰², должен превратиться в процесс «охранительного типа», защищающий личность «от произвола карательных органов»¹⁰³. Однако вопрос о том, по какому пути пойдет дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства, по-прежнему актуален.

Если бы уголовный процесс, как в свое время заметил Н.Н.Полянский, имел своей целью осуществление материального права на наказание, то законодатель и ограничился бы наделением суда полномочиями, нужными лишь для репрессии, но, поскольку этого не происходит, следует признать, что процесс имеет иную цель¹⁰⁴. В связи с этим права Т.Г.Понятовская: «Сущность уголовно-процессуального права двуединая, но по сравнению с уголовным правом преимущественное значение имеет та сторона этой двуединой сущности, которая гарантирует свободу граждан от злоупотребления государством своей репрессивной властью»¹⁰⁵. Представление об уголовном процессе как одном из

¹⁰¹ Развитие демократии и расширение социальной свободы личности неизменно рассматривалось как основание повышения «ответственности личности перед обществом и государством, согражданами за надлежащее использование прав и выполнение обязанностей». (см.: Права личности в социалистическом обществе / Под ред. В.Н.Кудрявцева, М.С.Строговича. - М., 1981. - С.129).

¹⁰² Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. - Л., 1982. - С.13; Ковалев М.А. Указ. соч. - С.23.

¹⁰³ Шадрин В.С. Обеспечение прав личности и предварительное расследование в уголовном процессе // Государство и право. - 1994. - №4. - С.96.

¹⁰⁴ См.: Полянский Н. Цель уголовного процесса. - С.8.

¹⁰⁵ Понятовская Т.Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. - Ижевск, 1996. - С.45.

способов ограничения государством своей власти над человеком¹⁰⁶ получает в настоящее время все большее признание в трудах процессуалистов¹⁰⁷.

В свете сказанного новый смысл обретают слова М.С.Строговича о том, что «право обвиняемого на защиту и все составляющие его процессуальные права обвиняемого служат не только охране законных интересов обвиняемого, но и успешному осуществлению задач правосудия, правильному проведению предварительного следствия и судебного разбирательства, установлению по делу истины»¹⁰⁸. Поэтому утверждение, что суды не только вершат правосудие, но и надежно охраняют права и законные интересы граждан¹⁰⁹, представляется принципиально неверным, как и призыв не противопоставлять процессуальные гарантии личности решению задачи раскрытия преступлений и справедливого наказания виновных, а ориентировать законодательство и судебную практику на разумное сочетание этих двух начал¹¹⁰. Раскрытие преступлений и справедливое наказание виновных и есть гарантия прав граждан, ради которых раскрываются преступления и наказываются виновные. Точно так же является гарантией прав граждан требование справедливого наказания только виновных, предполагающее защиту от необоснованного обвинения и несоразмерного вине наказания.

Противопоставление общественных и личных интересов способно лишь исказить смысл уголовно-процессуальной деятельности. Ошибочным представляется вывод о том, что, запрещая отменять приговор за мягкостью наказания, если подана лишь жалоба осужденного, или ограничивая пределы применения мер принуждения к подозреваемым, закон исходит из

¹⁰⁶ Этой проблеме посвящена диссертация Е.Б.Мизулиной (см.: Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Дисс. ... д-ра юрид. наук. - Ярославль, 1991).

¹⁰⁷ См. об этом: Петрухин И.Л. Человек как социально-правовая ценность... С.83-90; Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений... - С.5-18.

¹⁰⁸ Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности...-С.18.

¹⁰⁹ См.: Ковалев М.А. Указ. соч. - С.6.

¹¹⁰ Кобликов А. Судебная власть и процессуальные гарантии // Вестник Верховного Суда СССР. - 1991. - №.8. - С.27.

интересов личности¹¹¹. Как в названных, так и в других случаях, защищая интересы личности, закон защищает и общие интересы. Общество не может быть незаинтересовано в правовой защите каждого¹¹², ибо каждый может оказаться в положении подозреваемого, обвиняемого по недоразумению и ошибке, а «наказание невиновных вредит государству еще более, чем оправдание виновных»¹¹³. Прав А.М.Ларин, утверждавший, что реабилитация невиновного - не менее важная задача следователя, представителя государственной власти, нежели изобличение преступника»¹¹⁴.

Пока установление истины не констатировано в обвинительном приговоре, вступившем в законную силу, вопрос о том, законный ли интерес защищает обвиняемый (а может быть, и потерпевший), остается открытым. Поэтому следует признать, что законность этого интереса презюмируется¹¹⁵, и нельзя согласиться с тем, что вопрос о законности защищаемого обвиняемым интереса приходится решать не только суду, но и другим участникам уголовного судопроизводства, в том числе и адвокату¹¹⁶, на основании закона и материалов. Утверждение, что адвокат защищает лишь законные интересы, превращает его в судью, перечеркивает и право на защиту, и пре-

¹¹¹ См.: Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве... - С.19.

¹¹² К.Маркс был прав, утверждая, что «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4. - С.447).

¹¹³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.1. ... - С.11.

¹¹⁴ Ларин А.М. Преступность и раскрываемость преступлений // Государство и право. - 1999. - №4. - С.89.

¹¹⁵ Каминская В.И. Указ. соч. - С.34; Гольдинер В.Д. Защитительная речь. - М., 1970. - С.5.

¹¹⁶ См.: Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве... - С.22-23.

зумпцию невиновности, как и положение, что защитник не сможет осуществлять свою функцию, если «в итоге предварительного и судебного следствия не определил, виновен обвиняемый или нет»¹¹⁷. И дело вовсе не в том, решил ли защитник этот вопрос для себя, а в том, что его мнение по этому вопросу не имеет никакого юридического значения, вслух не высказывается и в расчет не принимается. Адвокат обязан использовать все предоставленные ему законом средства и способы защиты, не предрешая приговора.

Таким образом, уголовный процесс как вид государственной деятельности является средством реализации государственной функции защиты прав и свобод человека и гражданина. Осуществляемое в строгом соответствии с законом, производство по уголовному делу обеспечивает защиту прав и свобод любого лица, ставшего участником уголовно-процессуальных отношений, в первую очередь потерпевшего, обратившегося за восстановлением нарушенных преступлением прав. Процедура (форма) возбуждения уголовного дела, предусматривающая наличие не только повода, но и достаточных оснований для начала уголовно-процессуальной деятельности (ст. 108 УПК РСФСР), требование обоснованности для принятия любого процессуального решения, в том числе о привлечении лица в качестве обвиняемого (ст. 143), задержания (ст. 122), заключения под стражу (ст. 89) и т.п. представляет собой существенную гарантию против незаконного ограничения прав и свобод человека, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Охранительный характер носят многие правила судопроизводства, например запрет на совершение при освидетельствовании действий, опасных для жизни освидетельствуемого (ст. 181), ограничение причиняемого имуществу обыскиваемого ущерба пределами действительной в нем необходимости (ст. 171), запрет действий, унижающих честь и достоинство лица, участвующего в следственном эксперименте (ст. 183), и т.д.

Общественно значимыми, т.е. публичными, а следовательно, подлежащими защите, естественно, являются не все интересы личности. Защите не могут подлежать действия человека, нарушающие законные интересы других лиц или общие интересы. Критерии законности интересов личности четко выражены в части 3 ст. 17 и части 3 ст. 55 Конституции РФ: осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать прав и свобод других лиц

¹¹⁷ Там же. - С.23.

(ст. 17), а также их нравственности и здоровья, основ конституционного строя, обороноспособности страны и безопасности государства (ст. 55).

Поскольку реальная защищенность личности в уголовном процессе прямо зависит от уровня законности и демократичности правил осуществления правосудия и степени их воплощения в правоприменительную практику, непосредственное действие прав и свобод человека, закрепленных в Конституции РФ, не снимает вопроса о совершенствовании механизмов и процедур, призванных защищать права и свободы граждан¹¹⁸. Наиболее эффективным средством защиты прав и свобод представляется судебная защита.

§ 2. Формы осуществления судебной защиты в уголовном процессе

Наиболее характерной особенностью уголовного судопроизводства, отличающей его от всех иных форм осуществления судебной власти и обусловливающей разнообразие судебной деятельности, является наличие предшествующих судебному разбирательству стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Конституционное, гражданское и административное процессуальное законодательства предусматривают определенные действия по подготовке к судебному разбирательству как организационного, так и процессуального характера, включая назначение судебного заседания, принятие мер к примирению сторон и обеспечению иска, истребование доказательств. Однако в отличие от этих форм судебной деятельности, досудебное производство в уголовном процессе осуществляется иными субъектами и, как правило, вне судебного контроля. Обусловленное спецификой дел о преступлениях, требующих тщательной и, по обыкновению, длительной подготовки, связанной с необходимостью установления и изобличения совершившего преступление лица, такое построение уголовного процесса вызывает необходимость осмысления той роли, которую в современных российских условиях может и должна играть судебная власть в досудебных стадиях уголовного процесса.

В качестве отправного момента в рассуждениях о роли судебной власти в предварительном производстве уголовных дел может послужить тривиаль-

¹¹⁸ См.: Лукашева Е.А. Права человека и правовое государство // Общая теория прав человека.... - С.93.

ный вопрос об идентичности уголовного процесса уголовному судопроизводству, всегда признаваемой отечественной наукой¹¹⁹. В литературе подчеркивается, что применение наименования «уголовное судопроизводство» ко всему уголовному процессу призвано показать «особое значение во всем производстве по делу судебного разбирательства, судебных стадий, в которых осуществляется правосудие»¹²⁰. Пронизанные общими целями и задачами, возбуждение уголовного дела, предварительное расследование и судебное разбирательство осуществляются в соответствии с общими принципами и должны рассматриваться как единая система, состоящая из ряда последовательно сменяющих друг друга стадий. Относительная самостоятельность уголовно-процессуальных стадий не может служить обстоятельством, исключающим целостность системы процессуальных гарантий, обеспечивающих достижение конечной цели уголовного судопроизводства. Допускаемые в процессе предварительного расследования нарушения процессуальной формы, прав и законных интересов участников уголовного процесса приводят к недействительности результатов судебного разбирательства. Это обстоятельство, а также требование Конституции РФ (ст. 18) об обеспеченности прав и свобод граждан правосудием обуславливают неизбежность расширения сферы действия судебной власти и распространения её на общественные отношения, складывающиеся в процессе предварительного расследования. Предварительное расследование, как органическая часть системы уголовного судопроизводства, никогда не было абсолютно независимым от его судебных стадий. Суд всегда обладал достаточно широкими возможностями оказывать влияние на качество предварительного следствия и дознания - возратить уголовное дело для производства дополнительного расследования с обязательными для исполнения указаниями, прекратить производство по делу, постановить оправдательный приговор и, соблюдая принцип недопустимости поворота к худшему, изменить объем обвинения и его юридическую квалификацию. Однако ставшее возможным сравнительно недавно непосредственное участие суда в процессе производства предварительного расследования означает возникновение новых форм¹²¹ уго-

¹¹⁹ Достаточно сказать, что в советский период союзный нормативный акт об уголовном процессе носил название «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик».

¹²⁰ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. П.А.Лупинская... - С.14.

¹²¹ Выступая в отношениях с судебной властью в качестве одной из форм её реализации, уголовное судопроизводство как система, имеющая собственное содержание, распадается на определенное количество подсистем и множество частных процедур, каждая из которых имеет собственные формы, под которыми принято пони-

ловного судопроизводства наряду с традиционным рассмотрением уголовных дел в стадии судебного разбирательства, кассационном и надзорном производствах.

Анализ конституционных и уголовно-процессуальных норм, наделяющих суд исключительным правом санкционировать уголовно-процессуальные действия, ограничивающие основные права и свободы личности (ст. 22, 23, 25 Конституции РФ), а также рассматривать жалобы на действия и решения органа расследования и прокурора (ч. 2 ст. 46 Конституции, ч. 5. ст. 209, ст. 220-1, 220-2 УПК РСФСР), приводит к выводу о том, что в них идет речь о двух самостоятельных формах судебной деятельности в досудебных стадиях уголовного процесса¹²².

Одна из них предусмотрена Конституцией РФ, в соответствии с положениями которой ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений допускается только на основании судебного решения (ст. 23). Аналогичный порядок предусмотрен для проникновения в жилище против воли проживающих в нем лиц, за исключением случаев, установленных федеральным законом (ст. 25), а после приведения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в соответствие с положениями Конституции только по судебному решению будут возможны арест, заключение под стражу и содержание под стражей на срок более 48 часов (ст. 22 п.6 раздела второго Конституции РФ).

Вторая введена в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР Законом РФ от 23 мая 1992 года. Статьи 220-1 и 220-2 УПК предусматривают право обвиняемого (подозреваемого), его защитника или законного представителя подать жалобу на применение органом дознания, следователем, прокурором в качестве меры пресечения заключения под стражу, а равно на продление срока содержания под стражей. Указанная жалоба выступает формальным поводом к осуществлению судом определенной процессуальной деятельности по проверке законности и обоснованности решения о применении или продлении меры пресечения, ограничивающей свободу обвиняемого (подозреваемого). Именно эта деятельность суда получила в науке название судебного контроля.

мать «совокупность однородных процедурных требований, предъявляемых к действиям участников процесса и направленных на достижение определенного материально-правового результата» (Юридическая процессуальная форма / Под общей ред. П.Е.Недбайло, В.М.Горшенева. - М., 1976. - С.9,13).

¹²² Авторами одобренной Верховным Советом РФ Концепции судебной реформы еще в октябре 1991 года было предложено ввести в стадию предварительного расследования, помимо названных форм прямого контроля, также разрешение споров между органами, ведущими процесс, и рассмотрение жалоб граждан на органы уголовного преследования (см.: Концепция судебной реформы в РФ. - М., 1992. - С.44).

Термин «судебный контроль» не является принципиально новым. Широко применявшийся в научной литературе и ранее¹²³, он использовался для обозначения деятельности суда по проверке и оценке результатов предварительного расследования, а следовательно, законности всех совершенных следователем и прокурором действий и обоснованности принятых ими решений. Многоступенчатость уголовного процесса, обеспечивающая на каждой последующей стадии контроль за результатами предыдущей, гарантирует своевременное выявление и устранение нарушений уголовно-процессуальной процедуры. Таким образом, судебный контроль, выражающий существо взаимоотношений судебной власти и органов уголовного преследования, охватывает гораздо более широкий спектр деятельности суда¹²⁴ и не может применяться лишь как синоним тех полномочий, которые осуществляются им непосредственно в стадии предварительного расследования.

Названные виды судебной деятельности в уголовном процессе отличаются от правосудия в его традиционном понимании (как осуществляемой с соблюдением предусмотренной законом процедуры деятельности суда по рассмотрению и разрешению уголовных дел) и с теоретической точки зрения представляют большой интерес. Их новизна и отсутствие четкого законодательного урегулирования вызвали научную дискуссию о предмете и пределах судебного контроля за действиями органа расследования и его юридической природе, поскольку очевидно, что название «судебный контроль» «не выражает существа этой деятельности»¹²⁵.

Юридическая природа осуществляемой судом в стадии предварительного расследования деятельности, на наш взгляд, может быть раскрыта только во взаимосвязи с правосудием. Высказанное в науке мнение о судебном контроле как о самостоятельной уголовно-процессуальной функции суда¹²⁶, не свя-

¹²³ См., например: Перлов И.Д. Предание суду в советском уголовном процессе. - М., 1948 - С.6, 196 и др.; Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. - М., 1951. - С.300, 301 и др.; Выдря М. М. Предание суду как гарантия законности привлечения к уголовной ответственности. - Краснодар, 1981. - С.7 и след.; Лукашевич В.З. Гарантия прав обвиняемого в стадии предания суду. - Л., 1966. - С.8 и след.

¹²⁴ Рассматривая контрольный элемент в процессуальной деятельности суда, Т.Г.Морщакова обратила внимание на его объективную обусловленность требованиями должной эффективности уголовного судопроизводства (см.: Морщакова Т.Г., Петрухин И.Л. Оценка качества судебного разбирательства по уголовным делам. - М., 1987. - С.15-17, 21-26).

¹²⁵ Лебедев В.М. Указ. соч. - С.5, 9.

¹²⁶ См.: Галузо В.Н. Судебный контроль за законностью и обоснованностью содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых на стадии предварительного расследования. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1995. - С.15.

занной с разрешением дела по существу¹²⁷, а потому не являющейся правосудием¹²⁸ в классическом смысле этого слова, основано на понимании правосудия как деятельности, состоящей лишь в разрешении уголовного дела в суде первой инстанции¹²⁹. Однако и более широкий взгляд на правосудие как процессуальную деятельность, осуществляемую во всех судебных стадиях уголовного процесса¹³⁰, сформировавшийся в условиях иной правовой реальности, уже не отвечает современным представлением о роли судебной власти в обществе и, как заметил В.М.Бозров, граничит с примитивизмом¹³¹.

Суть правосудия может быть правильно понята только в контексте доктрины правового государства и места судебной власти в системе разделения властей. Деятельность суда, в том числе и по рассмотрению уголовных или гражданских дел, - способ осуществления правосудия, т.е. выражения сущности судебной власти. Способов может быть много, но сущность остается одна. «Правосудие, - пишет В.Н.Бибило, - объективируется в судебной деятельности» и «проявляется в компетенции суда»¹³². Являясь в правовом государстве особым способом разрешения государственной властью различных конфликтов, судебная власть осуществляется посредством совершения судом разнообразных действий, направленных на справедливое разрешение этих конфликтов. Поэтому рассмотрение уголовного дела по существу в стадии судебного разбирательства, повторное рассмотрение его в суде второй инстанции или надзорной инстанции, действия судьи при назначении судебного заседания и осуществлении досудебного контроля за актами предварительного расследования являются выражением сущности правосудия, т.е. формами (способами) его осуществления.

Спорность высказанной позиции требует приведения дополнительных аргументов.

1. Концепция судебной реформы рассматривает судебную власть как силу, способную «блокировать или затруднять действие неразумных законов, угрожать власти исполнительной ответственностью за несоблюдение воли представительных учреждений, защищать права граждан от тирании поли-

¹²⁷ Колоколов Н.А. Указ. соч. - С.31.

¹²⁸ Долгушин А.В. Развитие процессуальных условий реализации принципа состязательности. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1995. - С.20.

¹²⁹ Именно такой взгляд на правосудие высказан, в частности, З.З.Зинатуллиным (см.: Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальные функции. - Ижевск, 1996. - С.61-62).

¹³⁰ См.: Петрухин И.Л., Батуров Г.Г., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия по уголовным делам. - М., 1979. - С.45-46.

¹³¹ См.: Бозров В.М. Указ. соч. - С.12.

¹³² Бибило В.Н. Социально-правовые основы правосудия по уголовным делам. Автореферат дисс. ... д-ра юрид. наук. - Минск, 1995. - С.14.

тиков и чиновников, быть для других ветвей власти блоком обратной связи»¹³³. В этом смысле вся деятельность органов судебной власти представляет собой систему контроля за действиями других ветвей власти, в том числе и по обеспечению прав и свобод человека. Судебная власть осуществляет контроль за общественными процессами, за деятельностью других органов власти, направляет эту деятельность в законное русло. Поэтому представляется справедливым рассматривать правосудие по уголовному делу не только как способ разрешения уголовно-правового конфликта и форму реализации норм уголовного права, но и как форму судебного контроля за законностью деятельности органов уголовного преследования и соблюдением прав участников предварительного расследования.

В отличие от иных видов судопроизводства, в которых судебный контроль и правосудие, как было показано выше, осуществляются в одних и тех же процессуальных формах, судебный контроль за действиями органов расследования возможен и до начала судебного разбирательства уголовного дела в связи с цикличностью или многоступенчатостью уголовно-процессуальной деятельности¹³⁴, в соответствии с которой процесс разделен на стадии, последовательно сменяющие одна другую. При таком построении каждая следующая стадия является контрольной по отношению к другой. О наличии судебного контроля за предварительным следствием и дознанием свидетельствует характер многих разрешаемых в суде первой инстанции вопросов (ст. 222, 223, 223-1, 232, 234, 258 УПК РСФСР), указание на односторонность или неполноту дознания и предварительного следствия (ст. 342, 343 УПК РСФСР) как одного из оснований к отмене или изменению приговора в кассационной и надзорной судебных инстанциях. Такое построение гарантирует устранение нарушений процедуры уголовно-процессуальной деятельности в любой её стадии.

Эта сторона правосудия подробно исследована Т.Г.Морщаковой. «Контрольная функция во всех стадиях процессуальной судебной деятельности достаточно обеспечена как в принципиальных и общих положениях уголовно-процессуального законодательства, так и в конкретных процессуальных институтах... выступает как необходимое средство достижения целей судопроизводства и неременное условие выполнения судом его главной про-

¹³³ Концепция судебной реформы в РФ... - С.44.

¹³⁴ Мысль о цикличности уголовно-процессуальной деятельности высказывалась неоднократно (см.: Кобяков В.М. О стадийности уголовного судопроизводства и единстве уголовно-процессуальной формы // Уголовно-процессуальные формы борьбы с правонарушениями. - Свердловск, 1983. - С.16; Михайленко А.Р. О сущности и значении стадии советского уголовного процесса // Вопросы уголовного процесса. - Саратов, 1977. - Вып.1. - С.114; Уголовный процесс / Под ред. П.А.Лупинской. - М., 1995. - С.9 и др.).

цессуальной функции»¹³⁵. Наличие контрольного аспекта в правосудии позволяет суду «увидеть ошибки других субъектов уголовного судопроизводства и в пределах своей компетенции устранить их»¹³⁶.

«После передачи материалов уголовного дела с обвинительным заключением в суд именно этот орган, разрешая дело на основе полного и всестороннего исследования в судебном заседании всех его обстоятельств, осуществляет проверку всех его процессуальных актов и других материалов досудебного производства. При этом судом проверяются, в том числе по жалобам и заявлениям заинтересованных лиц, также действия и решения органов расследования, которые связаны с ограничениями прав и свобод граждан»¹³⁷. Однако поскольку сложная и длительная деятельность органов предварительного расследования сопряжена с возможностями ограничения и ущемления прав и свобод не только лиц, обвиняемых или подозреваемых в совершении преступлений, но и свидетелей, потерпевших и даже не причастных к преступлению людей, она требует постоянного внешнего контроля за законностью действий следователя, лица, производящего дознание, особенно тех из них, которые ограничивают конституционные права и свободы личности. Судебный контроль, осуществляемый непосредственно в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, преследует те же цели, которые стоят перед судебными стадиями процесса - обеспечить законность и эффективность, защиту прав и свобод участников, что позволяет считать его одним из способов (этапов) осуществления правосудия.

Таким образом, судебный контроль в той или иной мере присутствует во всех формах уголовно-процессуальной деятельности суда. Однако, осуществляемый непосредственно в ходе предварительного расследования, он отличается от аналогичной деятельности в судебных стадиях большей эффективностью и своевременностью восстановления нарушенных прав, поскольку обеспечивает заинтересованному

¹³⁵ Морщакова Т.Г., Петрухин И.Л. Указ. соч. - С.21, 22.

¹³⁶ См.: Выдря М.М. Уголовно-процессуальные гарантии в суде. - Краснодар, 1980. - С.50, 51 и след.

¹³⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ №5-П от 23 марта 1999 года // Российская газета. - 1999. - 15 апреля.

лицу возможность незамедлительного обжалования нарушающих его права действий.

2. Провозгласив приоритет интересов человека и гражданина над интересами государства, Конституция РФ (ст. 18) объявила именно правосудие гарантом прав и свобод личности. Конституционные положения о необходимости судебного решения для заключения человека под стражу на срок более 48 часов (ст. 22), для ограничения права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23) и неприкосновенность жилища (ст. 25) - наиболее существенные гарантии жизненно важных прав и свобод. Исключение судебных решений об ограничении этих прав и свобод личности из системы правосудия означает исключение их из системы конституционных гарантий личности, что не только нелогично, но и неверно по существу. Единство содержащихся в статьях 18, 22, 23, 25 Конституции РФ гарантий представляется очевидным. Их реализация - прерогатива судебной власти, сущность которой - правосудие. Проверка судом законности и обоснованности ареста, рассмотрение жалоб на иные незаконные действия и решения органов следствия и дознания, дача разрешения на производство обыска в жилище, прослушивание телефонных переговоров - лишь некоторые из форм проявления сущности судебной власти.

Косвенным подтверждением сказанного может служить правовая позиция Конституционного Суда РФ, сформулированная им в постановлении от 29 апреля 1998 года № 13-П по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Костомукшского городского суда республики Карелия. «Называя обращение к прокурору в качестве единственного способа обжалования отказа в возбуждении уголовного дела, часть четвертая статьи 113 УПК РСФСР фактически исключает для заинтересованных лиц возможность подачи жалобы в суд... и таким образом, препятствует доступу граждан к правосудию (выделено мною - В.Л.)», - указано в постановлении¹³⁸.

3. Не подлежит сомнению, что осуществление правосудия сопряжено с рассмотрением и разрешением споров о праве, а в силу ст. 46 Конституции РФ «все без исключения споры, связанные с защитой прав и свобод человека и гражданина, подведомственны суду»¹³⁹. Жалоба гражданина на необоснованное ограничение его прав и свобод в процессе предварительного расследования - есть спор о наличии или отсутствии правовых оснований для такого ограничения, следовательно, рассмотрение и разрешение судом

¹³⁸ Вестник Конституционного Суда РФ. - 1998. - №4.

¹³⁹ См.: Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Указ. соч. - С.119-120.

жалобы- правосудие. Сформулированная в ряде Постановлений (от 3 мая 1995 года по делу о проверке конституционности статей 220-1 и 220-2 УПК РСФСР; от 2 июля 1998 года по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 УПК РСФСР; от 23 марта 1999 года по делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 УПК РСФСР и др.) правовая позиция Конституционного Суда РФ заключается в признании обязанности государства обеспечить каждому возможность отстаивать свои **права в споре** с любыми органами и должностными лицами, в том числе осуществляющими предварительное расследование по уголовным делам.

Ничем не отличается от иных способов правосудия деятельность суда по выдаче органам уголовного преследования разрешения на ограничение конституционных прав и свобод. Процесс разрешения ходатайства органа расследования или прокурора о заключении под стражу аналогичен процедуре разрешения судом уголовного дела и постановления приговора, представляющего собой результат рассмотрения исходящей от обвинителя просьбы о возложении на обвиняемого уголовной ответственности и ограничении его прав, в том числе лишении свободы.

4. Рассматривать судебный контроль в стадии предварительного расследования как особый способ осуществления правосудия позволяет и все более укореняющийся в науке взгляд на правосудие как на деятельность по разрешению социальных конфликтов, восстановлению нарушенных прав. Несогласие обвиняемого, подозреваемого с обоснованностью примененной к нему меры пресечения, а потерпевшего - с прекращением уголовного дела, недовольство лица произведенным в его жилище несанкционированным обыском и т.п. представляют собой различные виды уголовно-процессуальных конфликтов. Рассматривая жалобу участника уголовного процесса на действие или решение органа расследования, суд разрешает этот конфликт, проверяет законность решения органа расследования и обоснованность жалобы и принимает меры к восстановлению справедливости, а это и есть правосудие.

5. Подтверждает обосновываемую позицию и наличие такой формы проявления судебной власти, как административное правосудие. Идентичность правовой природы жалобы на действия и решения следователя жалобе на действия и решения органа государственной власти и должностного лица и принадлежность следователя к должностным лицам органов государственной власти - дополнительный косвенный аргумент в пользу вывода о том, что судебный контроль за действиями органов уголовного преследования - составная часть уголовного правосудия. Вместе с тем, контроль, проводимый судом в досудеб-

ных стадиях уголовного процесса, более специфичен, ибо осуществляется не только в традиционно присущей административной юстиции форме рассмотрения жалоб на действия (бездействия) и решения органов власти и их должностных лиц (следователя, органа дознания и прокурора), но и в форме санкционирования (дачи разрешения на производство) отдельных актов предварительного расследования, ограничивающих конституционные права и свободы граждан (ст. 22, 23, 25 Конституции РФ).

Вышеизложенное, на наш взгляд, убедительно доказывает, что судебный контроль за законностью предварительного расследования либо совпадает с правосудием (в судебных стадиях), либо является особым способом (особой формой) его осуществления (в досудебных стадиях)¹⁴⁰.

Каждый из названных видов судебной деятельности в стадии предварительного расследования имеет свои особенности, обуславливаемые решаемыми в ней задачами, и должен осуществляться в соответствующей этим особенностям процессуальной форме. В одних случаях процессуальная форма судебного контроля должна включать в себя порядок подачи участником уголовного процесса жалобы как обязательного условия возбуждения контрольного производства, предмет обжалования, сроки и процедуру рассмотрения жалобы. В других случаях она заключается в особом механизме принятия решения о производстве следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы. Процессуальная форма судебного контроля должна предусматривать и гарантии законности действий самого суда при осуществлении контрольных функций, процедуру обжалования принятого судом решения. Законодательное определение конкретных процедур осуществления судом контроля за арестом, обыском, выемкой почтово-телеграфной корреспонденции, прослушиванием телефонных переговоров, законностью ограничения прав и свобод граждан при совершении иных процессуальных действий, которые должны обеспечивать наиболее эффективную защиту прав и свобод участников уголовного процесса, - задача государственной власти; выработка обоснованных рекомендаций по развитию в этом направлении законодательства - задача науки.

¹⁴⁰ Сходная позиция высказана В.М.Бозровым, включающим в правосудие не только разрешение дела по существу, но и осуществляемую во всех без исключения стадиях иную процессуальную деятельность суда (судьи) в связи с уголовным делом (см.: Бозров В.М. Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам... - С.18, 32), и В.М.Лебедевым, считающим деятельность суда по рассмотрению вопросов о лишении лица свободы и личной неприкосновенности особой формой (особым видом) правосудия по уголовным делам в стадии предварительного расследования (см.: Лебедев В.М. Указ. соч. - С.9).

§ 3. Предмет судебной защиты в уголовном процессе

Рассмотрение уголовного процесса как синонима уголовного судопроизводства, а последнего - как формы реализации судебной власти, понимание судебной защиты как всеобщего правового механизма обеспечения прав и свобод личности подводит к необходимости рассмотрения предмета судебной защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Единство системы уголовного судопроизводства предполагает единство её принципов и процессуальных гарантий и их распространение на досудебные стадии уголовного процесса. Объём гарантий прав личности при производстве предварительного расследования не может быть меньшим чем в судебных стадиях, хотя для их реализации требуются иные, чем в судебных стадиях, процессуальные формы. Распространение судебной власти на стадию предварительного расследования и всеобщность права на судебную защиту позволяют рассматривать все формы реализации судебной власти в нем как формы судебной защиты прав и свобод участвующих в уголовном процессе граждан.

Во-первых, она включает в себя защиту прав граждан, нарушенных преступлениями. Предусмотренное в статье 8 Всеобщей декларации прав человека эффективное восстановление каждого человека в правах компетентными национальными судами в случае их нарушения осуществляется независимо от характера нарушения и степени тяжести его последствий. В этом смысле судебная защита реализуется в уголовном процессе точно так же, как и в процессе гражданском: теми же способами и в тех же процедурных формах. Суд своим обвинительным приговором признает права потерпевшего, присуждает виновного в причинении вреда к возмещению убытков, компенсации морального вреда, восстанавливает, если это возможно, положение, существовавшее до нарушения права (возвращает похищенное), устраняет угрозу нарушения права (ст. 12 ГК РФ) Во-вторых, судебная защита гарантирует право каждого быть свободным от необоснованного обвинения (подозрения) в совершении преступления. «Каждый обвиняемый в совершении преступления имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты. Никто не может быть осужден за преступление на основании совершения какого-либо деяния или за бездействие, которые во время их совершения не составляли преступления по национальным законам или по международному праву. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое могло быть применено в то время, когда преступление было совершено» (ст. 11

Всеобщей декларации прав человека). Реализуя свои властные полномочия, суд устанавливает отсутствие как преступления в деянии обвиняемого, так и доказательств обвинения и, постановляя оправдательный приговор, обеспечивает защиту прав человека. Точно также суд защищает права обвиняемого, устанавливая меньшую, чем утверждают органы уголовного преследования, степень его виновности, применяя закон о менее тяжком преступлении и назначая справедливое, т.е. соразмерное вине, наказание.

В-третьих, судебной защите подлежат права и свободы, необоснованно ограниченные самой судебной властью. «Если какое-либо лицо окончательным решением было осуждено за уголовное преступление и если вынесенный ему приговор был впоследствии отменен или ему было даровано помилование на том основании, что какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки, то это лицо, понесшее наказание в результате такого осуждения, получает компенсацию согласно закону, если не будет доказано, что указанное неизвестное обстоятельство не было в свое время обнаружено исключительно или отчасти по его вине» (п. 6 ст. 14 Пакта о гражданских и политических правах). Независимость судебной власти исключает не только какое-либо вмешательство в деятельность её органов, но и возможность отмены принятых ими актов. Ошибка судебной власти может быть исправлена только самой судебной властью. Исправление судебных ошибок гарантируется наличием в уголовном процессе специальных контрольных стадий: кассационной, надзорной и пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам.

В-четвертых, судебной защите подлежат права и свободы, нарушенные или необоснованно ограниченные при производстве предварительного расследования, поскольку в соответствии со ст. 9 Всеобщей декларации прав человека «никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию», а каждый, кто стал жертвой незаконного ареста или задержания, имеет право на компенсацию (ч. 5 ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод). Статья 17 Пакта о гражданских и политических правах устанавливает, что «никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств».

Этот аспект судебной защиты в уголовном процессе в современных условиях приобретает доминирующее значение. «Особенность российской социальной действительности заключается, в частности, в том, что борьба

с преступностью сопровождается нарушениями прав человека, которые имеют широкое распространение»¹⁴¹, что вызывает не столько потребность в совершенствовании механизма уголовно-процессуального регулирования, сколько необходимость создания мощного заслона против вопиющих нарушений прав человека органами следствия, дознания, прокуратуры, судами. Негативные факторы, как известно, во все времена и повсеместно с той или иной интенсивностью «сопровождали» права и свободы, что требовало определенных усилий человечества

¹⁴¹ Демидов И.Ф. Проблема прав человека в российском уголовном процессе (концептуальные положения)... - С.61.

по их защите¹⁴². Деятельность следователя и прокурора вторгается в сферу наиболее существенных интересов личности, а предоставленные законом права, позволяющие им это вторжение, огромны. Сложившееся положение, при котором уголовное судопроизводство, призванное защищать права человека, превращается в узаконенное нарушение их в особо опасных для общества формах, нетерпимо и, по определению И.Ф.Демидова, абсурдно¹⁴³. Игнорирование интересов потерпевших, незаконные методы получения доказательств и их фальсификация, граничащие с пытками приемы «добывания» признания знакомы каждому, так или иначе соприкасающемуся с судопроизводством человеку¹⁴⁴. Вред, причиняемый злоупотреблением правами в уголовном процессе, гораздо опаснее вреда, причиняемого преступлением, ибо имеет далеко выходящие за рамки конкретного дела последствия: развращает работников правоохранительных органов, порождает в обществе недоверие к органам

¹⁴² См.: Ростовщиков И.В. Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел. - Волгоград, 1997. - С.17.

¹⁴³ См.: Демидов И.Ф. Указ. соч. - С.6.

¹⁴⁴ Распространенность подобных нарушений в сфере уголовного процесса отмечается многими учеными, исследовавшими этот вопрос (см.: Ахпанов А.Н. Пределы правоограничений личности в уголовном судопроизводстве: Учебное пособие. - Караганда, 1995; Бозров В.М. Указ. соч.; Шадрин В.С. Указ. соч.; Демидов И.Ф. Указ. соч.; он же: Проблема прав человека в современном российском уголовном процессе (концептуальные положения). Дисс. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада, выполняющего также функцию автореферата. - М., 1996; он же: Обеспечение прав человека в сфере борьбы с преступностью // Законность в Российской Федерации. - М., 1998. - С.141-158 и др.).

власти и власти в целом, сеет в душах людей страх и безысходность.

Именно это обстоятельство диктует необходимость усиления процессуальных гарантий прав личности при производстве предварительного расследования и распространения судебной защиты на досудебное производство. Как указал в одном из своих постановлений Конституционный Суд РФ, «действия и решения органов расследования не только затрагивают собственно уголовно-процессуальные отношения, но и порождают последствия, выходящие за их рамки, существенно ограничивая при этом конституционные права и свободы личности», поэтому «отложение проверки законности и обоснованности таких действий до стадии судебного разбирательства может причинить ущерб, возмещение которого в дальнейшем окажется неосуществимым... нарушенные права не могут быть впоследствии восстановлены в стадии судебного разбирательства»¹⁴⁵.

Характерным в этом отношении является дело по обвинению руководителей акционерного общества «Э-с» в уклонении от уплаты налогов с юридических лиц. В ходе проведенных в августе 1996 года обысков в квартирах генерального директора, президента и главного бухгалтера, имевших на тот момент статус свидетелей, вопреки требованиям ст. 171 УПК РСФСР, были изъяты деньги, ценные вещи и документы, принадлежащие как им самим, так и совместно проживающим с ними членам семьи, не имеющим никакого отношения к делу. Решения о производстве обысков, санкционированные прокурором Самарской области, были обусловлены одной лишь оперативной информацией, дающей, как указано в постановлениях, «основания полагать, что на квартире Л. (Э., Р.) находятся документы, имеющие значение для дела»¹⁴⁶. Данные нарушения права на неприкосновенность жилища и

¹⁴⁵ Российская газета. - 1999. - 15 апреля.

¹⁴⁶ Единственным основанием к производству каждого из обысков послужил фигурирующий в деле рапорт сотрудника органа внутренних дел, в котором отмечалось, что из анонимного источника поступила информация о том, что в указанной квартире могут храниться имеющие значение для дела документы. Не имея доступа к оперативной информации, суд не имел возможности проверить действительную обоснованность обысков, однако, правильно, на наш взгляд, указал, что говоря о достаточных данных, дающих основания полагать, что в каком-либо помещении или у какого-либо лица находятся орудия преступления и другие предметы, имеющие значение для дела, ст.168 УПК РСФСР имеет в виду доказательства, а не оперативную информацию. В этой связи настаивает предложение о закреплении в УПК нормы, согласно которой универсальным основанием принятия любого процессуального решения является информация (см.: Подольный Н. Основания принятия процессуальных решений // Российская юстиция. - 1999. - №2. - С.40-41). Отсут-

собственности заставили обратиться указанных граждан в суд, однако для защиты от очевидного нарушения потребовалось пройти все судебные инстанции от районного суда до Верховного Суда РФ, судебная коллегия по уголовным делам которого подтвердила законность решения районного суда, признавшего жалобы обоснованными и обязавшего следственную службу УФСНП по Самарской области вернуть все незаконно изъятое.

Гарантированность прав и свобод участников уголовного процесса возможностью обращения в суд позволяет рассматривать судебную защиту как один из важнейших принципов уголовного судопроизводства. Однако содержание принципа судебной защиты, изложенное в ст. 9 проекта УПК РФ, принятого в первом чтении Государственной Думой, представляется несовершенным. Согласно положениям этой статьи проекта, судебная защита заключается лишь в праве на рассмотрение дела тем судом или тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, в праве обвиняемого на рассмотрение дела судом присяжных, в доступе потерпевшего к осуществлению правосудия и его праве на компенсацию причиненного ущерба. Однако, во-первых, Конституция РФ каждое из названных положений рассматривает в качестве самостоятельных правовых принципов, закрепляя их в отдельных статьях - 47, 51 и 52. Во-вторых, право на судебную защиту не исчерпывается этими правовыми положениями. В подвергнутом сокрушительной и во многом справедливой критике проекте ГПУ¹⁴⁷ формулировка судебной защиты прав и свобод участников уголовного процесса является, на наш взгляд, более точной. Статья 13 проекта ГПУ закрепляет право каждого на справедливое рассмотрение уголовного дела компетентным, независимым и беспристрастным судом¹⁴⁸. Представляется, что это и есть концентрированное выражение права на судебную защиту.

С учетом изложенного, судебную защиту в уголовном процессе можно определить как гарантированную государством и закрепленную уголовно-процессуальным законом систему гарантий, обеспечивающих соблюдение и охрану от всевозможных нарушений при производстве по уголовному делу прав и свобод участников уголовного судопроизводства, восстановле-

ствие указания на способ получения информации, являющейся основанием решения следователя, прокурора, суда, порождает мысль о допустимости для этих целей информации, полученной оперативным путем. При этом основание проведения следственного действия становится непроверяемым, а права граждан - незащищенными.

¹⁴⁷ См.: Проблемы реформы уголовно-процессуального законодательства в проектах УПК РФ: Материалы научно-практической конференции 15-16 декабря 1994 года. - М., 1995.

¹⁴⁸ См.: Российская юстиция. - 1994. - №9. - С.7.

ние нарушенных прав и компенсацию причиненного этим нарушением ущерба.

Поскольку уголовный процесс - сложный механизм государственно-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина, которая является одной из задач уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК РСФСР), судебная защита не может считаться единственным видом защиты прав участников уголовного процесса. Проект УПК РФ, принятый в первом чтении Государственной Думой в июне 1997 года, в качестве самостоятельных принципов уголовного процесса закрепляет не только судебную защиту прав и свобод человека и гражданина (ст. 9), но и обеспечение подозреваемому, обвиняемому права на защиту (ст. 21), а также охрану прав и свобод участников уголовного процесса (ст. 12), что побуждает к рассмотрению соотношения названных правовых положений.

Термин «защита», используемый уголовно-процессуальным законодательством и наукой, имеет различные смысловые оттенки. Он употребляется и для обозначения права обвиняемого (подозреваемого) на защиту от обвинения (ст. 46, 52 УПК РСФСР), и для определения функции потерпевшего. В связи с этим в литературе была предпринята попытка лексически разграничить разные виды защиты, закрепив за правом обвиняемого и подозреваемого термин «защита», а за аналогичными правами потерпевшего термин «охрана интересов, нарушенных преступлением»¹⁴⁹. Попытка эта оказалась неудачной, и не только потому, что требовала внесения редакционных изменений в правовые нормы многих нормативных актов¹⁵⁰.

Во-первых, деятельность обвиняемого и потерпевшего действительно противоположна по своей направленности. Исследователи отмечают, что судебная защита прав и свобод, равно как и охрана прав потерпевшего, есть противодействие неправомерному посягательству на права личности, тогда как защита обвиняемого и подозреваемого - это противодействие законным усилиям органов следствия, прокуратуры, милиции. Это позволило достаточно аргументированно противопоставить право обвиняемого на защиту

¹⁴⁹ См.: Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. - М., 1986. - С.42-54. Об охране, а не о защите прав потерпевшего писали и другие авторы. (см.: Мартынич Е.Г., Радьков В.П., Юрченко В.Е. Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. - Кишинев, 1982. - С.101-115).

¹⁵⁰ См.: Ларин А.М. Защита прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Общая теория прав человека... - С.171-172.

защите прав и свобод участников уголовного процесса как качественно различные понятия¹⁵¹.

Во-вторых, охрана и защита характеризуют два различных аспекта обеспечения прав каждого их участников уголовного процесса и не могут быть разделены между ними.

Анализ юридической природы рассматриваемых явлений позволяет заключить, что по существу они идентичны: каждый участник стремится защитить свои права и законные интересы независимо от того, нарушены ли они уже или только находятся под угрозой нарушения. Если потерпевший защищает свои права, нарушенные преступлением, то обвиняемый - необоснованным привлечением к уголовной ответственности и т.п. Нарушены ли действительно права того и другого суду, еще только предстоит установить и защитить уже государственными средствами. Взгляд на защиту от обвинения (подозрения) как на особый вид защиты прав и свобод человека и гражданина¹⁵² неожиданно получил новое развитие в связи с тем, что презумпцию невиновности обвиняемого в совершении преступления предложено рассматривать как презумпцию неправомерности уголовного преследования¹⁵³. Защита от такого преследования вполне может претендовать на разновидность судебной защиты прав и свобод.

Таким образом, термин «защита» имеет единое содержание, а право на защиту, рассматриваемое именно как право на защиту своих прав и свобод, должно принадлежать в равной мере любому гражданину, считающему их нарушенными в ходе уголовно-процессуальной деятельности. К ним относятся не только участники уголовного судопроизводства, но и вовлеченные в эту орбиту владельцы обыскиваемых и осматриваемых помещений, изъятых в ходе следственных действий предметов и документов, иные граждане, чьи интересы соприкасаются с производством по уголовному делу и тоже нуждаются в защите.

Несколько иной характер имеет право на защиту, осуществляемое потерпевшим и гражданским истцом. По сути, оно не отличается от права на защиту нарушенных гражданских прав, предусмотренного ст. 11 ГК РФ,

¹⁵¹ См.: Кокорев Л.Д. Конституция СССР - основа развития и совершенствования уголовного судопроизводства // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. - Воронеж, 1979. - С.21; Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции... - С.9.

¹⁵² См.: Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и судебный приговор. - Казань, 1965. - С.62; Выдря М.М. Функция защиты в советском уголовном процессе // Советское государство и право. - 1978. - №1. - С.39.

¹⁵³ См.: Ларин А.М. Защита прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Общая теория прав человека. - С.190.

возникает вследствие причинения вреда и обеспечивается одним из предусмотренных ст. 13 ГК РФ способов: возмещением убытков, компенсацией морального вреда, восстановлением существовавшего до нарушения положения. Единственным отличием защиты прав потерпевшего от материальной гражданско-правовой судебной защиты является наличие у него права лично участвовать в доказывании факта и размера причиненного ему вреда на досудебных стадиях уголовного процесса, чтобы добиться осуждения виновного и этим удовлетворить свою потребность в справедливости. Причем именно это право чаще всего подвергается различным нарушениям.

Так, в результате нарушения правил безопасности дорожного движения была фактически уничтожена автомашина «Форд», принадлежащая на праве собственности Т-вой. Возбудив уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, следователь отказал Т-вой в признании её потерпевшей и в удовлетворении заявленного ею ходатайства о назначении экспертизы для определения размера причиненного ей ущерба, мотивируя свой отказ тем, что диспозиция ст. 264 УК РФ не охватывает причинение ущерба имуществу граждан как обязательный элемент состава преступления. При этом следователь не учел, что характер и размер ущерба является одним из элементов предмета доказывания, пренебрег требованием полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела, что в свою очередь привело к ошибке в юридической оценке преступления, поскольку уничтожение или повреждение имущества по неосторожности квалифицируется самостоятельно по ст. 168 УК РФ. Несмотря на очевидность изложенного, Т-ва, сама адвокат, вынуждена была отстаивать свои права с помощью другого адвоката в нелегком споре с прокурором районной прокуратуры. В теории права сложился взгляд на охрану и защиту прав личности как на самостоятельные элементы механизма правовой защиты, включающего также юридическую помощь человеку. При этом под охраной понимается профилактика, предотвращение и пресечение нарушений прав человека, а под защитой - различные формы подтверждения и восстановления оспоренного или нарушенного права¹⁵⁴. Охрана прав и свобод граждан, участвующих в уголовном процессе, возлагается в равной мере на суд, прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя. При этом под охраной находятся как имуществ-

¹⁵⁴ См.: Стремухов А.В. Правовая защита человека: теоретический аспект... - С.2, 26-31 и след. Соответственно охрана и защита рассматриваются как «разные аспекты обеспечения прав личности, характеризующиеся тесными связями и взаимопереходами, в отдельных случаях сближающиеся и совпадающие, в других относительно обособленные и существующие вполне самостоятельно» и в уголовном процессе (см.: Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений... - С.44).

венные («никто не может быть лишен своего имущества иначе, как по приговору суда» - ст. 35 Конституции РФ), так и неимущественные права граждан («никто не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников» - ст. 51 Конституции), а сама охрана трактуется как создание условий для осуществления прав участникам уголовного процесса и принятие мер к удовлетворению их законных требований.

Таким образом, не поглощающая других принципов уголовного судопроизводства, обеспечивающих в совокупности защиту интересов личности (презумпция невиновности, неприкосновенность личности, жилища, частной жизни и т.д.), охрана прав и свобод человека и гражданина может рассматриваться как самостоятельный принцип судопроизводства¹⁵⁵.

В ходе уголовного судопроизводства подлежат охране права и свободы, принадлежащие любому гражданину, вовлеченному в орбиту судопроизводства владельцу обыскиваемых и осматриваемых помещений, изъятых в ходе следственных действий предметов и документов, иным гражданам, чьи интересы соприкасаются каким-либо образом с производством по уголовному делу. Необходимость гармоничного сочетания всех охраняемых законом интересов требует признания допустимыми только таких ограничений прав граждан, без которых невозможна реализация задач уголовного процесса, и в таком объеме, который достаточен для обеспечения охраняемых законом ценностей. В силу указаний части 3 ст. 55 Конституции РФ ограничение прав и свобод человека и гражданина возможно только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Обусловленные указанными важными целями ограничительные меры следует отличать от нарушений прав и свобод граждан, которые не могут быть мотивированы ни задачами борьбы с преступностью, ни какими-либо другими, не менее важными задачами. Защита основ конституционного строя и других указанных в части 3 ст. 55 Конституции РФ ценностей несовместима с нарушениями и необоснованными ограничениями высшей ценности - прав и свобод человека. Публично-правовой характер уголовного судопроизводства, вызывающий необходимость вторжения государства в частную жизнь гра-

¹⁵⁵ Ранее нами вносилось предложение о закреплении в качестве принципа уголовного процесса защиты нарушенных преступлением прав и интересов потерпевшего (см.: Лазарева В.А. К вопросу о дальнейшем расширении гарантий прав потерпевшего в советском уголовном процессе // Актуальные проблемы укрепления законности и правопорядка: Сборник статей. Куйбышев, 1987. - С.72-73). Однако произошедшие за последнее десятилетие изменения в законодательстве и теории дают возможность ставить вопрос шире.

ждан ради защиты прав и законных интересов других своих граждан или иных ценностей, не противоречит идее приоритета прав и свобод человека и гражданина, а является одной из её гарантий.

Таким образом, уголовное судопроизводство обеспечивает защиту и материальных, и процессуальных прав не только потерпевшим, непосредственно обращающимся в компетентные органы с заявлением о совершении преступления, и лицам, обвиняемым или подозреваемым в совершении преступлений, но и всем гражданам, вовлекаемым в процессуальную деятельность безотносительно к их роли в уголовном процессе¹⁵⁶ на любом этапе производства по уголовному делу.

Особой спецификой отличается право на защиту, предоставленное ст. 19 УПК РСФСР лицу, обвиняемому или подозреваемому в совершении преступления. Отсутствие в Конституции РФ специальной нормы, гарантирующей право обвиняемого на защиту, по мнению автора, правомерно рассматривать как серьезный пробел в связи с особым процессуальным положением обвиняемого и значением осуществляемой им защиты.

Несмотря на то, что право обвиняемого на защиту явно вытекает из положений части 2 ст. 48 Конституции РФ, согласно которой каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения, и части 1 ст. 46 Конституции РФ, нельзя не признать, что право обвиняемого на защиту не исчерпывается правом на помощь со стороны адвоката (защитника) и не может безоговорочно рассматриваться лишь как частный случай судебной защиты. Оно весьма специфично и существенно отличается от остальных видов судебной защиты. Судебная защита в рассмотренном выше смысле - это защита и восстановление нарушенных прав, обвиняемый же защищается от обвинения и грозящего ему в связи с этим осуждения и наказания. Нельзя не признать правоту А.М.Ларина в том, что ошибочное «или заведомо ложное обвинение, влекущее осуждение и наказание невиновного, подчас столь же опасно, как тяжкое преступление»¹⁵⁷, поэтому высказанный им взгляд на защиту от уголовного преследования как «особую форму защиты прав и свобод личности»¹⁵⁸ представляется верным. Пока вина обвиняемого не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, он имеет право на то, чтобы

¹⁵⁶ См.: Ларин А.М. Защита прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Общая теория прав человека... - С.171.

¹⁵⁷ Ларин А.М. Защита прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Общая теория прав человека... - С.190.

¹⁵⁸ Там же.

считаться невиновным и, следовательно, исходить из предположения об ошибочности осуществляемого в отношении него уголовного преследования. В состязательном процессе, уголовном или гражданском, права сторон по доказыванию своих утверждений гарантируются в равной мере. Окончательно работа одной из сторон устанавливается только в приговоре суда, поэтому предположение о заведомой истинности обвинения противоречит принципу равенства сторон. Процесс расследования преступления есть процесс опровержения презумпции невиновности, но до тех пор, пока она не опровергнута в законном порядке, утверждение обвиняемого о невиновности имеет такое же юридическое значение, как и обратное утверждение органа расследования.

Обвиняемому, как и каждому, гарантируется государственная защита прав и свобод (часть 1 ст. 45). Обвиняемый, как и каждый, вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (часть 2 ст. 45). Для реализации этого права обвиняемому, как и каждому, гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи: в соответствии с частью 2 ст. 48 Конституции РФ он имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания, заключения под стражу, предъявления обвинения. В совокупности указанные конституционные принципы и означают, что обвиняемому гарантировано право на защиту от обвинения. Однако право обвиняемого на защиту не тождественно праву на судебную защиту. Право на защиту от обвинения, рассматриваемое в материальном смысле¹⁵⁹ как право на защиту от необоснованного осуждения, право на оправдание судом или на справедливый приговор, безусловно, охватывается материальным же понятием судебной защиты. Но в процессуальном смысле право на защиту выходит за пределы судебной защиты, т.к. включает в себя те права, которые обвиняемый лично или с помощью своего защитника реализует в досудебных стадиях (представление доказательств, заявление ходатайств и отводов, многочисленные правомочия частного характера, принадлежащие обвиняемому как участнику пред-

¹⁵⁹ Представляется неверным понимание права на защиту в материальном смысле слова как права, осуществляемого лицом, которому инкриминируется общественно опасное деяние (см.: Ларин А.М. Защита прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Конституция Российской Федерации и совершенствование механизмов защиты прав человека. - М., 1994. - С.63), что, по мнению автора, представляет собой защиту в процессуальном смысле слова. Вместе с тем, автор прав в определении защиты, осуществляемой защитником, как формальной, ибо право на материальную защиту, понимаемое нами как право на восстановление прав и компенсацию ущерба, принадлежит только самому привлекаемому к ответственности лицу.

варительного расследования). В этом (последнем) случае право обвиняемого на защиту может рассматриваться как составная часть судебной защиты лишь постольку, поскольку в случае нарушения оно подлежит восстановлению судом.

Поднятие судебной защиты на высоту принципиального положения обеспечивает её ненарушимость, присущую принципам уголовного судопроизводства, и является единственной гарантией, с помощью которой можно заставить судебную систему защищать прежде всего права и свободы граждан, а не интересы государства, отождествляемые органами уголовного преследования, с собственными интересами.

Таким образом, охрана прав и свобод участников уголовного судопроизводства, их защита, защита обвиняемого и подозреваемого, судебная защита представляют собой тесно связанные, но не тождественные понятия.

Принцип **охраны прав и свобод граждан** распространяется на всех участвующих в уголовном процессе лиц и заключается в соблюдении осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность органами прав участвующих в уголовном процессе граждан и совершении действий, направленных на предотвращение, предупреждение и пресечение их нарушений, а также восстановление нарушенных прав при производстве по уголовному делу.

Принцип **защиты прав и свобод граждан** также распространяется на всех участников уголовного судопроизводства и заключается в совершении осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность органами и участвующими в процессе гражданами действий, направленных на признание

и защиту прав от их нарушения, ограничения, иного неправомерного ущемления совершенным преступлением или действиями органов расследования, а также создании условий для эффективного осуществления прав по защите своих интересов самими участвующими в уголовном процессе гражданами.

Принцип **обеспечения права на защиту** распространяется на обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступления лиц и заключается в совершении уголовно-процессуальными органами действий, направленных на создание обвиняемым (подозреваемым) условий для опровержения и ослабления обвинения (подозрения)¹⁶⁰.

¹⁶⁰ Таким образом, осуществляющие уголовно-процессуальную деятельность государственные органы и должностные лица в силу первого из названных принципов обязаны соблюдать права обвиняемых и подозреваемых, охранять их от нарушений

Судебная защита прав и свобод участников уголовного процесса распространяется на всех участников уголовного процесса и заключается в совершении судом действий, направленных на признание и восстановление прав и свобод граждан и компенсацию причиненного им ущерба. Судебная защита - гарантия реализации принципов охраны и защиты прав и свобод личности, обеспечения права обвиняемого (подозреваемого) на защиту.

Несмотря на известную схожесть и вполне понятное соприкосновение названных правовых положений, они являются самостоятельными, непересекающимися принципами уголовного судопроизводства.

При этом охрана, защита и судебная защита прав и свобод личности являются общими для всех видов судопроизводства. Формулирование их в качестве принципов уголовного процесса будет, на наш взгляд, способствовать повышению уровня законности уголовного судопроизводства на всех его стадиях, обоснованности принимаемых решений, повышению авторитета и престижа всех правоохранительных органов, что является самостоятельной и весьма важной задачей реформы правоохранительной системы, возрастанию роли и значения судебной власти в государстве.

Защита, в том числе судебная, прав и свобод человека и гражданина имеет в уголовном процессе разные направления и формы реализации, в связи с чем может возникнуть вопрос об установлении приоритетности интересов. Чьи права и свободы должны быть защищены в первую очередь - обвиняемого или потерпевшего? Право обвиняемого на защиту длительное время рассматривалось в отечественной науке как приоритетное направление уголовно-процессуальной деятельности¹⁶¹. Уголовно-процессуальные гарантии и принципы в первую очередь нацелены на обеспечение интересов именно обвиняемого, что становится очевидным при анализе, например, оснований возвращения дела на дополнительное расследование и отмены приговора. К существенным нарушениям уголовно-процессуального закона,

в ходе производства по делу и обеспечивать обвиняемым (подозреваемым) возможность защищаться от предъявленного обвинения (подозрения). На указанных органах не лежит обязанность защищать обвиняемых (подозреваемых) от обвинения (подозрения), поскольку это несовместимо с возложенной на них функцией по доказыванию обвинения, однако они обязаны защищать права обвиняемого (подозреваемого) от нарушений, исходящих от других участников процесса.

¹⁶¹ См.: Лукашевич В.З. Гарантии права обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе. - Л., 1959; Саркисянц Г.П. Процессуальное положение защитника. - Ташкент, 1967; Стецовский Ю.И. Право обвиняемого на защиту. - М., 1982; Стецовский Ю.И., Ларин А.М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому прав на защиту. - М., 1988; Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. - М., 1984; Ларин А.М. Презумпция невиновности. - М., 1982 и др.

влекущим безусловную отмену судебного акта, относится в числе прочих нарушение права обвиняемого на защиту, тогда как нарушение прав потерпевшего таких последствий не влечет. Принципиальные правила новой Конституции РФ о судебной защите прав и свобод человека и гражданина и гарантиях прав потерпевших от преступлений и злоупотребления властью могут рассматриваться как устранение отмеченного перекоса и должны способствовать преодолению взгляда на права потерпевшего как на нечто второстепенное. Однако представляется, что в равной мере судебной защите подлежат и права иных граждан, так или иначе соприкоснувшихся с уголовным процессом. Достижение целей уголовного судопроизводства: установление истины, обеспечение справедливого наказания виновного - не может осуществляться за счет ущемления прав участников процесса. Интересами правосудия нельзя оправдывать даже незначительное нарушение прав и свобод граждан, тем более если они имеют к преступлению весьма отдаленное отношение.

Каждый гражданин в случае нарушения или необоснованного ограничения его прав и свобод при производстве по уголовному делу вправе требовать судебной защиты, приносить жалобы на действия органов расследования и добиваться восстановления нарушенного или ограниченного блага.

ГЛАВА 3. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

§1. Формы осуществления судебной защиты в стадиях возбуждения и предварительного расследования уголовных дел

Воплощая в себе принципы наиболее целесообразной процедуры, процессуальная форма представляет собой одну из юридических гарантий прав личности. Поэтому уголовное судопроизводство как форма реализации судебной власти является и наиболее совершенной формой судебной защиты. Уголовно-процессуальный закон предусматривает разветвленную систему гарантий прав и свобод личности¹⁶², включая принципы уголовного процесса, многочисленные обязанности следователя, органа дознания и прокурора, находящиеся в определенной связи с судебной защитой прав граждан.

Однако, как правильно отмечает В.П.Кашепов, «всеобщность принципа права на судебную защиту и нарастающая потребность в её осуществлении ставит перед правосудием задачу: создать условия доступности судебной защиты для правового противостояния любым посягательствам на права и свободы гражданина»¹⁶³. Этим целям и служит та деятельность суда, которая получила название судебного контроля за предварительным расследованием, создающая систему дополнительных средств обеспечения законности применения принуждения в деятельности правоохранительных органов, усиления защиты граждан от необоснованных ограничений прав и свобод, от злоупотреблений правом власти со стороны следователей, органов дознания, прокуроров. Вмешиваясь «каждый раз, когда какой-либо государственный

¹⁶² Вопрос о гарантиях прав личности в уголовном процессе исследовался многими учеными. См.: Строгович М.С. Процессуальные гарантии // Избранные труды. Т.2. - С.62-92; Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. - М., 1972; Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание). - М., 1973; Стецовский Ю.И., Ларин А.М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. - М., 1988; Петрухин И.Л. Судебные гарантии...; Либус И. Охрана прав личности в уголовном процессе. - Ташкент, 1975 и др.

¹⁶³ Кашепов В.П. Институт судебной защиты прав и свобод граждан и средства её реализации // Государство и право. - 1998. - №2. - С.70.

орган совершает незаконное, неразумное или несправедливое деяние»¹⁶⁴, судебный контроль за действиями и решениями органов расследования должен привести к повышению уровня законности¹⁶⁵ в их деятельности, росту авторитета и престижа правоохранительных органов, утверждению провозглашенных Конституцией РФ принципов правового государства.

Являясь функцией уголовного судопроизводства и принципом осуществления правосудия, защита прав и свобод российских граждан пронизывает деятельность судебной власти во всех формах её реализации. Поэтому трудно в полной мере согласиться с мнением одного из судей Курского областного суда, что судебный контроль направлен, во-первых, на содействие эффективному осуществлению предварительного следствия, а во-вторых, на обеспечение оптимальных условий для осуществления правосудия¹⁶⁶. При такой постановке вопроса, как представляется, происходит забвение главного - приоритета ценности человеческой личности, её прав и свобод, подчиняющихся себе

¹⁶⁴ Гордон Ричард. Судебный контроль и внутригосударственное право // Судебный контроль и права человека: Материалы российско-британского семинара 12-13 сентября 1994 года. - М., 1996. - С.64-65.

¹⁶⁵ Исследователи отмечают рост нарушений законности в деятельности органов расследования, в том числе связанных с нарушением прав граждан: необоснованных задержаний и заключений под стражу, незаконного прекращения и приостановления уголовного дела, несвоевременного признания лица потерпевшим, необоснованного привлечения к уголовной ответственности и т.д. (см.: Токарева М.Е. Современные проблемы законности и прокурорский надзор в досудебных стадиях уголовного процесса. Дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада, выполн. также функцию автореферата. - М., 1997. - С.26-28).

¹⁶⁶ Колоколов Н.А. Указ. соч. - С.33.

иные охраняемые правом ценности. Положения, содержащиеся в ряде статей Конституции РФ (2, 18, 45, 46), дают основания считать различные виды деятельности государственных органов, в том числе уголовно-процессуальную, способами осуществления государственной защиты прав, свобод и законных интересов личности. Судебный контроль за предварительным расследованием в этой связи представляет одну из форм судебной защиты. При этом соблюдение прав и свобод участников уголовного процесса является одним из обязательных критериев законности предварительного следствия и дознания, следовательно, судебный контроль за этой стороной расследования служит и средством обеспечения законности его производства, а поэтому действительно создает условия для осуществления правосудия. Судебный контроль за соблюдением прав и свобод участников уголовного процесса по большей части сливается с осуществляемым судом контролем за законностью действий и деятельности органов расследования в целом и обоснованностью принимаемых ими решений, поэтому раздельное рассмотрение этих вопросов возможно только в теоретическом плане.

В связи со сказанным осуществляемую судом в ходе предварительного расследования деятельность правильнее называть не судебным контролем за законностью предварительного расследования или отдельных его актов, а судебным контролем за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при производстве по уголовному делу. Такое название более точно отражает характер этой деятельности, соответствует роли и назначению судебной власти в обществе, выражает сущность отношений судебной власти с органами расследования и прокуратурой. Вопрос о правильном определе-

нии названия судебной деятельности в стадии предварительного расследования имеет принципиальный характер. Термин «судебный контроль за законностью предварительного расследования» означает возложение на суд обязанности, равнозначной прокурорскому надзору, и может привести к ошибочному выводу о том, что суд в какой-то мере становится ответственным за допускаемые органами расследования нарушения прав и свобод человека и гражданина. Осуществление судом контроля за обоснованностью решений органа расследования, связанных с ограничением конституционных гарантий прав граждан, вовсе не означает, что к нему переходят обязанности прокурора по обеспечению законности при производстве предварительного расследования.

Во-первых, возложение обязанности обеспечить контроль за законностью предварительного расследования предполагает возможность наступления ответственности за её неисполнение, что противоречит идее независимости и объективности судебной власти. Только четкое разграничение государственных и процессуальных функций суда и органов уголовного преследования обеспечивает несвязанность суда выводами органов расследования и прокуратуры.

Во-вторых, осуществление контроля (надзора) за предварительным расследованием предполагает наличие возможности контролировать весь его ход. На суд не может быть возложена такая обязанность в связи с отсутствием у него права проявления какой-либо инициативы в возбуждении судебного производства. Инициатива в принятии какого-либо вопроса к судебному рассмотрению всегда исходит извне - со стороны органов уголовного преследования, испытывающих для осуществления своей законной деятельности потребность в ограничении конституционных прав и свобод граждан, или граждан, чьи права и свободы при производстве предварительного расследования были необоснованно ущемлены. Необходимость применения мер, ограничивающих права и свободы личности, характерна далеко не для каждого уголовного дела, и не все следователи и прокуроры с пренебрежением относятся к правам человека. Поэтому когда ни у одной из сторон не возникает потребности в судебном контроле за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное дело поступает в суд лишь по окончании предварительного расследования. По большинству уголовных дел предварительное расследование осуществляется без какого-либо вмешательства суда.

В-третьих, судебным контролем охватываются лишь те процессуальные действия, которые ограничивают или создают угрозу ограничения конституционным правам и свободам личности. В остальной части выполнения своих функций органы расследования самостоятельны.

Поэтому деятельность суда в стадии предварительного расследования представляет особый способ осуществления функции судебной защиты прав и свобод личности. Суд не контролирует законность предварительного расследования - он защищает права и свободы личности. Указанную функцию суд осуществляет независимо от того, по чьей инициативе производится проверка соблюдения конституционных прав участников уголовного процесса.

В науке, однако, это обстоятельство признается не всеми. Так, в одной из серьезных работ по проблемам законности, изданной институтами законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, проводится мысль, что конституционное положение о допустимости ареста лишь на основании решения суда есть освобождение прокурора от части его обязанностей по обеспечению законности предварительного расследования. Автор посвященного этой проблеме раздела И.Ф.Демидов пишет: «Конституция РФ освобождает прокурора от санкционирования ареста, обыска и т. д., что делает его еще более независимым в оценке выводов и решений следователя»¹⁶⁷. Безобидная на первый взгляд фраза при внимательном рассмотрении выглядит совсем не такой безобидной. Логически эту фразу можно разделить на две части:

1) прокурор, санкционирующий аресты, обыски и другие действия органа расследования, в определенной мере зависим от органов расследования в оценке их выводов и решений;

2) освобождение прокурора от санкционирования действий следователя сопровождается передачей этих полномочий суду, следовательно, суд становится зависимым от выводов органов расследования.

Читая между строк, в анализируемой фразе можно увидеть и намек на то, что одновременно с освобождением от санкционирования ареста, обыска прокурор освобождается от ответственности за их законность, а следовательно, эта ответственность ложится на суд, за деятельностью которого прокурор, по мнению И.Ф.Демидова, надзирает.

Согласиться с таким взглядом на выполняемые судом в стадии расследования полномочия невозможно. Конституционное требование судебного решения для совершения определенных действий не снимает с прокурора ответственности за законность и обоснованность постановления органа расследования о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства и не возлагает эту ответственность на суд. Задача суда заключается в про-

¹⁶⁷ Демидов И.Ф. Обеспечение прав человека в сфере борьбы с преступностью // Законность в Российской Федерации. - М., 1998. - С.153.

верке наличия законных оснований для ограничения конституционных прав и свобод личности, однако ответственность за законность и обоснованность решения, равно как и за законность исполнения этого решения, несут следователь и прокурор.

Необходимость в судебной защите уже в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования вызывается рядом существенных обстоятельств.

Во-первых, решение задач уголовного судопроизводства обуславливает применение различных мер государственного принуждения¹⁶⁸, связанных с определенным ограничением тех или иных прав и свобод участников уголовного процесса¹⁶⁹. Эффективное осуществление уголовно-процессуальной деятельности зачастую вызывает необходимость ограничения свободы личности. Однако указание Конституции РФ на возможные пределы такого ограничения требует своевременного и эффективного контроля за применением правоограничивающих мер.

Во-вторых, наличие огромных властных полномочий у должностных лиц органов предварительного расследования, сложные физические и психические условия профессиональной деятельности обуславливают возникновение разнообразных проявлений профессиональной деформации, нигилистического отношения к требованиям уголовно-процессуального закона¹⁷⁰. Пренебрежительное отношение к правам граждан создает условия для их неоправданного нарушения, для злоупотребления правом власти.

¹⁶⁸ См.: Еникеев З.Д. Меры процессуального принуждения в системе средств обеспечения обвинения и защиты. - Уфа, 1978. - С.14.

¹⁶⁹ См. об этом: Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. - М., 1996. - С.6, 7.

¹⁷⁰ См. об этом подробнее: Лазарева В.А. Психология следственных ошибок // Проблемы психологии следственной деятельности. - Красноярск, 1986. - С.33-38; она же. Психологический аспект следственных ошибок // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве: Сб. научн. трудов. - М., 1988. - С.36-40.

В-третьих, конституционное положение об обеспечении потерпевшим в результате преступления лицам доступа к правосудию (ст. 52 Конституции РФ) не может быть реализовано иначе, как через следственные органы, призванные проверить изложенные в жалобе обстоятельства, обнаружить лицо, совершившее преступление, собрать изобличающие его вину доказательства, принять меры к возмещению причиненного преступлением ущерба. Поэтому гарантированный государством доступ к правосудию предполагает наделение лица правом требовать возбуждения уголовного дела и производства предварительного следствия. Эффективное участие потерпевшего в защите своих интересов возможно только в том случае, если он имеет право участвовать в этом процессе с самого начала. Косвенное признание этого права зафиксировано в ст. 108 УПК РСФСР: заявление потерпевшего является одним из поводов к возбуждению уголовного дела. Изучение уголовных дел, предпринятое в прошлом автором, показало, что именно этот повод наиболее часто (в 45% случаев) приводит к решению о возбуждении уголовного дела. Однако после подачи соответствующего заявления потерпевший фактически бесправен. Он не может влиять на ход проверки его заявления, ибо статус заявителя законом никак не определен. В значительной мере именно этим обусловлено промедление в принятии решения о возбуждении уголовного дела - только 62% уголовных дел возбуждается в установленный законом трехдневный срок. Но и потом возможность включиться в процесс расследования потерпевший получает только после официального признания его статуса. Промедление с принятием такого решения имеет широкое распространение - 44% потерпевших признаны таковыми в срок свыше 10 дней после возбуждения уголовного дела, в том числе 12% в срок, превышающий один месяц. Учитывая, что изучению подвергались уголовные дела о кражах, грабежах, изнасилованиях, убийствах, телесных повреждениях и

других, т.е. тех, где факт причинения вреда определенному лицу очевиден уже в момент совершения преступления, промедление с принятием столь важного решения может быть объяснено лишь пренебрежением к правам потерпевших со стороны следователей. Как показывают последние исследования, следственная практика в этом отношении существенно не изменилась¹⁷¹. Уклонение органа расследования от выполнения возложенных на него обязанностей путем отказа в принятии необходимого процессуального решения или принятие необоснованного решения не просто нарушает процессуальные права личности, но преграждает потерпевшему путь к правосудию, к восстановлению нарушенных преступлением прав. Судебная защита процессуальных прав потерпевшего в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования поэтому одновременно и защита его права на судебную защиту в материальном смысле.

Судебный контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в ходе предварительного расследования является гарантией права на защиту и правосудие и для других участников уголовного процесса: обвиняемого, подозреваемого, свидетеля. Вскрытые при рассмотрении уголовного дела нарушения прав обвиняемого, подозреваемого влекут возвращение уголовного дела на дополнительное расследование, постановление оправдательного приговора и частное определение суда в адрес органов предварительного расследования или прокурора, что, как правило, не достаточно для восстановления прав и свобод личности. В связи с этим Конституционный Суд РФ в постановлении от 23 марта 1999 года указал, что «контроль за действиями и решениями органов предварительного расследования, имеющий место со стороны суда лишь при рассмотрении им уголовного дела, т.е. на следующем этапе судопроизводства, не является эффективным средством восстановления нарушенных прав и поэтому заинтересованным

¹⁷¹ См. об этом: Юношев С. Укрепление правового статуса потерпевшего и его представителя // Российская юстиция. – 1998. №11. - С.21-22; Ульянов В.Г. Реализация прав потерпевших в российском уголовном процессе. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. - Краснодар, 1998. - С.12.

лицам должна быть обеспечена возможность незамедлительного обращения в ходе расследования с жалобой в суд»¹⁷².

Действующее законодательство позволяет выделить две формы судебной защиты конституционных прав граждан в досудебных стадиях уголовного процесса: 1) предотвращение необоснованных, т.е. не оправданных необходимостью обеспечения конституционно значимых целей ограничений прав и свобод человека и гражданина и 2) восстановление прав и свобод, нарушенных органами следствия и дознания. Соответственно существуют две различные формы (два способа) осуществления правосудия в стадиях возбуждения и предварительного расследования уголовных дел.

Первая заключается в рассмотрении судом обращений органов предварительного следствия и дознания с ходатайствами о даче разрешения на совершение тех следственных действий, которые ограничивают конституционные права и свободы личности.

Вторая состоит в рассмотрении судом жалоб участников уголовного процесса на действия и решения следователя, органа дознания, прокурора, нарушающие, ущемляющие или иным образом ограничивающие их права и свободы в ходе предварительного расследования.

Возможность обращения обвиняемого, потерпевшего или другого участника уголовного процесса к независимому и незаинтересованному в результатах рассмотрения жалобы суду с жалобой на действия следователя или прокурора

- является важной гарантией прав и свобод личности, играет роль фактора, удерживающего органы дознания и предварительного расследования от необоснованных нарушений прав и свобод участников уголовного процесса;

- обеспечивает гражданам доступность судебной защиты на предварительном расследовании и, следовательно, возможность быстрого и эффективного восстановления нарушенного права;

- позволяет ввести на предварительном следствии некоторые элементы состязательности¹⁷³. Усматриваемая в процедуре рассмотрения судом жалобы с участием наделенных равными правами заявителя жалобы (обвиняемого, потерпевшего и т.д.) и должностного лица, чьи действия обжалуются,

¹⁷² Российская газета. - 1999 г. - 15 апреля.

¹⁷³ М.С.Строгович, возражая против состязательности предварительного расследования, обоснованно отмечал несовместимость состязательности со следствием (см.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.1. ... - С.197-198). Однако представляется, что этому не противоречит введение некоторых элементов состязательности в стадии предварительного расследования.

состязательность является гарантией справедливого рассмотрения и разрешения жалобы.

В свою очередь, возможность совершения органом следствия и дознания каких-либо действий, ограничивающих права и свободы личности, обуславливающая обязанность доказать суду необходимость такого ограничения, каждый раз заставляет орган уголовного преследования задуматься о том, нельзя ли достичь желаемого результата иным, не ущемляющим прав граждан способом, а следовательно, объективно служит задаче обеспечения прав и свобод личности.

Каждая из названных форм судебной защиты имеет свои особенности в виде объекта судебного контроля, процедуры рассмотрения обращения, принимаемых решений и их юридического значения. Вместе с тем, нуждается в изучении и ряд вопросов общего характера, таких как место рассмотрения судом вопросов, возникающих в стадии предварительного расследования, пределы вмешательства суда в следствие и дознание, возможность обжалования принятых судом решений.

Вопрос о пределах судебного контроля за законностью и обоснованностью ареста или иного решения, ущемляющего или ограничивающего права гражданина, - это вопрос о том, подлежит ли судебной проверке решение органа расследования фактическими данными. Представляется правильным мнение И.Л.Петрухина о том, что суд должен проверять не только соблюдение формальных (процедурных) условий ареста (или другого решения), но и достаточность фактических оснований для применения той или иной меры пресечения, в том числе степень доказанности совершения преступления данным лицом, характеристику личности, вероятность уклонения от следствия и суда¹⁷⁴.

Высказанные против такого подхода возражения, мотивированные тем, что исследование судом доказательств, обосновывающих обвинение, противоречит принципу презумпции невиновности, ибо при этом предпрещается вывод о вине обвиняемого, представляются неубедительными. Кроме того, суд оказывает-

¹⁷⁴ См.: Петрухин И.Л. Судебные гарантии... - С.69.

ся связанным этим мнением и неспособным впоследствии правильно разрешить дело по существу¹⁷⁵.

Возможность судебной проверки допустимости доказательств, на которых основана просьба следователя об аресте обвиняемого или обжалуемое участником процесса постановление следователя, на наш взгляд, способна сыграть роль фактора, стимулирующего соблюдение требований уголовно-процессуального закона. Первичным основанием для применения любых правоограничительных мер являются фактические данные, позволяющие подозревать или обвинять лицо в совершении преступления. Отсутствие оснований для обвинения или подозрения исключает и возможность применения меры пресечения или другой правоограничительной меры. При этом речь идет не о проверке доказательств виновности, как утверждает некоторыми авторами, а о проверке доказательств, подтверждающих обоснованность обвинения. Нельзя ограничивать суд проверкой «только тех фактических данных, которые указывают на необходимость изоляции от общества подозреваемого или обвиняемого в целях предупреждения уклонения от органов предварительного расследования...»¹⁷⁶. Нетрудно представить себе ситуацию, когда мера пресечения избирается в отношении лица, ранее судимого и не имеющего постоянного места жительства, участие которого в преступлении весьма сомнительно или обосновывается фактическими данными, полученными с нарушением требований закона¹⁷⁷. Поэтому спор

¹⁷⁵ См.: Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Халиуллин А.Г., Якубович Н.А. Указ. соч. - С. 57 и сл.; Галузо В.Н. Судебный контроль за законностью и обоснованностью содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых на стадии предварительного расследования. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1995. - С.23.

¹⁷⁶ Галузо В.Н. Указ. соч. - С.23.

¹⁷⁷ По одному из уголовных дел, например, обвинение в хранении наркотиков основывалось на доказательствах, полученных при следующих обстоятельствах. Оперативная группа органов внутренних дел, прибыв в помещение школы милиции, осуществила захват одного из курсантов, применила к нему спецсредство (наручники) и в таком виде доставила в дежурную часть Ленинского РОВД г. Самары, где был составлен «протокол осмотра гражданина Щ-ва». В процессе этого так называемого следственного действия «гр-ну Щ-ву было предложено добровольно снять с себя одежду и обувь». Процесс раздевания фиксировался с помощью видеозаписи. В правом ботинке Щ-ва обнаружен бумажный пакетик с порошком белого цвета. Только после этого был составлен протокол задержания Щ-ва в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 122 УПК РСФСР. Ни до, ни во время этого законом не предусмотренного «следственного действия», фактически представляющего собой несанкционированный и незаконный личный обыск, Щ-ву не было объявлено, в качестве кого он в этом действии участвует (в протоколе отражено, что осмотр гражданина Щ-ва про-

о том, законность или обоснованность составляет предмет судебного контроля, представляется беспредметным. Знание, что суд откажет в выдаче разрешения на заключение под стражу лица, обвинение которого основывается на заведомо незаконно полученных данных, например в ходе задержания, обыска, делает орган расследования заинтересованным в соблюдении требований уголовно-процессуального закона и прав граждан в процессе собирания изобличающих обвиняемого доказательств.

Любое необоснованное решение органа расследования в то же время и незаконно, и подлежит отмене. Рассматривая соотношение законности и обоснованности иначе, можно прийти к абсурду и признавать законными те решения следователя, прокурора и суда, которые не основаны на достоверных и надежных доказательствах. Обоснованность - составная часть законности, и противопоставление этих требований друг другу способно породить вредные последствия. Следует согласиться с В.А.Михайловым в том, что «исключение из предмета жалобы и предмета судебного контроля обоснованности процессуальных решений об аресте и продлении срока содержания под стражей неизбежно приводит к неполноте судебной проверки»¹⁷⁸. При избрании меры пресечения, равно как и при любом правоограничении, орган расследования обязан обосновать вывод о том, что в данном случае обойтись без такого ограничения невозмож-

водится с участием лейтенанта милиции Щ-ва, т.е. его самого), какие имеет права, хотя его задержание состоялось тогда, когда на него надели наручники, следовательно, Щ-в имел процессуальный статус подозреваемого, право на консультацию с адвокатом и на участие адвоката в указанном «следственном действии», коль скоро оно производилось вне рамок задержания. Незаконность полученных таким способом доказательств хранения наркотического вещества очевидна, более ничем совершение Щ-вым преступления не подтверждено, поэтому любые правоограничения по отношению к Щ-ву будут незаконными. Адресованная прокурору жалоба адвоката на нарушение конституционных прав Щ-ва оставлена без реагирования.

¹⁷⁸ Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе... - С.239.

но¹⁷⁹. Высказанное в периодике предложение о том, что суд должен проверять лишь формальную законность постановления об избрании меры пресечения¹⁸⁰, есть лукавство, направленное на избежание контроля со стороны суда за действиями следователя. Автор этой точки зрения А.Жданов, ссылаясь на собственный опыт прокурорского работника, приводит убийственные данные: за 4 года Олонецким районным судом республики Карелия из-под стражи по мотивам незаконности ареста освобожден только один человек, все остальные освобождались из-за необоснованности избрания меры пресечения - заключения под стражу¹⁸¹. Вывод очевиден: считая невозможной отмену судом меры пресечения по мотивам необоснованности, прокурор А.Жданов исключает саму возможность отмены судом ареста как меры пресечения.

Сказанное означает, что суду должно быть предоставлено право исследования доказательств, обосновывающих необходимость¹⁸² проведения того или иного следственного действия¹⁸², а следовательно, и признания их недопустимыми уже в стадии предварительного расследования.

С рассматриваемым вопросом связан и объем требуемого суду для принятия решения материала. Хотя Пленум Верховного Суда РФ рекомендует органам расследования представлять в суд лишь надлежащим образом заверенные копии постановлений о возбуждении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого, о применении заключения под стражу в

¹⁷⁹ См.: Лебедев В.М. Судебная власть на защите конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1998. - С.16, 21.

¹⁸⁰ См.: Жданов А. Законность или обоснованность ареста // Российская юстиция. - 1999. - №1. - С.48.

¹⁸¹ См.: Там же. Приведенные автором цифры подтверждают и другие исследователи. Так, по данным О.И.Цоколовой, лишь 1,8% обвиняемых освобождены судом из-под стражи по причине процессуальных нарушений, допущенных при аресте (см.: Цоколова О.И. Указ. соч. - С.18).

¹⁸² См.: Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть)... - С.6.

качестве меры пресечения задержания, протоколов допросов обвиняемого и подозреваемого¹⁸³, следует поддержать сложившуюся практику и высказанные в теории предложения о целесообразности направления в суд всего уголовного дела¹⁸⁴ или хотя бы относящейся к рассматриваемому вопросу части. Практика рассмотрения жалоб на незаконность арестов судами Самарской области показывает, что никаких объяснений и аргументированных возражений, предусмотренных УПК РСФСР, орган расследования в суд не представляет, ограничиваясь направлением материалов дела (50% случаев) или их заверенных копий (49,4%). С одной стороны, это свидетельствует о наличии у следователя серьезной уверенности в характере предстоящего судебного решения, с другой - о достаточно высокой степени безразличия к последствиям. Направление материалов уголовного дела освобождает следователя от необходимости совершения активных действий в целях подтверждения правомерности ареста в виде составления аргументированных объяснений или отбора соответствующих доказательств. Зачастую, отказывая в удовлетворении ходатайства об изменении меры пресечения, прокурор внутренне соглашается с тем, что судом мера пресечения будет изменена, однако не чувствует при этом ни вины, ни сожаления. Наоборот, такое решение создает видимость самостоятельности, позволяет ему сохранить свой авторитет в глазах вышестоящего прокурора и подчиненного (поднадзорного) ему следователя, избежать обвинения в непоследовательности (сам арестовал - сам освободил).

¹⁸³ Постановление №3 Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 1993 года «О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей» (в редакции постановления Пленума №11 от 21 декабря 1993 года, с изменениями и дополнениями, внесенными постановлением Пленума №6 от 29 сентября 1994 г.) // Сборник Постановлений пленумов высших судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. - М., 1995. - С.555-558.

¹⁸⁴ См.: Галузо В.Н. Указ. соч. - С.19.

Вместе с тем, при рассмотрении судами жалоб на иные решения органа расследования последний, по нашим наблюдениям, активно стремится доказать законность и обоснованность своего решения и использует для этого все возможности состязательного судопроизводства. Так, при рассмотрении судом жалобы на отказ в удовлетворении ходатайства об исключении из дела доказательств, полученных с нарушением уголовно-процессуального закона, в судебном заседании участвовал не только следователь, но и юрист УФСНП по Самарской области, а при рассмотрении жалобы на незаконность обысков в жилищах руководителей АО «ЭЛРосс» - и начальник юридического отдела. В одном случае представители УФСНП, ссылаясь на тайну незаконченного следствия, представили в суд лишь один том уголовного дела, содержащий материалы, касающиеся обысков, в другом - 14 томов, содержащих доказательства, по поводу допустимости которых возник спор. Такая практика, на наш взгляд, заслуживает поддержки, ибо позволяет суду более полно исследовать все обстоятельства рассматриваемого вопроса. Однако непредставление органом расследования материалов, подтверждающих законность и обоснованность обжалуемого действия или решения, не должно вести к отложению рассмотрения жалобы, как это имеет место в настоящее время. Лишь 57 жалоб на незаконность ареста (8% от всех изученных) рассматривались, по нашим сведениям, в пятидневный срок, 198 (33,4%) - в срок от 5 до 10 дней. Для рассмотрения 370 жалоб (52,8%) суду потребовалось от 10 до 20 дней, в 63 случаях (9%) жалобы были рассмотрены в срок от 20 до 30 дней и в 16 (2,3%) - по истечении месячного срока. Несвоевременное рассмотрение жалобы сводит на нет право арестованного или задержанного на незамедлительное доставление к судье и на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда (статья 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Поэтому при непредставлении органами расследования материалов в подтверждение законности и обоснованности ареста в установленный законом срок суду следует рассматривать вопрос по имеющимся в его распоряжении материалам, в том числе представленным стороной защиты. Возрастающая в связи с этим вероятность освобождения лица из-под стражи (количество освобожденных по этому основанию равно 4% от всех освобожденных судом) может сыграть роль фактора, стимулирующего органы расследования к своевременному представлению в суд материалов, подтверждающих законность и обоснованность ареста.

Жалобы на действия и решения следователя, по нашему мнению, целесообразнее всего рассматривать в суде, которому подсудно данное уголовное дело, хо-

датайства следователя о проведении следственного действия - по месту его проведения, в частности, при истребовании разрешения на обыск или выемку - по месту нахождения обыскиваемого жилого помещения. Вместе с тем, существующая практика рассмотрения жалоб на незаконность и необоснованность ареста по месту нахождения обвиняемого нередко создает серьезные проблемы. Сосредоточение всех жалоб в одном или нескольких судах, в районе действия которых расположены следственные изоляторы, не только ведет к диспропорциям в степени загруженности судей, но и в значительной степени порождает формальное отношение к их рассмотрению со стороны как судьи, так и участвующего в судебном заседании прокурора. Препятствует эффективному рассмотрению жалобы удаленность следственных изоляторов от места нахождения органа расследования¹⁸⁵. С учетом интересов лица, обращающегося в суд за защитой, можно предложить альтернативную подсудность. Поскольку лицу, подавшему жалобу, должна быть обеспечена возможность лично доказывать факт нарушения его интересов и использовать для этого совокупность различных процессуальных средств¹⁸⁶, жалобу целесообразнее рассматривать по месту содержания обвиняемого (подозреваемого)¹⁸⁷. В остальных случаях наибо-

¹⁸⁵ В Самарской области, занимающей немалую территорию, два следственных изолятора - в Самаре и Сызрани, расположенных на значительном удалении от большого количества сельских районов.

¹⁸⁶ Согласно правовой позиции, высказанной Конституционным Судом РФ по делу о проверке конституционности части второй статьи 335 УПК РСФСР, лицо, желающее участвовать в судебном заседании, не может быть лишено процессуальных прав, совокупность которых обеспечивает справедливое правосудие и эффективное восстановление нарушенных прав граждан (см.: Российская газета. - 1998. - 24 декабря).

¹⁸⁷ В ряде случаев возникает вопрос об определении места содержания обвиняемого, например при доставлении его по требованию следователя в целях производства следственных действий в изолятор временного содержания по месту нахождения следственного органа. Представляется, что в этом случае обвиняемый должен иметь возможность обращаться в суд по месту фактического нахождения в момент подачи жалобы.

лее эффективным представляется рассмотрение жалобы по месту нахождения органа расследования¹⁸⁸. Описанные выше жалобы на решения следователей Управления Федеральной службы налоговой полиции по Самарской области (УФСНП) рассматривались Федеральным судом Октябрьского района города Самары, поскольку названное Управление расположено на территории этого района.

Опасения, что принятое судом в стадии предварительного расследования решение отрицательно отразится на объективности последующего исследования судом материалов дела¹⁸⁹, вполне устранимы при условии, что судья, осуществлявший контрольные функции, не будет принимать участие в рассмотрении дела по существу¹⁹⁰. Однако представляется, что опасения о возникновении у судьи преждевременного внутреннего убеждения сильно преувеличены. Судья, отказавший органу расследования в даче разрешения на проведение ареста, обыска или удовлетворивший жалобу обвиняемого на необоснованность ареста, действует не против обвиняемого, а в защиту его интересов. Очевидно, может быть полезен и опыт англо-американского правосудия, в котором санкционирование ареста не устраняет судью от дальнейшего рассмотрения дела. Возможен и компромиссный вариант, при котором судья, осуществлявший контрольные функции в стадии предварительного расследования, может рассматривать дело по существу, если ни одна из сторон не заявит о его отводе.

Обязательной гарантией прав граждан представляется установление законодателем срока, в течение которого жалоба гражданина на действия органа расследования или ходатайство органа расследования должны быть рассмотрены судом. Быстрота рассмотрения, с одной стороны, обеспечивает эффективное восстановление нарушенного права, с другой - направлена

¹⁸⁸ См. об этом также: Галузо В.Н. Указ. соч. - С.19.

¹⁸⁹ См., например: Ефимичев С.П. Разделение властей и проблемы борьбы с преступностью // Проблемы совершенствования прокурорского надзора (к 275-летию российской прокуратуры): Материалы научно-практической конференции. - М., 1997. - С.176 и сл. Аналогичные сомнения высказывались и участниками заседания ученого совета при МГКА «Проблемы современной российской адвокатуры», состоявшегося 2 ноября 1995 г. (см.: Проблемы российской адвокатуры. - М., 1997. - С.58 и др.).

¹⁹⁰ См.: Кашепов В.П. Институт судебной защиты прав и свобод граждан и средства её реализации // Государство и право. 1998. №2. С.71; Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть)... - С.63-64.

на минимизирование отрицательных последствий для процесса расследования уголовного дела, неизбежных при подаче жалобы в суд. Указанным целям способствовало бы образование в многосоставных судах специальных структурных подразделений - палат, составов, выездных и постоянных сессий, главной задачей которых будет незамедлительное рассмотрение жалоб граждан и обращений органов расследования за разрешением на производство следственных действий, ограничивающих права и свободы личности¹⁹¹, однако состав этих подразделений должен быть подвижным.

Представляется неприемлемым предложение о возложении полномочий по контролю за соблюдением прав и свобод участников уголовного процесса на систему мировой юстиции¹⁹², имеющую совершенно иные задачи, связанные с необходимостью обеспечения доступа к правосудию и адекватной судебной защиты по несложным делам, не требующим предварительного расследования. И хотя по закону «О мировых судьях в Российской Федерации» от 17 декабря 1998 года к кандидатам на должность мирового судьи предъявляются те же требования (ст. 5), что и к федеральным судьям районного звена, очевидно, что уровень их квалификации и профессиональный опыт по сравнению с федеральными судьями будет ниже. В этих условиях вряд ли оправдана передача мировой юстиции функций, требующих основательных знаний проблем следствия и судебного разбирательства уголовных дел более сложной категории.

Установление судебного контроля за законностью и обоснованностью действий и решений органов предварительного расследования не означает введение института следственного судьи¹⁹³ или судебного следователя. Как отмечают исследователи, институт следственного судьи, существующий

¹⁹¹ В настоящее время в качестве временной меры представляется возможным отнесение к ведению названных подразделений в судах общей юрисдикции жалоб граждан как уголовно-процессуального, так и административного характера с перспективой последующей передачи последних в систему административной юстиции.

¹⁹² См. об этом: Изотова О.В. Проблемы судебного контроля при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1996. - С.16; Выступление И.Б. Михайловской на заседании ученого совета при МГКА «Проблемы современной российской адвокатуры» // Проблемы российской адвокатуры... - С.58.

¹⁹³ По мысли некоторых авторов следственные судьи должны осуществлять исключительно функцию судебного контроля и быть свободными от полномочий по отправлению правосудия не только по делу, по которому они принимали решения на досудебных стадиях, но и по любому другому уголовному делу (см.: Демидов И.Ф. Роль судебной власти в обеспечении законности уголовного преследования... - С.166).

во французском процессуальном законодательстве, не имеет аналогов в уголовном процессе других государств¹⁹⁴. Следственный судья во Франции, как и судебный следователь по Уставу уголовного судопроизводства России, - это прежде всего лицо, производящее расследование, собирающее доказательства, тогда как суд, контролирующий законность и обоснованность решений органов следствия и дознания - орган правосудия. Признание этого обстоятельства обуславливает неприемлемость предложения о лишении судьи, осуществляющего контрольные полномочия, права на рассмотрение по существу другого уголовного дела. Как представляется, именно сочетание этих форм осуществления правосудия и дает судье необходимый опыт и знания, позволяющие правильно разрешать как общие, так и частные вопросы уголовного судопроизводства. Интересно отметить, что французский следственный судья не лишен права осуществлять правосудие по другим уголовным делам и контролировать таким образом деятельность других следственных судей. Такая система организации судебной деятельности, обеспечивая взаимный контроль судей за процессуальной деятельностью друг друга, представляется наиболее оптимальной. Выделение следственных судей в самостоятельную структуру¹⁹⁵ противоречит единству судебной системы, превращает суд в подобие прокуратуры, ведет к выхолащиванию закрепленной в Конституции РФ идеи защиты прав и свобод человека и гражданина посредством осуществления правосудия.

Рассмотрение судебной деятельности в стадии предварительного расследования как особой формы правосудия означает применимость к ней всех принципов уголовного судопроизводства и процессуальных гарантий прав личности. Это значит, что рассмотрение судом жалоб граждан и обращений органов уголовного преследования должно осуществляться в условиях состязательности, с наделением участвующих в рассмотрении сторон равными правами в отстаивании защищаемых ими интересов, с элементами непосредственного исследования доказательств, предоставлением заинтересованным участникам процесса прав, обеспечивающих защиту их интересов: иметь доступ к материалам дела, представляемым в суд, быть выслушанным, пользоваться юридической помощью независимо от своего процессуального статуса, иметь возможность обжаловать принятое решение. Положения части 5 ст. 127 проекта УПК, исключающие возможность обжало-

¹⁹⁴ См.: Быкова Е.В. Судебный контроль за предварительным расследованием преступлений во Франции. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1996. - С.12.

¹⁹⁵ См.: Демидов И.Ф. Указ. соч. - С. 166-167.

вания постановления судьи, принятого им по жалобе гражданина¹⁹⁶, представляются ошибочными, противоречащими принципу всеобщности судебной защиты, охватывающей и защиту от необоснованного судебного решения. Как верно заметил В.М.Бозров, от возможности кассационного пересмотра этого судебного решения истина не пострадает, а возможность судебной ошибки минимизируется¹⁹⁷. Отказ от исправления судебной ошибки, допущенной при рассмотрении жалобы гражданина, при закреплении права на обжалование судебных решений, принятых по ходатайству органов расследования, о проведении следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности (ст. 128 проекта), представляется лишенным логики. Практика обжалования принятых судьей постановлений об отказе в удовлетворении не слишком многочисленна. По нашим данным, обвиняемыми и их защитниками было обжаловано лишь 22 постановления об отказе в освобождении из-под стражи, или 4%. Учитывая, что отказ в освобождении из-под стражи в ходе судебной проверки законности и обоснованности ареста имел место в 85,7% случаев (освобождено 100 из 714 человек, или 14,3%), судебную проверку следует признать достаточно эффективной. Заметим, что в 7 случаях жалобы на постановление судьи были поданы прокурорами, из них две вышестоящим судом удовлетворены.

Вместе с тем, деятельность суда в стадии расследования и решаемые ею на данном этапе задачи настолько специфичны, что не позволяют механически переносить в неё все процедуры, присущие судебному разбирательству уголовных дел. Кроме того, различные виды судебной деятельности в стадии предварительного расследования имеют существенные различия и нуждаются в особом урегулировании. С учетом этого следует поддержать высказанные в науке предложения о выделении в УПК РСФСР не только отдельной главы, посвященной рассмотрению судом вопросов об ограничении конституционных прав и свобод граждан¹⁹⁸, но и о структурном обособлении норм, связанных со всеми видами судебной защиты в стадии предварительного расследования.

¹⁹⁶ Однако это положение некоторыми авторами поддерживается (см.: Изотова О.В. Указ. соч. - С.20).

¹⁹⁷ См.: Бозров В.М. Современные проблемы российского правосудия... - С.78; он же: Судебный контроль за арестом // Законность. - 1996. - №3. - С. 34-38.

¹⁹⁸ См.: Лебедев В.М. Указ. соч. - С.9. Аналогичное предложение применительно к процедуре производства по жалобам на арест или продление срока содержания под стражей вносилось и другими авторами (см., например: Бозров В.М. Современные проблемы российского правосудия... - С.78).

§2. Рассмотрение судом жалоб участников уголовного процесса на нарушения их прав и свобод при производстве предварительного расследования

Судебное обжалование действий и решений органов государственного управления, за расширение которого выступали многие представители науки государственного и административного права (В.И.Ремнев, Н.И.Матузов, Д.М.Чечот, А.Т.Боннер)¹⁹⁹, было возведено в конституционный принцип лишь в 1977 году. Однако ст. 58 Конституции СССР, закрепив право граждан на обращение в суд, отсылала к закону, который должен был определить порядок реализации этого права. Закон СССР «О порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан» был принят только 20 октября 1987 года²⁰⁰. Предусмотренная в первоначальной редакции этого закона²⁰¹ инстанционность обжалования была впоследствии упразднена, и гражданин получил право на непосредственное обращение в суд независимо от предварительного рассмотрения жалобы в административном порядке. 2 ноября 1989 года закон был дополнен правом гражданина обжаловать не только действия должностных лиц, но и решения органов государственного управления индивидуального характера. Право на судебное обжалование еще более было расширено Законом РФ от 27 апреля 1993 года «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан»²⁰². Судебный порядок разрешения споров между гражданином и органом исполнительной власти был установлен и рядом других законодательных актов Российской Федерации. Логическое завершение этот процесс получил в новой Конституции РФ, ст.

¹⁹⁹ См.: Левин Б.Р. К вопросу об ответственности // Советское государство и право. - 1947. - №6; Боннер А.Т., Бахрах Д.Н. Административная юстиция: развитие и проблемы совершенствования // Советское государство и право. 1975. - №8. - С.13-21; Ремнев В.И. Право жалобы и административная юстиция в СССР // Советское государство и право. 1986. - №6; Юридическая процессуальная форма. Теория и практика... С.122-128. Надо, однако, сказать, что высказывались и возражения против расширения сферы судебного контроля за административными актами (см. работы М.С.Студеникиной, А.В.Мицкевича и др.).

²⁰⁰ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. - 1987. - № 42. - Ст.692.

²⁰¹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. - 1987. - №26. - Ст.388.

²⁰² См.: Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. №19. Ст.685.

46 которой не только провозгласила право каждого на судебную защиту (часть 1), но и возможность неограниченного обжалования в судебном порядке действий (бездействия) и решений органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, затрагивающих права, свободы, законные интересы человека и гражданина (часть 2). С появлением этой конституционной нормы стало возможным говорить о праве граждан на судебную защиту от незаконных действий и решений органов следствия, дознания, прокуратуры, являющихся органами государственной власти, и следователей, дознавателей, прокуроров как должностных лиц.

Начало судебной практики по проверке актов предварительного расследования по жалобам граждан было положено 23 мая 1992 года дополнением УПК РСФСР статьями 220-1, 220-2, предусматривающими обжалование законности и обоснованности применения ареста в качестве меры пресечения. Первые попытки граждан реализовать право на судебную защиту путем обжалования в суд иных решений органов расследования, встретившие отказ в принятии жалоб²⁰³, потребовали вмешательства Конституционного Суда РФ. После Постановления Конституционного Суда РФ от 13 ноября 1995 года по делу о проверке конституционности части пятой статьи 209 УПК РСФСР Федеральным законом от 21.12.96 в УПК внесены изменения, согласно которым постановление органа расследования о прекращении уголовного дела может быть обжаловано не только прокурору, но и в суд.

29 апреля 1998 года Конституционный Суд РФ признал неконституционным положение, содержащееся в части четвертой статьи 113 УПК РСФСР, в той мере, в какой оно не допускает судебного обжалования постановления прокурора, следователя или органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела. Постановлением Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 года неконституционными признаны положения части первой статьи 218 и статьи 220 УПК РСФСР, поскольку они по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, исключают в ходе предварительного расследования для заинтересованных лиц, конституционные права которых нарушены, возможность судебного обжалования действий и решений органа дознания, следователя и прокурора, связанных с производством обыска, наложением ареста на имущество, приостановлением производства по уголовному делу и продлением срока предварительного расследования. Однако отсутствие в УПК РСФСР конкретной процедуры реализации права на обращение в суд порождает на практике отказ в принятии

²⁰³ Одно из таких дел подробно описано в журнале «Российская юстиция» (см: Российская юстиция. - 1997. №7. - С.36).

жалоб граждан на незаконные действия и решения органов предварительного расследования, затрудняет своевременное и эффективное их рассмотрение.

Так, жалобы на ограничение права на неприкосновенность жилища и другие нарушения прав и свобод в судах города Самары иногда рассматриваются на основании Закона РФ от 27 апреля 1993 года «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан». Возникают сомнения в праве обжаловать действия следователя лицами, не участвующими в уголовном процессе (например, теми, в чьих квартирах произведены обыски). Неясно, кто должен представлять орган расследования, действия которого обжалуются, в какие сроки обжалуется принятое судом по жалобе решение и т.п.

При разработке механизма правового регулирования института судебного обжалования действий и решений органов предварительного расследования могут и должны быть учтены не только процедуры, известные действующему уголовно-процессуальному законодательству, в том числе содержащиеся в ст. 220-1, 220-2 УПК РСФСР, но и предусмотренные иными отраслями права (гл. 24 и 24-1 ГПК РСФСР, гл. 22 КоАП РСФСР). Заслуживают внимания регулирующие эту процедуру нормы принятого Госдумой в первом чтении проекта УПК, зарубежный опыт. Проанализируем вытекающий из названных правовых актов механизм осуществления судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Конституция РФ не определяет предмета судебного контроля и, в отличие от Конституции РСФСР 1978 года, не содержит указания на то, что реализация права на судебную защиту может быть скорректирована отраслевым законодательством. Ограничение отрасле-

вым законом²⁰⁴ права на обращение в суд расцениваются как неконституционное. «Право на судебную защиту, по смыслу статей 55 (часть 3) и 56 (часть 3) Конституции РФ, не подлежит ограничению, поскольку ограничение этого права ни при каких обстоятельствах не может быть обусловлено необходимостью достижения признаваемых Конституцией РФ целей»²⁰⁵.

Принципиальная неограниченность судебного вмешательства в деятельность органов предварительного расследования и прокурора названа в литературе принципом «беспробельности»²⁰⁶ судебного контроля. Сторонники этого взгляда считают наиболее отвечающей существу судебной защиты обязанность суда рассмотреть любую жалобу на действия и решения лица, осуществляющего расследование, и прокурора. Вытекающее из Концепции судебной реформы в Российской Федерации²⁰⁷, это мнение аргументируется ссылками на традиции русского дореволюционного судопроизводства²⁰⁸ и буквальное толкование ст. 46 Конституции РФ²⁰⁹. По мнению судьи Верховного Суда РФ Г.Жилина, «судебная практика к настоящему времени полностью ориентирована на безусловное выполнение требований ст. 46

²⁰⁴ Ограничение права граждан на обжалование действий и решений органов власти, местного самоуправления содержит, например, Положение о порядке аттестации и государственной аккредитации образовательных учреждений, утвержденное приказом Министерства общего и профессионального образования РФ от 22 мая 1998 года № 1327, статья 14 которого допускает обжалование в судебном порядке отрицательного заключения аттестационной комиссии только в части процедуры аттестации (см.: Вестник образования. - 1998, 11/12. - С.36).

²⁰⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.04.98 по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 113 УПК РСФСР (см.: Вестник Конституционного Суда РФ. - 1998. - №4).

²⁰⁶ См.: Колоколов Н.А. Указ, соч. - С.34.

²⁰⁷ См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации. - М., 1992. - С.44.

²⁰⁸ В ст. 491 Устава Уголовного судопроизводства, принятого 20 ноября 1864 года, указывалось на право всех участвующих в деле лиц приносить жалобы на любые следственные действия, нарушающие и стесняющие их права.

²⁰⁹ См.: Демидов И.Ф. Проблема прав человека в российском уголовном процессе (концептуальные положения)... - М., 1996. - С.75-79; Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть)... - М., 1998. - С.7.

Конституции РФ, закрепившей неограниченное право судебной защиты в качестве конституционного принципа»²¹⁰. На таких же позициях стоит и А.Ларин²¹¹.

Сторонники более осторожного взгляда считают, что в судебном порядке могут быть рассмотрены лишь те жалобы, в которых оспариваются действия и решения следователя и органа дознания, нарушающие конституционные права граждан²¹² или препятствующие дальнейшему движению дела, а также те, которые не были рассмотрены в установленные законом сроки органами ведомственного контроля и прокурорского надзора²¹³. Иной подход, по их мнению, «создает реальную угрозу невыполнения поставленных перед предварительным расследованием задач»²¹⁴, ограничивает процессуальную самостоятельность следователя²¹⁵.

Ст. 127 проекта УПК РФ, принятого в первом чтении, отвергнув принцип «беспробельности», закрепляет предмет судебного контроля путем перечисления подлежащих обжалованию процессуальных актов и действий органов расследования. Лицо вправе обратиться с жалобой в суд в случае отказа в приеме заявления о преступлении или нарушения закона при отказе в возбуждении уголовного дела, приостановления или прекращения уголовного дела, если его жалоба не

²¹⁰ Жилин Г. Защита прав человека в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. - 1998. - №1. - С.5.

²¹¹ См.: Ларин А. Постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела можно обжаловать в суд // Российская юстиция. - 1998. - №9. - С.18.

²¹² Мнение О.В.Изотовой о том, что «в ходе досудебного производства обжалованию непосредственно в суд (в вышестоящий суд)... должны подлежать прежде всего те процессуальные действия, на проведение которых необходимо судебное решение» (см.: Изотова О.В. Проблемы судебного контроля при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел... - С.15), представляется лишеным логики: выдача судом разрешения на совершение следственного действия сама по себе является способом контроля за его законностью и обоснованностью. В судебном обжаловании нуждаются именно те решения следователя, которые принимаются им самостоятельно.

²¹³ См.: Колоколов Н.А. Указ. соч. - С.35; Токарева М.Е. Указ. соч. - С.55.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ См.: Колоколов Н.А. Указ. соч. - С.35.

была удовлетворена прокурором или не разрешена в установленный законом срок. На наш взгляд, этот перечень не охватывает всех ситуаций, вызывающих необходимость в судебной защите. Рассматриваемое положение законопроекта ограничивает круг обжалуемых действий и решений лишь теми, которые преграждают доступ к правосудию. Являющееся шагом вперед по сравнению с действующим Уголовно-процессуальным кодексом, это положение проекта УПК, однако, не согласуется с закрепленными в Конституции РФ принципами.

Вопрос о круге подлежащих судебному контролю актов предварительного расследования не может, на наш взгляд, решаться без учета провозглашенного Конституцией приоритета прав, свобод и достоинства личности. Неоднократно высказываемая по этому поводу правовая позиция Конституционного Суда РФ, заключающаяся в признании за государством обязанности обеспечить каждому возможность отстаивать свои права в споре с любыми органами и должностными лицами, в том числе осуществляющими предварительное расследование по уголовным делам, основана на закрепленном в статье 21 Конституции РФ принципе охраны достоинства личности. В силу положений ст. 46 Конституции РФ суду принадлежит неограниченное право контроля за любыми процессуальными актами досудебного производства, основное назначение которого - обеспечение эффективности осуществления правосудия по уголовным делам. Как

представляется, в рассуждениях о предмете контроля за действиями органов расследования, непосредственно в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования речь может идти **не об ограничении круга подлежащих обжалованию процессуальных актов, а лишь об определении стадии судопроизводства, в которой восстановление нарушенного права является наиболее эффективным.** Как отмечалось во второй главе, рассматривая уголовное дело, суд осуществляет контроль за всеми действиями и решениями органов предварительного расследования, однако «если соответствующие действия и решения органов расследования не только затрагивают собственно уголовно-процессуальные отношения, но и порождают последствия, выходящие за их рамки, существенно ограничивая при этом конституционные права и свободы личности, отложение проверки законности и обоснованности таких действий до стадии судебного разбирательства может причинить ущерб, возмещение которого в дальнейшем окажется неосуществимым»²¹⁶. Контроль за такими действиями и решениями органов предварительного расследования со стороны суда, «имеющий место лишь при рассмотрении уголовного дела, т.е. на следующем этапе судопроизводства, **не является эффективным средством восстановления нарушенных прав** (выделено

²¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.99 по делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 УПК РСФСР // Российская газета. - 1999. - 15 апреля.

нами - В.Л.), поэтому заинтересованным лицам должна быть обеспечена возможность незамедлительного обращения в ходе расследования с жалобой в суд»²¹⁷. Только такой подход к определению предмета судебного контроля в стадии предварительного расследования и является гарантией судебной защиты личности от произвола и беззакония со стороны следователей, органов дознания.

Представляется не только неосуществимым, но и принципиально неверным стремление указать в законе исчерпывающий перечень действий и решений органов расследования, требующих судебного контроля. Любые попытки законодательного закрепления подлежащих судебному обжалованию процессуальных актов предварительного расследования способны обернуться ограничениями права на судебную защиту, что и имеет место в настоящее время. Принципиальное положение Конституции РФ о непосредственном действии прав и свобод человека и гражданина (ст. 18) позволяет утверждать, что только прямой запрет может ограничивать права гражданского лица, а право на судебную защиту, как уже отмечалось, не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах.

Сказанное не означает, что суд должен принимать и рассматривать все без исключения жалобы на действия и решения следователя и лица, производящего

²¹⁷ Там же. См. также: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.98 по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331и 464 УПК РСФСР // Российская газета. - 1998. - 14 июля.

дознание. Принципиальным в этом отношении является высказанное Конституционным Судом РФ следующее положение: при проверке в период производства предварительного расследования тех или иных процессуальных актов суд не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по уголовному делу. Многочисленные решения тактического характера, нарушения отдельных процессуальных правил, непредоставление процессуальных прав участникам тех или иных следственных действий, если они не нарушают конституционных прав и свобод, не требуют немедленного вмешательства суда, однако при рассмотрении уголовного дела могут стать основанием для признания собранных следствием доказательств недопустимыми.

Принятый в первом чтении Госдумой проект УПК восстанавливает отвергнутую законодателем инстанционность обжалования незаконного действия (бездействия) или решений указанием на необходимость предварительного обращения с жалобой к прокурору²¹⁸. Такой порядок, объясняемый иногда стремлени-

²¹⁸ Несогласие с этим положением проекта УПК в науке иногда мотивируется иными соображениями. В частности, по мнению И.Ф.Демидова, такое положение законопроекта вынуждает прокурора оправдываться перед судом за действия, нарушающие права и свободы человека, совершенные следователем, ведет к рассмотрению судом «двойной» жалобы - на действия следователя и на отказ прокурора в удовлетворении поданной на эти действия жалобы (см.: Демидов И.Ф. Роль судебной власти в обеспечении законности уголовного преследования ... - С.169). Опасение И.Ф.Демидова, что это дискредитирует прокурора, не лишено оснований, однако кто сказал, что прокурор не несет ответственности за нарушения законности

ем оградить «суд от непосильной для него по объему и срокам исполнения работы, которую сейчас с большим напряжением выполняет специальный аппарат органов прокуратуры»²¹⁹, на деле затрудняет реализацию права на судебную защиту, способствует волоките, ведет к отсрочке восстановления нарушенного или является ограничением гарантированного Конституцией РФ права. Обращение с жалобой на действия органа, осуществляющего уголовное преследование, к прокурору, выполняющему ту же функцию, зачастую неэффективно и недостаточно. Как верно отметила судья Конституционного Суда РФ Т.Г.Морщакова, «прокурор, отвечающий за законность действий органов расследования и результаты их деятельности, по существу, так же, как и следователь, представляет государственные инстанции, осуществляющие уголовное преследование и обвинение. Поэтому обжалование незаконности действий следователя прокурору фактически означает, что жалобы на действия органов уголовного преследования рассматриваются теми же, кто его осуществляет»²²⁰.

Однако перспектива судебного контроля способна стимулировать активность и прокурорского надзора, наделенного достаточными возможностями для обес-

в ходе предварительного расследования и зачем нужен прокурор, свободный от обязанности обеспечить его законность?

²¹⁹ Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Халиуллин А.Г., Якубович Н.А. Указ. соч. - С.54; Токарева М.Е. Указ. соч. - С.70.

²²⁰ См.: Особое мнение судьи Конституционного Суда Т.Г.Морщаковой // Российская газета. - 1999. - 15апреля.

печения эффективного и законного уголовного преследования. При должной организации прокурорского надзора обращения граждан в суд с жалобами на нарушения в ходе расследования их конституционных прав должны быть исключительным, а не массовым явлением. Кроме того, право на судебную защиту ни в коей мере не исключает для граждан возможность использовать другие способы защиты и восстановления нарушенных прав, в том числе обратиться к прокурору.

Рассматриваемое ограничение проектом Уголовно-процессуального кодекса права гражданина на судебную защиту находится в противоречии с закрепленным им же принципом свободы обжалования процессуальных действий и решений (ст. 24), ставит органы расследования и их должностных лиц в ничем не оправданное особое положение. Органы расследования и дознания отличаются от иных органов государственной власти лишь исключительно широкой возможностью применения к людям разнообразных принудительных мер, в связи с чем вероятность необоснованных ограничений прав граждан при расследовании преступлений возрастает. Вывести действия и решения этих органов и их должностных лиц из-под судебного контроля означает ослабить государственную защиту прав и свобод человека и гражданина.

Наличие принципиальной возможности обжаловать действие или решение следователя является дополнительным фактором, удерживающим его от незаконных действий. Рассмотренные положения проекта нового УПК РФ, в связи с этим являются шагом в обратном направлении.

Среди решений, ущемляющих конституционные права и свободы граждан, можно назвать:

- постановление об отказе в возбуждении уголовного дела²²¹,

²²¹ Отказ в регистрации заявления о преступлении как решение, принятое за рамками уголовно-процессуальных отношений, предлагают обжаловать в порядке гражданского судопроизводства (см. об этом: Изотова О.В. Указ. соч. - С.20), однако представляется, что отказ в регистрации заявления имеет для гражданина значение лишь постольку, поскольку влечет отказ в возбуждении уголовного дела. Поэтому незаконные действия, связанные с отказом в регистрации преступления, могут и должны рассматриваться судом в рамках жалобы на принятие мер по незарегистрированному заявлению, а не в рамках гражданского судопроизводства.

- постановление о прекращении уголовного дела,
- постановление о приостановлении производства по уголовному делу,
- постановление о производстве следственного действия, ущемляющего права граждан, в том числе имущественные: обыска, выемки, получения образцов для сравнительного исследования, наложения ареста на имущество, контроля переговоров,
- постановление об отказе в удовлетворении заявления участником уголовного процесса ходатайства, в том числе о проведении следственного действия, истребовании или принятии представленных участником доказательств, о допуске защитника к участию в проведении следственного действия, о признании потерпевшим. Рассмотрение судом такой жалобы, как представляется, является существенной гарантией равноправия сторон в стадии предварительного расследования, обеспечивает возможность участия каждой из них в собирании доказательств. Ограничение процессуального права на участие в доказывании зачастую требует незамедлительного реагирования, ибо нуллифицирует результаты совершенных при этом познавательных операций, а возможность их повторения будет утрачена или приведет к неоправданному затягиванию процесса разрешения дела.

Группа адвокатов, в состав которой входила автор, обжаловала в суд постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о назначении повторной бухгалтерской экспертизы, необходимость

которой вызывалась серьезными нарушениями уголовно-процессуального закона при проведении первоначальной экспертизы. Суд по изложенным в жалобе мотивам признал отказ следователя в удовлетворении этого ходатайства необоснованным и тем самым фактически констатировал недопустимость ранее полученного доказательства, что противоречит правовой позиции Конституционного Суда РФ, высказанной в Постановлении от 23.03.99г., однако иное решение означало бы лишь отложение удовлетворения обоснованного ходатайства на более поздний срок, что менее эффективно.

Поскольку предметом судебного обжалования в силу ст. 46 Конституции РФ являются не только решения, но и действия или бездействие органов расследования, в суд может быть подана и подлежит рассмотрению жалоба на

- отказ в принятии процессуального решения, например непринятие решения о возбуждении уголовного дела в установленный законом срок, о прекращении уголовного дела при наличии к тому законных оснований, о неприменении меры пресечения, о ходатайстве участника уголовного процесса, в том числе о проведении следственного действия, принятии или истребовании доказательств;

- незаконные, нарушающие права и свободы граждан действия при задержании, например незаконное применение специальных средств²²², на-

²²² Уголовный закон рассматривает сопротивление органам и лицам, осуществляющим охрану порядка, как квалифицирующий признак ряда составов преступлений, например хулиганства. Установление судом факта незаконности задержания и применения спецсредств должно влечь исключение из обвинения квалифицирующего признака. Незаконность этих действий может быть установлена и при рассмотрении уголовного дела, однако в практике встречаются попытки отказать в исследовании этого обстоятельства в суде ввиду того, что заинтересованное лицо не использовало для этого предоставленное ему частью 2 ст. 46 Конституции РФ пра-

рушение прав лица при совершении процессуальных, в том числе и следственных действий (например насилие, оскорбление, унижение чести и достоинства при следственном эксперименте, производстве экспертизы, изъятие предметов, не имеющих отношения к расследуемому делу и не запрещенных к обращению в ходе обыска или осмотра, и т.д.). Предметом обжалования может быть также и само задержание по подозрению в совершении преступления, если судом отклонено ходатайство о применении к задержанному заключения под стражу в качестве меры пресечения или лицо освобождено органом расследования по истечении срока задержания²²³.

В практике может возникнуть необходимость обжалования мотивировочной части решения следователя, лица, производящего дознание, если в нем фиксируются юридически значимые факты, а действиям лица дается правовая оценка. В частности, в постановлении об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела указываются не только обстоятельства, исключающие производство по делу, но и наличие в действиях лица состава административного, дисциплинарного или иного правонарушения, влекущего определенные правовые последствия как для пострадавшего, так и для субъекта, в отношении которого оно вынесено. В качестве иллюстрации рассмотрим конкретный пример.

В постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела по п. 2 ст. 5 УПК РСФСР (отсутствие состава преступления) инспектор ГИБДД г. Дмитровграда Ульяновской области констатировал, что гражданин А.И.Петров совершил дорожно-транспортное происшествие, в результате которого причинен легкий вред здоровью гражданки Ивановой. На основании этого постановления указанная гражданка обратилась в Дмитровградский суд с иском к А.И.Петрову о возмещении причиненного здоровью вреда и компенсации морального ущерба. Между тем Петров участие в дорожно-транспортном происшествии категорически отрицал. Его алиби, подтверждалось свидетель-

во. Подобная практика свидетельствует о стремлении переложить обязанность доказывания на подсудимого, что недопустимо, однако заметим, что использование заинтересованным лицом права на обращение с жалобой в суд способно защитить его права более эффективно, ибо может привести к прекращению уголовного преследования на ранних этапах предварительного расследования.

²²³ Обжалование задержания в течение его срока в настоящее время, теоретически возможное в силу прямого действия норм международного права, неосуществимо практически, поскольку установленные ст. 220-1, 220-2 УПК РСФСР сроки превышают предельный срок задержания (см. об этом: Галузо В.Н. Судебный контроль за законностью и обоснованностью содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых на стадии предварительного расследования... - С.15).

скими показаниями и документами, из которых следовало, что в указанный пострадавшей день он за пределы Самары не выезжал.

По жалобам А.И.Петрова и его адвоката прокуратура Дмитровграда трижды отменяла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, однако после дополнительных проверок решение принималось с той же формулировкой. Еще раз это постановление было отменено уже Самарским районным судом города Самары.

Представляется, что в подобных случаях гражданин, в отношении которого принято решение, ущемляющее его интересы, имеет право не только обжаловать мотивы отказа в возбуждении уголовного дела, но и требовать расследования независимо от того, содержат ли спорные действия состав преступления, и настаивать на оправдании его судом либо на прекращении дела по иным основаниям, в рассмотренном случае по п. 1 ст. 5 УПК РСФСР (отсутствие события преступления). Поэтому прав был А.Ларин, утверждая, что отмена судом постановления об отказе в возбуждении уголовного дела есть одновременное его возбуждение, но не против определенного лица, а по факту преступления²²⁴.

Очевидно, не может быть отказано заинтересованному лицу и в праве обжаловать прекращение уголовного дела в связи с актом об амнистии. Опыт показывает, что по делу, заведомо подлежащему прекращению, как правило не исследуются существенные иногда для потерпевшего обстоятельства, в частности, связанные с наличием оснований и размером причиненного ему преступлением ущерба. Прекращение де-

²²⁴ См.: Ларин А.М. Указ. соч. - С.18.

ла при отсутствии в его материалах достоверного подтверждения указанных обстоятельств может быть признано судом преждевременным, поскольку затрудняет эффективное возмещение вреда впоследствии.

Острую дискуссию вызвал возникший в практике вопрос о возможности обжалования в суд постановления о возбуждении уголовного дела. Лицо, необоснованно возбудившее уголовное дело, имеет формальные юридические основания для проведения следственных действий в течение всего срока расследования. Более того, возбуждение уголовного дела при отсутствии достаточных оснований нередко используется именно как средство для обнаружения процессуальными способами доказательств совершения лицом любого другого преступления. Признание факта незаконности возбуждения уголовного дела защищает право гражданина более эффективно, чем прекращение дела по любому из предусмотренных действующим законом оснований. Решение суда о незаконности постановления о возбуждении уголовного дела влечет и недействительность полученных в ходе такого расследования результатов. Представляется, что ст. 46 Конституции РФ дает право на обжалование и таких решений органов расследования. Однако Конституционный Суд РФ в постановлении от 23 марта 1999 года по делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 УПК РСФСР в связи с жалобами гражданина В.К.Борисова и других указал, что само по себе возбуждение уголовного дела не отразилось на ограничении прав заявителя, а нарушающие его права иные процессуальные действия, в частности арест и обыск, могут быть обжалованы в судебном порядке как таковые. Свое несогласие с этой позицией в особом мнении выразили трое судей Конституционного Суда, причем по основаниям диаметрально противоположным.

Отмечая, что возбуждение уголовного дела легализует всю дальнейшую процессуальную деятельность, так как «является процессуально-правовым основанием расследования, позволяющим совершать все последующие следственные действия и применять процессуальные меры, в том числе принудительного характера, ... служит законным поводом для применения различ-

ных процессуальных мер, серьезно ограничивающих конституционные права граждан»²²⁵, судья Конституционного Суда РФ Т.Г.Морщакова делает обоснованный, на наш взгляд, вывод о том, что незаконность возбуждения уголовного дела является безусловным основанием к отмене состоявшегося по делу приговора. Однако смысл признания незаконности этого акта заключается

в предотвращении его пагубных для граждан последствий, исключении самой возможности применения иных процессуальных мер ограничительного характера. Констатация незаконности возбуждения уголовного дела в судебном приговоре не позволяет решить эту задачу, т.к. является запоздалой.

Отказ в судебном обжаловании акта о возбуждении уголовного дела в связи с этим правомерно рассматривать как равнозначный отказу в судебной защите. Как отметил в особом мнении судья Конституционного Суда А.Л.Кононов, реальным препятствием к восстановлению нарушенных прав заявителя стали именно те нормы УПК РСФСР, конституционность которых оспаривалась, поскольку Октябрьский районный суд г. Самары дважды подтвердил в своих решениях незаконность возбуждения уголовного дела и обязал прокуратуру прекратить его дело против В.К.Борисова. По протестам прокурора вышестоящий

²²⁵ Российская газета. – 1999. - 15 апреля.

суд отменил оба судебных решения со ссылкой на невозможность обжалования в суд постановления о возбуждении уголовного дела. Между тем возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица само по себе затрагивает основные права человека и гражданина - достоинство, честь, репутацию, доброе имя, ставит его в положение подозреваемого, делает реальной угрозой дальнейшего ограничения его прав, в связи с чем, по мнению А.Л.Кононова, невозможность обжалования в суде постановления о возбуждении уголовного дела, не соответствует частям 1 и 2 ст. 46 Конституции РФ²²⁶. Интересно отметить, что 17 мая 1999 года, т.е. уже после принятия Конституционным Судом РФ рассматриваемого постановления, судья Московского городского суда Н.Маркина, рассмотрев жалобу Ю.Скуратова, признала постановление о возбуждении в отношении него уголовного дела незаконным и необоснованным.

Принципиально иной взгляд высказал по рассматриваемому вопросу судья Конституционного Суда Н.В.Витрук, полагающий, что право на обжалование действий следователя может быть реализовано путем обращения к прокурору, а возможность незамедлительного обжалования в суд более широкого круга действий и решений следователя и прокурора, чем это предусмотрено УПК РСФСР, приведет суд к неизбежному вторжению в ход предварительного расследования, в процесс установления фактических обстоятельств дела и лица, совершившего преступление, и ограничению само-

²²⁶ См.: Российская газета. - 1999. - 15 апреля.

кращения уголовного дела, как незаконность и необоснованность его возбуждения.

Полагаем возможным и обжалование в суд меры пресечения, не связанной с лишением свободы, в частности подписки о невыезде. Закон не предусматривает срока, в течение которого следователь может ограничивать свободу передвижения лица, следовательно, при продлении срока расследования уголовного дела действие подписки о невыезде автоматически продляется. Поскольку предельный срок расследования законом не установлен, названная мера пресечения может действовать практически неограниченное время. Ограниченные подпиской о невыезде конституционные права лица на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства как на территории Российской Федерации, так и за её пределами (ст. 27 Конституции РФ) тоже могут нуждаться в судебной защите.

Интересно в этом отношении уголовное дело, по которому автор обжаловал применение подписки о невыезде к обвиняемой Р-вой. Жалоба была подана в связи с тем, что какие-либо предусмотренные законом основания для применения к Р-вой меры пресечения отсутствовали. Обвиняемая имела в Самаре постоянное место жительства, семью, несовершеннолетнего ребенка и родила второго ребенка уже в период расследования. Она имела в собственности недвижимость и заочно получала высшее (второе) юридическое образование. Указанные данные о её личности не давали оснований полагать, что Р-ва скроется от следствия, а в целях недопущения дальнейшей её преступной деятельности, препятствования установлению истины с учетом вмененного Р-вой преступления (уклонение от уплаты налогов с организаций) и продолжения трудовой деятельности в должности главного бухгалтера избранная мера пресечения явно неэффективна. Ко времени рассмотрения судом жалобы (а с момента применения меры пресечения прошло полтора года) Р-ва подлежала освобождению от ответственности в связи с Постановлением Государственной Думы ФС РФ от 24 декабря 1997 г. «Об объявлении амнистии». Отказ суда в удовлетворении жалобы не был мотивирован, однако судебная коллегия Самарского областного суда, отклонив кассационную жалобу адвоката, сослалась на неподведомственность данного спора суду. Заметим, что к моменту рассмотрения дела в суде второй инстанции Государственной Думой было принято еще одно постановление «Об объявлении амнистии» (от 18 июня 1999 г.), и Р-ва, имеющая несовершеннолетних детей, вновь подлежала освобождению от ответственности. Очевидно осознав нелепость сложившейся ситуации, следователь области через два месяца отменил Р-вой меру пресечения.

Одним из условий подлинного расцвета института судебной защиты прав и свобод личности является равное для всех право на обращение в суд.

В условиях уголовного судопроизводства это должно означать, что право на судебное обжалование действий и решений следователя, лица, производящего дознание, прокурора принадлежит любому гражданину, независимо от занимаемого им процессуального положения. Несмотря на то, что в судебной защите в первую очередь нуждаются лица, понесшие вред в результате преступлений, а также те, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, нельзя не учитывать, что огромное количество российских граждан лишь косвенно соприкасается с расследованием преступлений, участвуя в этом процессе в качестве свидетелей. Действующее уголовно-процессуальное законодательство, как известно, предоставляет право на обжалование прокурору действий и решений следователя, лица, производящего дознание, лишь так называемым субъектам доказывания - подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу и гражданскому ответчику (ст. 46, 52, 53, 54, 55 УПК РСФСР). Это означает, что свидетель не имеет права обжаловать решения следователя, ущемляющие его права. Между тем в сферу судопроизводства вовлекаются граждане, зачастую не имеющие никакого процессуального статуса. Реализация права на обращение их в суд за защитой нарушенных в ходе следствия прав, хотя и вытекает из ст. 46 Конституции РФ²²⁹, сопряжена с большими трудностями. В статье 120 проекта УПК РФ, принятого Госдумой, предоставляющей право обжалования действий и решений дознавателя, органа дознания, следователя, прокурора, суда или судьи участникам процесса, а также гражданам, предприятиям, учреждениям, организациям, если проводимые процессуальные действия затрагивают их интересы, этот вопрос решен, на наш взгляд, правильно.

В связи со сказанным неправомерна постановка вопроса о круге лиц, имеющих право на обращение в суд за защитой нарушенного при производстве по уголовному делу права. Утверждение о невозможности установления круга заинтересованных лиц до момента окончания предварительного расследования и

²²⁹ В.А.Михайлов справедливо обратил внимание на то, что разъяснение Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 1993 года №3 «О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей» о том, что в ст. 220-1 УПК РСФСР дан исчерпывающий перечень лиц, наделенных правом принесения жалоб на применение органами дознания, следователем, прокурором заключения под стражу в качестве меры пресечения, противоречит ст. 46 Конституции РФ (см.: Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе... - С.242).

передачи уголовного дела в суд²³⁰ не может быть признано справедливым. При такой постановке вопроса лицо, считающее свои права нарушенными, не имеет возможности обратиться в суд с жалобой на их нарушение до тех пор пока орган расследования или кто-то иной не определит его процессуальный статус, что фактически перечеркивает демократический институт судебного обжалования, ставя его в зависимость от произвола чиновника. Не решает проблемы и указание на возможность для лиц, не ставших участниками уголовного судопроизводства, обращаться с жалобами в суд в порядке Закона РФ от 27 апреля 1993 года «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан»²³¹, ибо вопрос о том, когда это лицо получает право обратиться в суд: либо когда, по его мнению, произошло нарушение его права, либо после окончания предварительного расследования и судебного разбирательства - остается открытым. Дифференциация процедуры судебного обжалования в зависимости от наличия у лица какого-либо процессуального статуса, на наш взгляд, искусственна.

Представляется, что гражданин вправе подать жалобу на действия следователя или прокурора как лично, так и через своего представителя (защитника, адвоката). Однако в связи с тем, что в уголовном процессе право на помощь адвоката обеспечивается не всем его участникам, реализация статьи 48 Конституции РФ нередко затруднена²³². По-прежнему широко распространено нарушение прав лица, в отношении которого ведется расследование и которому лишь на завершающем этапе его предъявляется обвинение. Подозреваемые же могут воспользоваться помощью адвоката лишь в случае задержания или заключения под стражу и лишены такого права в случаях применения к ним подписки о невыезде. Фактически подозреваемые в совершении преступления лица ставятся в совершенно бес-

²³⁰ См.: Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Н.В. Витрука // Российская газета. - 1999. - 15 апреля.

²³¹ См.: Российская газета. - 1999. - 15 апреля.

²³² В литературе в связи с этим стали встречаться предложения о наделении свидетеля правом на помощь адвоката, в том числе и его участие в допросе свидетеля (см.: Кадышева Т., Ширинский С. Свидетель тоже нуждается в помощи адвоката // Российская юстиция. - 1997. - №7. - С.42-43).

правное положение²³³. Но и оставаясь на свободе, они испытывают психологический дискомфорт и потребность в помощи адвоката, в том числе и для осуществления своего права на обращение за судебной защитой.

Постепенно расширяющееся право на защиту и приближение момента допуска защитника к началу производства по уголовному делу, воспринимавшееся первоначально как важное достижение, сегодня является само собой разумеющимся, а отсутствие возможности пригласить защитника до задержания, ареста или предъявления обвинения выглядит нарушением конституционных прав. Тем более нарушением права на защиту является допрос и иные следственные действия, совершаемые с участием подозреваемого, но в отсутствие защитника. Следует признать нарушением права на защиту отказ от защитника в условиях, исключающих возможность его реального участия в следственном действии. Такой отказ от защитника в условиях следует расценивать как вынужденный в связи с отсутствием у лица реальной возможности лично или с помощью своих близких осуществить свое право на приглашение защитника. Дозируемый прежде, процесс демократизации уголовного судопроизводства вышел из-под контроля и зажил присущими ему естественными закономерностями, в связи с чем постановка вопроса о необходимости допуска защитника в уголовный процесс уже в момент возбуждения уголовного дела и об обеспечении права на участие адвоката любого участника уголовного процесса представляется актуальной.

В частности, требует дополнительных гарантий право на судебную защиту потерпевшего. Действующий закон не допускает присутствия представителя потерпевшего в следственных действиях, проводимых с его участием, в том числе в допросе, очной ставке, предъявлении для опознания, освидетельствовании, проведении экспертизы, хотя для обеспечения прав потерпевшего это желательно. Участие представителя в следственных действиях способно сыграть роль фактора, не только уменьшающего степень их травмирующего воздействия на потерпевшего, но и удерживающего следователя от необоснованных ограничений его прав. Таким образом, расширив защиту прав потерпевшего на предварительном расследовании, можно избежать его обращения с жалобами в суд.

²³³ Мало того, что такое лицо лишено права иметь защитника в течение всего времени производства расследования, оно подвергается допросу в качестве свидетеля. Предупреждая его об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, следователь одновременно разъясняет ему право не свидетельствовать против самого себя, что искажает смысл свидетельского иммунитета, ибо обвиняемый (подозреваемый) вообще не обязан давать показания.

В гражданском судопроизводстве стороны имеют более широкие возможности по использованию помощи со стороны представителя. В связи с тем, что ГПК РСФСР предоставляет лицу право вести в суде дело как лично, так и через своего представителя, передача представителю полномочий представляемого возможна как до, так и в любое время после обращения в суд. В уголовном же процессе право на представительство связано с определенными решениями следователя, лица, производящего дознание, такими как задержание подозреваемого, заключение под стражу, предъявление обвинения, выполняющими роль процессуальных оснований для предоставления подозреваемому, обвиняемому права на получение юридической помощи (представительства) со стороны адвоката. Право потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика на представительство их интересов адвокатом или иным лицом также возникает лишь с момента принятия решения о признании лица потерпевшим, гражданским истцом и привлечении в качестве гражданского ответчика. Момент принятия этих решений в значительной степени зависит от субъективного желания следователя, ничем объективно не обусловленного. Очевидно, что свобода обжалования этими участниками уголовного процесса каких-либо действий следователя через своего защитника или представителя, т.е. юридически грамотно, а значит обоснованно, существенно ограничена. Участники же уголовного процесса, имеющие иной статус, в частности свидетели, таким правом как бы и вовсе не наделяются, ибо представителей не имеют. Конечно, непосредственно из ст. 48 Конституции РФ вытекает, что право на квалифицированную юридическую помощь имеет каждый, однако существующая доктрина, согласно которой при производстве по уголовному делу разрешено только то, что непосредственно указано в УПК (в отличие от сферы гражданских правоотношений, где господствует принцип разрешено все, что не запрещено) позволяет органам расследования не допускать адвокатов, приглашенных гражданами, к участию в следственных действиях наряду с доверителями.

Отсутствует правовая база для использования гражданином конституционного права на квалифицированную юридическую помощь и в стадии возбуждения уголовного дела. Более 6 часов длилась «беседа» с гражданкой Б., подвергшейся вымогательству со стороны сотрудников милиции. Явившийся с ней к дознавателю адвокат не был допущен к участию в беседе, в результате объяснения потерпевшей оказались путанными и неконкретными, в связи с чем уголовное дело не было возбуждено. Этот случай далеко не единичен.

Право на подписание и подачу в суд жалобы, на наш взгляд, должно принадлежать не только лицу, чьи права нарушены, но и его представителю или законному представителю, что согласуется с указанием ст. 220-1 на возможность обжалования ареста не только обвиняемым, подозреваемым, но и их защитниками и законными представителями и обеспечивается ст. 48 Конституции РФ.

Процедура пересмотра неправосудных решений должна гарантировать приоритет прав и свобод человека и гражданина²³⁴. Поэтому процесс подачи участником уголовного процесса жалобы на действия или решения органа расследования должен быть нормативно урегулирован в минимальных пределах. Жалоба должна содержать лишь указание на конкретное нарушение охраняемого законом блага, дату её составления, заявителя и орган, которому она адресована. Обязательным требованием является наличие подписи заявителя. Какие-либо иные требования к жалобе, затрудняющие реализацию права на судебную защиту, следует считать излишними. Не следует без необходимости ограничивать срок подачи жалобы на незаконные действия или решения, отказ в принятии жалобы лишь в связи с истечением какого-либо срока следует рассматривать как отказ в правосудии²³⁵. Поданная

в пределах срока расследования, жалоба должна быть принята и рассмотрена судом. Следует, однако, учесть, что в ряде случаев промедление с подачей жалобы может привести к утрате возможности восстановления нарушенного права, поэтому органам рас-

²³⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ в от 02.02.96 г. по делу о проверке конституционности пункта пятого части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта четвертого части второй статьи 384 УПК РСФСР // Российская газета. - 1996 - 15 февраля.

²³⁵ В связи с этим неприемлемы предложения об установлении предельного срока обращения в суд с жалобой на нарушение прав в процессе предварительного расследования в течение 7-10 дней или одного месяца с момента уведомления лица о принятии нарушающего его права решения (см. соответственно: Цоколова О.И. Указ. соч. - С.16; Изотова О.В. Указ. соч. - С.20).

следования должно быть вменено в обязанность разьяснения права на обжалование их действий и решений в каждом конкретном случае. Предложение о вынесении судом постановления о принятии жалобы и возбуждении по ней отдельного судебного производства²³⁶ представляется ненужной бюрократизацией процесса судебной защиты. Задачи судебной защиты требуют создания достаточно простой и вместе с тем эффективной судебной процедуры, обеспечивающей человеку доступ к правосудию. Подача жалобы должна автоматически влечь назначение судебного заседания. Указание же на вынесение постановления о принятии жалобы к производству порождает мысль о возможности принятия судом и иного решения - об отказе в принятии жалобы, что недопустимо.

Срок рассмотрения судом жалобы должен быть максимально приближен к моменту её подачи, поэтому представляется возможным использовать в этой части положения ст. 220-2 УПК РСФСР о рассмотрении жалобы в течение 3 дней, однако не с момента поступления материалов в суд, как указано в этой статье, а с момента поступления в суд жалобы. Повсеместное нарушение сроков рассмотрения жалоб на аресты²³⁷ не означает необходимости увеличения этого срока, а требует принятия иных, в значительной мере организационных мер по ускорению процедуры рассмотрения жалобы гражданина. Принципиальными в этом вопросе представляются следующие соображения. До начала проверки судом жалобы требуется лишь своевременно известить орган, осуществляющий расследование, о поступлении жалобы и о дате судебного заседания по её рассмотрению, что технически легко осуществимо в кратчайшие сроки. Поскольку обязанность доказывания законности и обоснованности обжалованных действий и решений лежит на органе расследования, неявка его представителя в судебное заседание и непредставление им материалов в подтверждение законности и обоснованности обжалуемого действия должны рассматриваться как отсутствие соответствующих доводов и влечь рассмотрение жалобы и принятие по ней решения на основании доводов заявителя аналогично правилу, содержащемуся в ч. 7 ст. 220-2 УПК

²³⁶ См.: Галузо В.Н. Указ. соч. - С.19.

²³⁷ Исследователи отмечают, что основная масса жалоб рассматривается лишь на 8-10 день (см.: Галузо В.Н. Указ. соч. - С.20).

муся в ч. 7 ст. 220-2 УПК РСФСР²³⁸. Под непредставлением материалов органами расследования следует понимать непредставление их в срок. В дополнение к этому можно предусмотреть правило, согласно которому нерассмотрение судом жалобы гражданина в указанный срок приравнивается к её удовлетворению. Принятие такого предложения исключит возможность нарушения сроков как представления материалов органов расследования, так и рассмотрения жалоб судом.

В литературе возник вопрос о возможности подачи повторной жалобы на незаконное и необоснованное решение органа расследования, в частности об избрании меры пресечения. Одни авторы полагают возможным повторное обжалование постановления следователя²³⁹, другие с этим категорически не соглашаются. Если «по жалобе субъекта, принесшего её первым, уже состоялась судебная проверка, - пишет Н.В.Галузо, - то жалоба второго субъекта должна остаться без рассмотрения»²⁴⁰.

Решение этого вопроса, на наш взгляд, должно опираться на общий принцип недопустимости повторного рассмотрения спора²⁴¹ между теми же сторонами по тому же основанию. Нельзя исключить ситуацию, когда какие-либо существенные обстоятельства, подтверждающие обоснованность жалобы, останутся незамеченными при рассмотрении ее судом, но будут обнаружены впоследствии вступившим в дело адвокатом. Оставление обоснованной жалобы без рассмотрения лишь по формальному основанию противоречит принципу всеобщности судебной защиты. Поэтому если жалоба на незаконность и необоснованность решения органа следствия или дознания подана по новым основаниям, не составлявшим предмет рассмотрения первичного обжалования, она подлежит рассмотрению.

Преимущества судебного порядка рассмотрения жалоб граждан, обеспечивающего сторонам равные возможности, по сравнению с административным, неоспоримы. Независимость подчиняющегося только закону суда обеспечивает его беспристрастность при рассмотрении жалобы. Закрепленное

²³⁸ Представляется обоснованным предложение об установлении срока для представления в суд материалов, подтверждающих законность и обоснованность обжалуемого решения органа расследования, в 24 часа, по истечении которых суд вправе приступить к рассмотрению жалобы, даже если прокурор не представил соответствующих материалов (см.: Бозров В.М. Современные проблемы российского правосудия... - С.75).

²³⁹ См.: Бозров В.М. Указ. соч. - С.76-77.

²⁴⁰ Галузо Н.В. Указ. соч. - С.16.

²⁴¹ Отнесение жалобы в уголовном процессе к разновидности правового спора нами обосновано в первой главе.

Конституцией РФ право на судебную защиту является важнейшей гарантией прав и свобод каждого гражданина. Выполнение государством, провозгласившим человека высшей ценностью, принятой на себя обязанности признавать, соблюдать и защищать его права и свободы предполагает заботу о реальном осуществлении конституционных принципов и создании необходимых гарантий справедливого рассмотрения жалоб участников уголовного процесса и эффективного восстановления нарушенных прав и свобод.

§3. Рассмотрение судом вопросов, связанных с ограничением прав и свобод граждан в стадии предварительного расследования

Необходимость приблизить Россию к мировым стандартам в области обеспечения прав человека требует таких процедур конституционно оправданных ограничений прав и свобод личности в ходе расследования преступлений, которые исключали бы ошибки, произвол и злоупотребления обвинительной власти. Лучшей гарантией права личности на свободу в мировой практике признается порядок, при котором любое лишение человека свободы производится только судом. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, провозглашая право на свободу (ст. 5), предусматривает ряд особых условий, при которых человек может быть этого права лишен, а также гарантии прав человека при лишении его свободы. Законным признается арест или задержание лица, произведенное в целях передачи его судебному органу по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что задержание необходимо для предотвращения совершения им правонарушения или с целью помешать ему скрыться после его соверше-

ния²⁴². При этом устанавливается, что каждое арестованное или задержанное в соответствии с указанными основаниями лицо незамедлительно доставляется к судье или другому должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда (ч. 3 ст. 5). Судебная процедура ареста принята в странах как с континентальным (Германия, Франция, Италия, Япония, Канада), так и англо-саксонским типом уголовного процесса (Англия и США).

Необходимость особой процедуры, гарантирующей от необоснованных решений следственных органов, обусловлена высокой ценностью свободы личности. Неприкосновенность личности возникает как гарантия от незаконных арестов» и произвола²⁴³. Не случайно

²⁴² Отметим в связи с этим, что названное статьей 89 УПК РСФСР среди оснований для применения меры пресечения предположение о возможности воспрепятствования обвиняемым установлению истины противоречит вышеприведенной норме международного права, в которой аналогичное основание лишения человека свободы при производстве по уголовному делу отсутствует. Арест лица до вынесения приговора, с точки зрения международного права, - исключительное явление, необходимое для пресечения преступления и обеспечения явки обвиняемого в суд.

Лишение человека свободы в целях облегчения органам уголовного преследования выполнения действий по расследованию преступления и установлению истины не относится к числу социально оправданных правоограничений. УПК РСФСР позволяет использовать это основание для заключения лица под стражу при отсутствии других оснований, что может служить легальным оправданием фактически необоснованного лишения человека свободы. Определение «воспрепятствование установлению истины» слишком широко и неопределенно, что способствует его произвольному истолкованию. С точки зрения отечественной практики, отказ обвиняемого от дачи показаний, оспаривание вины, т.е. разрешенные законом способы поведения в целях реализации конституционного права на защиту, есть воспрепятствование установлению истины. Не способствует - значит препятствует. Поэтому представляется необходимым исключение воспрепятствования установлению истины из числа оснований для лишения человека свободы.

²⁴³ Корнуков В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. - Саратов, 1987. - С.155.

Конституция РФ, признав право человека на свободу и личную неприкосновенность, предусмотрела судебную процедуру ареста, заключения под стражу и содержания под стражей, а также ограничения тайны переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений, проникновения в жилище против воли проживающих в нем лиц (ст. 22, 23, 25), чем подтвердила приверженность России идеалам правового государства.

Сохраняющаяся в настоящее время процедура последующей судебной проверки законности и обоснованности арестов, предусмотренная ст. 220-1 и 220-2 УПК РСФСР, оценивается учеными и практиками как достаточно эффективное средство судебной защиты права личности на свободу²⁴⁴. В связи с этим в науке высказывались критические суждения по поводу целесообразности передачи суду функции предварительного «санкционирования» арестов и отстаивалось сохранение последующей проверки законности ареста и в дальнейшем.

Оценивая законодательное введение права на обжалование ареста в суд как бесспорное достижение демократии, сыгравшее важную роль в формировании взгляда на судебную власть как механизм защиты права на свободу, нельзя не отметить, что такая форма защиты может быть признанной соответствующей нормам международного права лишь при наличии в обществе

²⁴⁴ Исследователи отмечают, что судом освобождается из-под стражи около 20% обвиняемых (см.: Лебедев А.М. Указ. соч. - С.21). Эти данные соответствуют приведенным в Постановлении от 29 сентября 1994 года №6 Пленума Верховного Суда РФ «О выполнении судами РФ Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 1993 г. №3 «О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей»: количество удовлетворенных жалоб составляет, по официальным данным, 19,4%. В Самарской области, по выборочным данным, процент удовлетворенных жалоб ниже и составляет чуть более 14%.

развитых демократических традиций, сформировавшегося общественного мнения о ценности человеческой личности и её свободы. При должной организации возможность обращения гражданина в случае его ареста в суд является достаточной гарантией права на быстрое решение судом вопроса о законности ареста. Однако в российских условиях, где приоритет прав личности существует только на бумаге, где не уважаются права не только обычного человека, но и отсутствует уважение к человеческому достоинству и самой человеческой жизни вообще²⁴⁵, требуется более защищающая право на свободу процедура.

Существующий порядок судебной проверки законности и обоснованности ареста не является достаточной гарантией права на свободу по ряду причин.

Рассмотрение судом дела о законности ареста после того, как он произведен, ставит человека в неравные с органом расследования условия. Эта процедура заставляет человека защищаться, доказывать отсутствие оснований для лишения его свободы, а следовательно, в какой-то мере доказывать свою невиновность, что противоречит распределению бремени доказывания в уголовном процессе. Ставя человека в невыгодное положение «оправдывающегося», эта процедура не является эффективным средством восстановления права. Даже в случае признания ареста незаконным проведенные в изоляции дни, униженное этим достоинство личности - потеря невозможная.

Практика наших следственных органов свидетельствует о существовании большого числа самых различных причин, ведущих к незаконным и необоснованным арестам. Арест повсеместно используется как средство психологического давления на обвиняемого в целях получения от него соответствующих показа-

²⁴⁵ Сказанное, на наш взгляд, не нуждается в доказательствах: расстрел царской семьи, неуважительная форма попытки объявить импичмент Президенту России, история с Генеральным прокурором РФ более чем красноречивы.

ний²⁴⁶. Судебная процедура рассмотрения жалоб на законность и обоснованность арестов зачастую неэффективна, формальна, производится не в помещении суда, а в следственном изоляторе. Разделение судьи и обвиняемого решеткой как бы подчеркивает заведомую ясность того обстоятельства, что большинство обвиняемых в СИЗО и останется, а следовательно, возить их в суд нецелесообразно.

Нельзя не учесть того, что реализовать право на защиту в условиях изоляции значительно сложнее. Арестованный не имеет возможности лично выбрать себе защитника и в лучшем случае вынужден довольствоваться услугами адвоката, предоставленного органами расследования по его ходатайству, что далеко не всегда способствует эффективной защите его интересов. Взаимоотношения обвиняемого и адвоката требуют доверия, которое в описанной ситуации возникает далеко не всегда и отсутствие которого может привести к неблагоприятным последствиям²⁴⁷.

В существующих обстоятельствах гарантией от необоснованного лишения свободы, от злоупотребления органами уголовного преследования властными

²⁴⁶ Органом расследования было вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого и заключении под стражу гр-на Т., находившегося незадолго до убийства в месте его совершения. Не желая попасть под горячую руку и подвергаться принуждению к признанию вины в нераскрытом преступлении, Т. более года скрывался от следствия и объявился лишь тогда, когда страсти вокруг преступления улеглись. Несмотря на установленную к этому времени непричастность Т. к убийству, он все же был подвергнут задержанию, а находясь под стражей, понуждался следователем к признанию вины.

²⁴⁷ Дежурный адвокат одной из самарских юридических консультаций, приглашенный следователем для участия в допросе подозреваемого, начал свое общение с ним с разговора об оплате его услуг, чем спровоцировал неприязнь со стороны подзащитного и формирование у него убеждения в том, что адвокат со следователем и судом «заодно». Отсутствие доверия между адвокатом и обвиняемым отразилось как на качестве защиты, так и на поведении обвиняемого в судебном заседании, что привело к постановлению приговора о наказании в виде лишения свободы при отсутствии оснований для столь сурового решения, а впоследствии к предъявлению осужденным иска к юридической консультации о компенсации причиненного некавалифицированной защитой вреда.

полномочиями может служить только предварительное получение органами расследования постановления суда, разрешающего лишение человека свободы.

Преимущества предварительного контроля за законностью и обоснованностью ареста заключаются в следующем.

1. Необходимость получить судебное решение прежде, чем произвести арест, заставит органы расследования отнестись к этому вопросу более внимательно. Зная, что строгий судья, лишенный какой-либо заинтересованности в аресте, к доводам в пользу необходимости лишения человека свободы отнесется придирчиво, выслушает при этом не только следователя, но и самого подозреваемого (обвиняемого) и его защитника, осуществляющий уголовное преследование орган не станет ходатайствовать об аресте при отсутствии достаточно убедительных оснований. Сегодня же «обвинительная власть слишком легко распоряжается такими ценностями»²⁴⁸, как свобода и личная неприкосновенность.

2. Возможность судебной проверки законности получения доказательств, на которых основана просьба следователя об аресте обвиняемого, сыграет роль дополнительного фактора, стимулирующего соблюдение требований уголовно-процессуального закона. Давая разрешение на арест, как представляется, суд должен исследовать не только вопрос о наличии формальных оснований для применения меры пресечения, но и об обоснованности подозрения или обвинения. Отсутствие оснований для обвинения или подозрения исключает и возможность применения правоограничительных мер. Знание, что суд откажет в выдаче разрешения на заключение под стражу лица, обвинение которого основывается на заведомо незаконно полученных данных, например при нарушении закона в ходе задержания, обыска, делает орган расследования заинтересованным в соблюдении требований уголовно-процессуального закона и прав граждан в процессе собирания изобличающих обвиняемого доказательств.

3. Дополнительным аргументом в пользу предварительного контроля могут служить и психологические факторы. Принятие решения - более сложный с психологической точки зрения акт поведения, чем контроль за его правильностью, поскольку связан с большей ответственностью за него. Решение о лишении человека свободы относится к числу исключительно значимых, побуждающих суд всесторонне и объек-

²⁴⁸ Лебедев В.М. Указ. соч. - С.22.

тивно взвесить все “pro” и “contra”. Гарантией объективности решения служит независимость и незаинтересованность суда, отсутствующая у органа расследования. Зависимость следователя от его обвинительной функции, напротив, способствует принятию необоснованных, необъективных решений.

В силу изложенного столь длительное после принятия новой Конституции РФ сохранение последующего судебного контроля за законностью и обоснованностью ареста неоправданно. В то же время в литературе высказываются различные взгляды на перспективы судебного контроля за ограничением свободы в стадии предварительного расследования.

Так, О.И.Цоколова предлагает следующий порядок применения ареста в качестве меры пресечения. Следователь выносит постановление о заключении лица под стражу и исполняет его немедленно, после чего в течение суток уведомляет суд о применении меры пресечения. Получив уведомление, судья, по мысли автора, в течение 3 суток назначает судебное заседание по рассмотрению представленных материалов²⁴⁹. Изложенная процедура положительно отличается от существующей сегодня лишь тем, что каждый произведенный следователем арест становится предметом контроля со стороны суда, но в иных отношениях она содержит меньший объем процессуальных гарантий от необоснованного ареста, поскольку не требует санкции прокурора и увеличивает срок несанкционированного содержания под стражей.

Судебная защита в виде предварительного контроля должна распространяться на все следственные действия, содержанием которых являются ограничения конституционных прав и свобод, гарантированных статьями 22, 23, 25 Конституции РФ. Различный процессуальный характер этих действий позволяет разделить их на две самостоятельные группы.

²⁴⁹ См.: Цоколова О.И. Применение органами предварительного следствия и дознания мер процессуального принуждения под судебным контролем... - С.21-22.

Первая группа включает в себя те действия, содержание которых состоит в лишении человека свободы на срок свыше 48 часов: заключение под стражу в качестве меры пресечения, помещение в медицинское учреждение для производства экспертизы,²⁵⁰ в том числе и психиатрической, а также личный обыск²⁵⁰.

Вторая группа - это следственные действия, ограничивающие право человека на неприкосновенность жилища, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. К ним относятся осмотр жилого помещения, обыск и выемка в жилом помещении, арест и выемка почтовых, телеграфных и иных сообщений²⁵¹, прослушивание (контроль) телефонных и иных переговоров.

Высказываемые в литературе предложения о расширении круга действий органов расследования, требующих судебного решения, на наш взгляд, неприемлемы. Перечень закрепленных Конституцией РФ основных прав и свобод, ограничение которых возможно только по судебному решению, представляется неслучайным. С одной стороны, он обусловлен высокой

²⁵⁰ Проведение личного обыска нуждается в судебном решении в связи с нарушением этим действием личной неприкосновенности человека, однако трудно представить ситуацию, когда необходимость в личном обыске возникла бы не в связи с задержанием подозреваемого, заключением его под стражу или в связи с нахождением лица в обыскиваемом помещении. Во всех перечисленных случаях личный обыск по проекту УПК допускается в составе названных следственных действий без санкции прокурора и судебного решения, получить которое в описанных условиях невозможно, так как ситуация требует немедленного реагирования. Однако если все же возникнет ситуация личного обыска, заранее не запланированного следователем, неожиданного в ходе, например, допроса, нарушить право на личную неприкосновенность можно только на основании судебного решения.

²⁵¹ Представляется обоснованным предложение И.Л.Петрухина о предоставлении права следователю в необходимых случаях произвести задержание почтОВО-телеграфной корреспонденции на срок до 12 часов, в течение которого он мог бы получить судебное решение о её осмотре и изъятии, так же, как это предусматривалось Уставом уголовного судопроизводства (см.: Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть)... - С.79).

социальной значимостью ценностей, нуждающихся в особой защите. С другой - отсутствием возможности их эффективной защиты иными способами. Нарушенное право на свободу, личную неприкосновенность, тайну личной жизни невосстановимо. Именно это обстоятельство и диктует необходимость предварительного судебного решения на ограничение прав и свобод личности. Ограничение свободы личности вызывается необходимостью защиты иных конституционных ценностей, и только суд вправе сопоставить эти ценности, ограничить одну из них ради защиты другой.

Сказанное не означает, что иные конституционные права и свободы менее значимы. Однако установление предварительного судебного контроля за их ограничением не вызывается необходимостью, поскольку они могут быть эффективно защищены и восстановлены иными способами судебной защиты. В частности, это относится к таким мерам принуждения, как наложение ареста на имущество и отстранение от должности²⁵², домашний арест и залог в качестве мер принуждения²⁵³.

Применение любой из мер пресечения, кроме заключения под стражу, хотя и ограничивает определенным образом свободу личности, однако не лишает её полностью, не препятствует реализации субъектом его правового статуса, не посягает на его личную неприкосновенность, не вызывает таких последствий, которые не могут быть исправлены. Наоборот, эти меры выступают как альтернатива заключению под стражу и применимы во всех случаях, когда они достаточны для обеспечения целей уголовного судопроизводства.

²⁵² См.: Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть)... - С.7.

²⁵³ См.: Изотова О.В. Проблемы судебного контроля при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел... - С.14-15; Рогаткин А.А., Петрухин И.Л. О реформе уголовно-процессуального права // Проблемы российской адвокатуры. - М., 1997. - С.103.

Применение залога²⁵⁴ в качестве меры пресечения, наложение ареста на имущество в целях обеспечения исполнения приговора или возмещения причиненного ущерба не означают лишение человека права частной собственности (ст. 35 Конституции РФ), а являются необходимыми мерами защиты иных охраняемых законом интересов. Необоснованное применение органом расследования указанных мер не влечет для лица невозможности имущественной потери, а возможность их судебного обжалования представляется достаточно эффективным способом защиты нарушенных интересов.

Точно также не нуждается в предварительном судебном решении отстранение обвиняемого от должности, предусмотренное ст. 153 УПК РСФСР. Право на занятие определенной должности не равнозначно конституционному праву на труд (ст. 37 Конституции РФ), а отстранение от нее не препятствует иной трудовой деятельности обвиняемого. Отмена указанной меры самим следователем (ч. 2 ст. 153 УПК РСФСР), прокурором или судом полностью восстанавливает права обвиняемого, причиненный незаконным решением имущественный ущерб подлежит компенсации.

Наличие двух различных видов процессуальных действий, ограничивающих основные права и свободы личности, обуславливает потребность в различных процедурах рассмотрения судом вопросов, связанных с их ограничением. Лишение свободы путем ареста, заключения под стражу, помещения в медицинское учреждение для обследования, в том числе психиатрическое, могут и должны осуществляться в состязательном судебном разбирательстве. Различие в целях меры пресечения и меры наказания не исключает единства требования законности и обоснованности того и другого судебных решений. Рассмотрение судом вопроса о лишении человека свободы и личной неприкосновенности в стадии предварительного расследования только тогда может быть признано эффективной защитой прав личности, когда производится в тех процессуальных формах, которые спо-

²⁵⁴ В науке не без оснований отмечается, что залог в качестве меры пресечения почти не применяется (см.: Вершинина С.И. Залог в системе мер пресечения. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Самара, 1998).

собны гарантировать объективность и всесторонность исследования обстоятельств, позволивших органу уголовного преследования поставить перед судом этот вопрос.

Процедура рассмотрения ходатайства или представления органа расследования или прокурора о применении в качестве меры пресечения заключения под стражу, содержащаяся в проекте УПК (ст. 104), не вызывает возражений. Предусмотренное проектом доставление в судебное заседание подозреваемого, подвергнутого кратковременному задержанию, возможность участия в судебном заседании защитника и законного представителя подозреваемого обеспечивают право подозреваемого на защиту от необоснованного заключения под стражу. Не подлежит сомнению право подозреваемого и защитника приводить доводы в опровержение оснований заключения под стражу, содержащихся в ходатайстве органа уголовного преследования, представлять для этого доказательства. Нелишним представляется уточнение этого момента в ст. 104 проекта УПК, поскольку указание на то, что суд заслушивает явившихся в судебное заседание лиц, недостаточно определено.

Проект УПК не содержит ответа на вопрос о возможности участия в судебном заседании по рассмотрению ходатайства о применении в качестве меры пресечения заключения под стражу лица, не подвергавшегося задержанию, хотя содержание части 2 статьи 104 проекта позволяет сделать вывод о том, что такое ходатайство может быть заявлено не только в отношении подозреваемого, подвергнутого задержанию. Очевидно, проект должен быть дополнен указанием на то, что лицо, не содержащееся под стражей, вызывается в судебное заседание в установленном порядке и что лишь в случае неявки этого лица вопрос о заключении под стражу может быть решен его отсутствием.

Право на участие в судебном заседании должно быть признано за обвиняемым и в случае возбуждения прокурором ходатайства о продлении срока содержания под стражей. Отсутствие указания на такое право в статье 107 проекта представляется упущением законодателя. В противном случае придется признать, что, с точки зрения законодателя, участие обвиняемого в процедуре рассмотрения вопроса о продлении срока содержания его под стражей не может повлиять на решение суда. В таком случае само решение суда становится ненужной формальностью, что отчасти подтверждается и текстом ст. 107 проекта УПК, в части 2 которой содержатся два основания для продления судьей срока содержания под стражей: невозможность закончить расследование в срок до 2 месяцев и **отсутствие оснований** для отмены или изменения меры пресечения. Такая формулировка вступает в противоречие с нормой, содержащейся в ст. 22 Конституции РФ, которой требуются основания для **принятия** судом решения о продолжении содер-

жания лица под стражей. Основанием для продолжения лишения человека свободы не может служить отсутствие оснований для отмены меры пресечения. Возбуждая ходатайство о продлении срока содержания под стражей, орган уголовного преследования должен убедить суд в том, что продолжает существовать опасность совершения обвиняемым новых преступлений, уклонения его от следствия и суда.

Обязательным следует признать и участие сторон в судебном заседании при рассмотрении вопроса о помещении не содержащегося под стражей обвиняемого в медицинское учреждение, в том числе психиатрическое, с наделением их равными правами по обоснованию своего ходатайства или возражения на него, представлению доказательств в подтверждение своих доводов.

Состязательная процедура рассмотрения судом ходатайств о лишении человека свободы и личной неприкосновенности обусловлена необходимостью обеспечить справедливое судебное решение столь важных для человека вопросов. Лишение человека возможности лично защищать право на свободу и неприкосновенность не может иметь серьезных оправданий, не вызывается необходимостью обеспечения каких-либо иных, более значимых, ценностей.

Иной характер носит рассмотрение вопросов, связанных с производством обыска в жилище, выемкой почтово-телеграфной корреспонденции, прослушиванием переговоров и т.п. В противоречие с интересами установления истины вступает не только необходимость обеспечения права личности на неприкосновенность жилища, тайну личной жизни, содержащуюся в переписке или переговорах, но и право лица знать о предполагаемом ограничении его конституционных прав. Эффективность указанных действий в значительной степени зависит от неожиданности их проведения, требующей сохранения принятого решения в тайне от заинтересованных лиц до его реального исполнения. Поэтому процедура рассмотрения судом этой группы вопросов не может быть гласной и состязательной. Ограничение не только конституционных, но и процессуальных прав обвиняемого (подозреваемого) оправдано необходимостью защиты прав и интересов других лиц и другими указанными в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ целями.

Сказанное не означает, что лицо, чье конституционное право на конфиденциальность частной жизни ограничивается без какого-либо участия как его самого, так и его адвоката, лишается судебной защиты. Возможность такого ограничения лишь на основании судебного решения сама по себе представляет важнейшую гарантию его законности и обоснованности, так как исключает произвольное нарушение прав человека органами, осуществляющими уголовное преследование. Отсутствие в судебном заседании об-

виняемого и его защитника не освобождает суд от обязанности проверить законность ходатайства органа расследования или прокурора о проведении обыска в жилище или прослушивании телефонных переговоров и дать согласие на его проведение лишь в случае действительной необходимости.

Гарантией прав лица в этих случаях выступает и возможность последующего обжалования как самого судебного решения о проведении следственного действия, так и действий, произведенных на основании решения судьи. Однако отсутствие заинтересованного лица при принятии судьей решения может рассматриваться в качестве обстоятельства, обуславливающего повышенные требования к рассмотрению судом ходатайства органа уголовного преследования.

Процедура проведения осмотра в жилом помещении против воли проживающих в нем лиц, предложенная проектом УПК (ст. 187) и распространенная на обыск, выемку, наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию и контроль переговоров (ст. 196, 199, 200), не вполне удачна, так как не учитывает указанных выше обстоятельств. Предусмотренное ч. 8 ст. 187 проекта правило: при наличии возражений против проведения осмотра (обыска и т.д.) проживающих в помещении лиц следователь с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о проведении осмотра (обыска и т.д.), которое подлежит рассмотрению судьей в течение 6 часов с момента поступления в суд - не обеспечивает достижение тех целей, на которые направлены данные процессуальные действия. Разумно предположить, что проживающие в помещении лица, скрывающие что-либо от следователя, воспользуются своим конституционным правом на неприкосновенность жилища и воспрепятствуют проведению в нем следственного действия. Следователь в такой ситуации также не станет обращаться в суд с ходатайством о разрешении на проведение следственного действия, а использует второй вариант поведения, предоставляемый ему законом. Часть 9 ст. 187 (ч. 2 ст. 196) проекта УПК предусматривает, что если осмотр не терпит отлагательства, то он может быть произведен по постановлению следователя с последующим уведомлением судьи в суточный срок для проверки законности проведенного следственного действия.

Еще более чревато возможностями нарушения прав человека процедура проведения обыска, поскольку проект УПК (ч. 3 ст. 196) допускает в исключительных случаях (когда имеется реальное опасение, что разыскиваемый и подлежащий изъятию объект может быть из-за промедления с его обнаружением утрачен,

поврежден или использован в преступных целях либо разыскиваемое лицо может скрыться) проведение обыска без санкции прокурора, но с последующим направлением ему в течение 24 часов сообщения о проведенном обыске. Нетрудно предположить, что именно исключительный порядок проведения следственных действий, нарушающих конституционные права и свободы личности, будет применяться наиболее часто. Оправдать проведение обыска без санкции прокурора и судебного решения в случае успешного его завершения достаточно просто: победителей не судят²⁵⁵. Сам факт обнаружения в подвергнутом обыску помещении доказательств совершенного преступления подтверждает его обоснованность. Признать полученные результаты недопустимым доказательством, как предусматривает ч. 9 ст. 187 проекта, невозможно. Отступление от процедуры предусмотрено законом, который при этом не дает точного перечня случаев, когда это возможно. Оценка следователем ситуации как исключительной, позволившей произвести несанкционированное проникновение в жилище при от-

²⁵⁵ Именно такими словами определил свое отношение к рассматриваемому вопросу прокурор одного из районов города Самары, санкционировавший обыск гр-ки Р-ной по уголовному делу, не имеющему к ней абсолютно никакого отношения, и по явно надуманным основаниям. Фактически основанием для производства обыска являлась оперативно-розыскная информация о наличии в её квартире огнестрельного оружия. После проведения обыска, в ходе которого оружие было обнаружено и изъято, из уголовного дела об убийстве были выделены и направлены по подследственности материалы о незаконном хранении Р-ной оружия и боеприпасов. Проведение обысков в целях обнаружения оснований для возбуждения уголовного дела - достаточно распространенное в практике явление.

сутствии четких критериев, почти непроверяема. Зная, что любое исключение становится правилом²⁵⁶, следует опасаться массовых несанкционированных обысков, избежать которые можно только четким указанием на случаи, являющиеся исключительными. Облегчит и оправдает в глазах следователя допускаемое им нарушение значительное упрощение процедуры несанкционированного действия по сравнению с его нормальным порядком.

С учетом сказанного представляется, что процедура принятия решения о проведении рассматриваемой группы следственных действий должна быть единой. Для этого следует исключить из проекта УПК указание на необходимость выяснения согласия проживающих в помещении лиц на вторжение в него органов расследования. **Приняв решение о проведении следственного действия, следователь должен получить разрешение судьи**, и только получив его, следователь вправе произвести осмотр, обыск, выемку в жилом помещении против воли проживающих в нем лиц, не рискуя, что искомые объекты будут уничтожены или скрыты. Процедура судебного заседания в этом случае предельно проста в связи с тем, что в нем участвует только лицо, ходатайствующее о выдаче разрешения на проведение следственного действия.

Статья 25 Конституции РФ, говоря о возможности проникновения в жилище против воли проживающих в нем лиц не только на основании судебного решения, но и в случаях, предусмотренных законом, как представляется, имеет в виду вовсе не возможность проведения обыска в жилище в порядке, предусмотренном действующим УПК РСФСР (ст. 168), т.е. с санкции прокурора или даже (в исключительных случаях) без санкции прокурора, но с последующим уведомлением его о произведенном обыске. Такое толкование конституционного положения противоречит указаниям, содержащимся в постановлении №13 Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 1993 года «О некоторых вопросах, связанных с применением ст. 23 и 25 Конституции РФ», в соответствии с п. 3 которого материалы, подтверждающие необходимость проникновения в жилище, «представляются судье уполномоченными на то органами и должностными лицами в соответствии с уго-

²⁵⁶ По данным Г.Абдумаджидова, без санкции прокурора производится 69% обысков (см.: Абдумаджидов Г. Расследование преступлений. - Ташкент, 1986).

ловно-процессуальным законодательством». Статья 25 Конституции РФ имеет в виду будущий закон, закрепляющий четкий перечень исключительных случаев, не подлежащих расширительному толкованию. Это может быть преследование лица, подозреваемого в совершении преступления, наличие ясно выраженного согласия или просьбы проживающих в жилище лиц, крики о помощи или иные данные о совершающемся в жилище преступлении, а также чрезвычайные ситуации (пожар, наводнение, землетрясение и т.п.)²⁵⁷.

Срок рассмотрения судом ходатайств органа расследования о проведении следственного действия или применении меры принуждения должен в максимальной степени учитывать как интересы расследования, так и интересы личности. Предусмотренный проектом УПК 6-часовой срок с момента поступления ходатайства в суд представляется более разумным и достаточным²⁵⁸.

Один из вопросов, которые необходимо рассмотреть, - это вопрос о праве лица ходатайствовать перед судом о проведении следственного действия - осмотра, обыска, выемки и т.п. Он обусловлен монополией государственных органов на производство действий по собиранию доказательств, в связи с чем в науке периодически обсуждается возможность так называемого параллельного расследования. Признавая принципиальную неприемлемость такого расследования, главным образом из-за возникающих при этом проблем, связанных с допустимостью полученных доказательств, считаем возможными два варианта компенсации неравенства обвиняющей и защищающейся сторон. Невозможность самостоятельно проводить следственные действия в необходимых с точки зрения участника уголовного процесса случаях может быть компенсирована установлением дополнительных гарантий права на заявление ходатайств об их проведении перед уполномоченным на то органом в виде: а) обязанности удовлетворения такого ходатайства со стороны органа расследования и б) возможности обжалования в судебном порядке отказа в его удовлетворении. Второй вариант заключается в установлении процессуальным законом процедуры обращения гражданина в суд с ходатайством о проведении следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы других граждан подобно тому, как предусмотрено проектом УПК для органов уголовного преследования. Возможно и сочетание двух вариантов: обжалование отказа в проведении следственного действия, в ходе рассмотрения которого суд выносит постановление о его проведении и поручает это органу

²⁵⁷ См. об этом: Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть)... - С.103.

²⁵⁸ Следует отметить, что в литературе предлагаются и другие сроки. Например, по мнению О.В.Изотовой, этот срок не должен превышать 24 часов (см.: Изотова О.В. Указ. соч. - С.17).

постановление о его проведении и поручает это органу расследования. Такая процедура усиливала бы состязательность в стадии предварительного расследования, служила гарантией права участника уголовного процесса на защиту своих интересов, в том числе права обвиняемого на защиту, объективно способствовала бы реализации принципа полного и всестороннего исследования обстоятельств дела, т.е. установлению истины.

Несовершенство судебной системы и судебной практики позволяет предположить, что введение в действие нового уголовно-процессуального законодательства, соответствующего Конституции РФ, безусловно, вызовет к жизни новые проблемы, поставит новые задачи. Однако реализация заложенных в Конституции возможностей послужит укреплению законности уголовного судопроизводства, усилению гарантий прав и свобод человека при производстве предварительного расследования.

ГЛАВА 4. ФОРМЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

§1. Судебный контроль за соблюдением прав и свобод участников уголовного процесса в стадии назначения судебного заседания как способ защиты их прав

Поступление в суд уголовного дела, расследование по которому завершено составлением и утверждением обвинительного заключения, означает начало следующей стадии уголовного процесса. Однако прежде, чем назначить судебное заседание, судья должен убедиться в наличии оснований и отсутствии препятствий для начала судебного разбирательства и разрешить ряд вопросов, связанных с возможностью рассмотрения дела - о подсудности, соответствии содержания обвинительного заключения предъявляемым требованиям, необходимости истребования дополнительных доказа-

тельств и т.п. Такая деятельность, служащая указанным целям, известна всем формам судопроизводства - гражданскому, арбитражному, конституционному - как стадия подготовки дела к судебному разбирательству. Независимость суда от органов уголовного преследования означает, что направление ему уголовного дела имеет такое же процессуальное значение и порождает такие же последствия, как предъявление иска по гражданскому делу, однако в уголовном процессе эта деятельность имеет особое значение в связи с наличием в нем досудебных стадий, нуждающихся в судебном контроле.

Закон РФ о внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 29 мая 1992 года существенно преобразовал и упростил стадию, известную до этого как стадия предания суду: упразднил распорядительные заседания, ведение протокола, участие стюардесс,

в том числе и прокурора. Теперь глава 20 УПК РСФСР называется «Полномочия судьи до судебного разбирательства дела и подготовительные действия к судебному заседанию».

Обусловленность такого изменения переосмыслением роли судебной власти в обществе, стремлением освободить суд от рудиментов обвинительной функции вполне очевидна. Предание суду в том недемократичном и несостязательном виде, в котором оно существовало до 1992 года, способствовало формированию у суда убеждения в виновности обвиняемого под влиянием одних лишь обвинительных доказательств и мнения прокурора еще до начала непосредственного исследования доказательств. Однако, как представляется, это решение законодателя было ошибочным и непоследовательным. В 1993 году в российском уголовном процессе появилась новая форма судопроизводства - рассмотрение дел судом присяжных, - а с ней и предварительное слушание, характер которого позволяет считать его первой судебной стадией, а решаемые в нем задачи традиционно присущими стадии предания суду. Кроме того, регулирующая порядок назначения судебного заседания глава 20 УПК РСФСР, даже и лишенная традиционного названия, по-прежнему содержит требование проверки достаточности собранных доказательств для рассмотрения дела в суде, что свидетельствует о признании законодателем необходимости существования определенного промежуточного этапа после предварительного расследования и перед судебным рассмотрением уголовного дела.

Как верно отметил И.Д.Перлов, через всю историю института предания суду красной нитью проходит общая закономерность: «все реакционные, антидемократические реформы в области уголовного судопроизводства

во всех странах, как правило, приводили к ликвидации института предания суду, его урезыванию и ущемлению, и, напротив, все реформы и преобразования, ... имеющие прогрессивный и демократический характер, пытались привести или приводили к укреплению и развитию этого института»²⁵⁹. Осуществляемая в Российской Федерации судебная реформа имеет демократический характер, в связи с чем закономерно расширение контрольных полномочий рассматриваемой стадии и совершенствование процедуры их осуществления.

Не вызывает сомнений необходимость существования между предварительным расследованием и судебным разбирательством особого этапа процессуальной деятельности, разграничивающего предварительное и окончательное производство. Самостоятельность этого этапа как стадии уголовного процесса²⁶⁰ предопределяется наличием специальных, присущих только ему задач, кругом участников, характером уголовно-процессуальных отношений и особой формой процессуальной деятельности²⁶¹. Однако прежде, чем рассматривать особенности этой стадии, необходимо решить вопрос о её наименовании.

Очевидно, что название стадии должно соответствовать характеру реализуемых в ней задач. Упразднение законодателем традиционного и привычного для отечественного судопроизводства названия «предание суду» теоретически объяснимо наличием принципиально различных подходов к его пониманию, а в связи с этим и к вопросу о том, чьей функцией является предание суду - суда или прокурора - возникшего в связи с содержащимся в Концепции судебной реформы утверждением, что «документом предания суду является обвинительный акт прокурора»²⁶².

По Декрету о суде №1 (п. 3) постановление следователя о предании суду должно быть подтверждено решением всего местного суда. Позднее предание суду под контролем суда осуществляли следственные комиссии. Совет-

²⁵⁹ Перлов И.Д. Предание суду в советском уголовном процессе. - М., 1948. - С.38.

²⁶⁰ Возражения против существования предания суду в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса, заключающиеся в ограниченности на этом этапе принципа непосредственности исследования обстоятельств дела, отсутствии самостоятельности, опасении предрешения судом вопроса о виновности и практической неэффективности предания суду, были подробно рассмотрены и убедительно опровергнуты еще И.Д.Перловым (см.: Перлов И.Д. Указ. соч. - С.25-26 и след.).

²⁶¹ О признаках стадии см.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. П.А.Лупинская. - М., 1998. - С.15.

²⁶² Концепция судебной реформы в РФ... - С.93.

ское уголовно-процессуальное законодательство в период 1928-1935 гг.²⁶³ предусматривало осуществление этой функции прокурором. Хотя по Уставу уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года предание суду осуществлялось органами судебной власти, в науке того периода отмечалось, что предание суду «вверяется органам двоякого рода - обвинительным и судебным»²⁶⁴.

Между тем вопрос о разграничении компетенций между прокурором и судом имеет важное значение для определения характера рассматриваемой стадии. Считать прокурора органом предания суду можно лишь в том случае, если рассматривать предание суду как простую передачу дела в суд. Однако утверждение обвинительного заключения и направление дела в суд еще не означают, что дело будет назначено к рассмотрению, поскольку суд наделен правом контроля за законностью всей предшествующей процедуры и может отказать в назначении судебного заседания. В трудах русских процессуалистов направление в суд обвинительного акта рассматривалось лишь как «прошение о наложении на обвиняемого уголовной ответственности»²⁶⁵. Аналогичное мнение характерно и для советского периода: санкцию прокурора на обвинительном заключении нельзя считать актом предания суду, - писал М.М.Выдря²⁶⁶. Эта деятельность прокурора не образует отдельной, - стадии уголовного процесса, а является завершающим этапом предварительного расследования.

Утверждение обвинительного заключения означает, что обвинительная власть считает завершенным этап предварительного расследования и возможным продолжить уголовное преследование в отношении обвиняемого в суде, используя для этого состязательную процедуру судебного разбирательства. Передача обвинительной властью уголовного дела в суд есть хотя и необходимая, но все же лишь предпосылка начала новой стадии уголовного процесса. Однако рассмотрение уголовного дела по существу возможно лишь тогда, когда суду представлены доказательства, достаточные для постановления приговора. Это обстоятельство требует судебного контроля за всем досудебным производством, проверки законности предварительного расследования, и лишь в том случае, если в ходе такого контроля суд убеж-

²⁶³ В Армении такой порядок сохранялся до 1961 года (см.: Казинян Г.С. Актуальные проблемы уголовно-процессуального законодательства в третьей республике Армения (сравнительно-правовое исследование). - Ереван, 1999. - С.186).

²⁶⁴ Фойницкий И.Я. Курс Уголовного судопроизводства. Т.2... - С.414.

²⁶⁵ Фойницкий И.Я. Указ. соч. - С.413.

²⁶⁶ См.: Пашкевич А.Ф. Проблема процессуального обеспечения оперативности и быстроты судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. Вып.14. - М., 1971. - С.84.

дается в возможности постановления обвинительного приговора, он назначает судебное заседание. Только с момента вынесения судом определения (постановления) о назначении судебного заседания можно говорить о том, что обвиняемый предан суду, следовательно, будет судим.

Принятие судом такого решения требует предварительного контроля и за обоснованностью передачи органами обвинительной власти дела в суд, что также не позволяет рассматривать утверждение прокурором обвинительного заключения в качестве акта предания суду. С момента направления дела в суд роль прокурора претерпевает существенные изменения. Из органа, осуществляющего надзор за законностью предварительного расследования, он превращается в сторону обвинения, ходатайствующую перед судом о назначении дела к разбирательству, решение о котором вправе принять только суд. Однако такое решение и есть решение о предании обвиняемого суду, оно означает, что дело будет рассмотрено в судебном заседании.

В связи с этим представляется обоснованным предложение о возвращении к названию «предание суду»²⁶⁷. Вместе с тем, в науке отмечается, что термин «предание суду» как бы предполагает предвосхищение судом виновности лица в совершении преступления, что ведет к утрате им объективности²⁶⁸. Поэтому ряд авторов предлагают называть эту стадию стадией назначения судебного заседания²⁶⁹. Однако решение о назначении судебного заседания, принимаемое судом как итог процессуальной деятельности, не полностью отражает характер судебной деятельности на данном этапе, поскольку не является для суда единственно возможным. В связи с этим название этой стадии как назначения судебного заседания представляется не слишком удачной заменой старому названию, хотя в практическом обиходе может рассматриваться как синоним «предания суду».

В качестве альтернативы правомерно, на наш взгляд, использование термина «предварительное судебное производство»²⁷⁰.

Однако дело вовсе не в названии судебной деятельности, а в её содержании.

Характер вопросов, решаемых на данном этапе уголовного судопроизводства, позволяет утверждать, что **задачей этой стадии процесса является**

²⁶⁷ См.: Рябинина Т.К. Производство по уголовному делу в суде до судебного разбирательства. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - Воронеж, 1995. - С.9.

²⁶⁸ См.: Казинян Г.С. Указ. соч. - С.188-189.

²⁶⁹ Бозров В.М. Стадия назначения судебного заседания // Российская юстиция. - 1996. - №3. - С.48-49; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. П.А.Лупинская... - С.359.

²⁷⁰ Термин «Предварительное судебное слушание», предложенный Г.С.Казиняном (см.: Указ. соч. - С.197), применим лишь для одной из форм предварительного судебного производства.

ся осуществление контроля за законностью предварительного расследования и обоснованностью обвинения.

Отмеченная выше неспособность органов прокуратуры обеспечить законность предварительного расследования, соблюдение в его ходе прав и свобод граждан авторами Концепции судебной реформы объясняется соединением в лице прокурора функций расследования преступлений и надзора за ним²⁷¹. Отвечающая за уровень раскрываемости преступлений и качество расследования уголовных дел, выполняющая, по сути, обвинительную функцию, прокуратура не в состоянии объективно рассматривать жалобы

на нарушения закона и прав граждан в процессе расследования, критически оценивать собранные следствием доказательства. Практика свидетельствует, что в деятельности органов дознания и предварительного следствия «не выполняются требования о раскрытии преступных деяний, изобличении виновных, нарушаются права лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства»²⁷². Причем «практически по каждому уголовному делу со следственной ошибкой²⁷³ её возникновению либо запоздалому устранению способствовали недостатки в деятельности прокуроров, осуществляющих надзор за следствием и дознанием»²⁷⁴. Исследование установило не только несвоевременное и поверхностное изучение прокурорами материалов уголовных дел, не способствующее выявлению ошибок следствия, но и не критичность по отношению к обнаруженным ошибкам²⁷⁵. В этих условиях правильно организованный контроль за законностью предварительного расследования и обоснованностью обвинения со стороны независимого, не связанного ведомственными интересами и не отвечающего за раскрытие пре-

²⁷¹ См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации... - С.60.

²⁷² Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Халиуллин А.Г., Якубович Н.А. Законность в досудебных стадиях уголовного процесса России. - Москва-Кемерово, 1997. - С.5.

²⁷³ Под следственными ошибками для целей исследования, проведенного в конце 80-х гг. Всесоюзным научно-исследовательским институтом проблем укрепления законности и правопорядка совместно с Куйбышевским государственным университетом при участии автора, понимаются объективно незаконные и необоснованные решения органов расследования, не дающие оснований предполагать наличие преступления против правосудия.

²⁷⁴ Характер, причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного следствия: Методическое пособие. - М., 1990. - С.61.

²⁷⁵ См.: Характер, причины и способы устранения ошибок... - С.61.

ступлений²⁷⁶ суда выступает как эффективная форма судебной защиты прав и свобод граждан.

Судебный контроль в стадии предания суду, или назначения судебного заседания, как она сегодня называется, носит ревизионный характер, осуществляется по каждому уголовному делу в отношении всего объема досудебного производства и не связан с чьим-либо обращением, жалобой или ходатайством. Такой контроль, предполагающий проверку допустимости доказательств, положенных в основу обвинения, его законности и обоснованности, в полном объеме возможен лишь в судебных стадиях, т.е. по окончании предварительного расследования. Он осуществляется при назначении судебного заседания, рассмотрении дела в суде первой инстанции, пересмотре приговора в кассационном порядке, в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам. В наиболее полном виде такой контроль осуществляется в стадии судебного разбирательства. Состязательность судопроизводства позволяет сторонам активно участвовать в проверке представленных органами расследования доказательств, приводить доводы в подтверждение своих выводов и опровержение доводов противной стороны, отстаивать свою позицию. Неравные в ходе предварительного расследования, гражданин и представляющий государство обвинитель приобретают в судебном процессе равные процессуальные возможности для обоснования своих утверждений.

Судебный контроль за предварительным расследованием, осуществляемый до начала судебного разбирательства, может быть назван **предварительным ревизионным контролем**, поскольку окончательную оценку законности предварительного расследования и обоснованности обвинения суд может дать только в ходе непосредственного исследования доказательств обвинения в стадии судебного разбирательства.

При решении судьей вопроса о назначении судебного заседания выясняется не только достаточность для рассмотрения дела собранных доказательств (п. 3 ст. 222 УПК), но и законность досудебного производства, полнота обеспечения прав его участников. Невыполнение органами расследования указанных требований влечет прекращение дела (п. 2 ст. 222), изменение или отмену меры пресечения (п. 5), принятие мер, обеспечивающих возмещение материального ущерба, причиненного преступлением (п. 6), разрешение ходатайств и заявлений заинтересованных лиц (п. 7). Направленность этих полномочий не только на предотвращение назначения к рас-

²⁷⁶ См.: Петрухин И. Прокурорский надзор и судебный контроль за следствием // Российская юстиция. - 1998. - №9. - С.12.

смотрению уголовного дела, по которому органы расследования и прокурор допустили существенные и грубые нарушения норм материального и процессуального права²⁷⁷, но и на восстановление нарушенных при производстве предварительного расследования прав и свобод обвиняемых, потерпевших и других участников уголовного процесса позволяет говорить о том, что при назначении судебного заседания также осуществляется судебный контроль за соблюдением прав и свобод участников уголовного процесса

в стадии предварительного расследования, однако в иной, нежели в судебном заседании, процессуальной форме.

Рассмотрение стадии назначения судебного заседания как формы судебного контроля за законностью всего предварительного расследования позволяет считать её одним из специфических способов осуществления судебной защиты прав участников уголовного процесса главным образом от неправомерных действий органов уголовного преследования. Судебный контроль за соблюдением органами предварительного расследования прав и свобод личности, осуществляемый путем изучения всех собранных органом расследования доказательств, обладает гораздо более широкими возможностями, чем рассмотренные в предыдущем разделе формы судебного контроля, и, следовательно, является более эффективным средством судебной защиты.

С другой стороны, судебный контроль в стадии назначения судебного заседания представляет заинтересованным лицам возможность защищать свои права и законные интересы, добиваться устранения допущенных в ходе расследования ошибок, не дожидаясь начала рассмотрения дела по существу. Проверка судом материалов предварительного расследования направлена на своевременное выявление всех нарушений уголовно-процессуального закона и ущемлений прав участников предварительного расследования с тем, чтобы не допустить начала судебного процесса при наличии исключительных обстоятельств.

Эффективность контроля за качеством предварительного расследования, а следовательно, и судебной защиты, обеспечивается, прежде всего, полномочиям суда на этом этапе уголовного судопроизводства. В арсенале средств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, - возвращение дела на дополнительное расследование, прекращение уголовного дела, изменение меры пресечения, принятие мер по обеспечению гражданского иска и др. Проекты УПК, в том числе и проект, принятый Госдумой в первом

²⁷⁷ См.: Колоколов Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования: реальность, перспективы // Государство и право. - 1998. - №11. - С.32.

чении, сохраняют все названные средства реагирования на недостатки предварительного расследования и некоторым образом их расширяют. Поэтому заинтересованное лицо, права и свободы которого были нарушены органами расследования и не защищены прокурором, имеет право добиваться восстановления их в суде. Однако то обстоятельство, что судебная защита при назначении судебного разбирательства осуществляется до начала основного судебного процесса, не позволяет поставить лицо в положение подсудимого при отсутствии к тому достаточных оснований, оберегает его доброе имя, честь и достоинства и более соответствует интересам личности.

В связи с этим следует отметить неточность в определении В.М.Бозровым статуса данного лица как подсудимого уже с момента поступления дела в суд²⁷⁸. Статья 46 УПК РСФСР определяет подсудимого как обвиняемого, дело в отношении которого **принято** к производству судом, а принятым уголовное дело может считаться только в тот момент, когда судья придя к выводу о том, что при расследовании соблюдены требования закона и отсутствуют препятствия для рассмотрения дела в суде, выносит постановление о назначении судебного заседания. Иные решения, предусмотренные ст. 231, 232, 234 УПК РСФСР, означают отказ в принятии уголовного дела и не влекут превращение обвиняемого в подсудимого. Термин **подсудимый** появляется лишь в ст. 236 и 237 УПК РСФСР, регламентирующих действия судьи по обеспечению прав этого лица **после назначения судебного заседания**. Поэтому **подсудимый (в соответствии с определением ст. 46 УПК в редакции, существовавшей до 29 мая 1992 года) - это лицо, преданное суду, лицо, по уголовному делу о котором уже состоялось назначение судебного заседания**.

Изложенное свидетельствует об исключительной важности предварительного судебного производства в уголовном процессе.

1. Отграничивая предварительное производство от окончательного, оно разделяет сферы «господства» обвинительной и судебной властей. С момента передачи дела в суд только суд вправе принимать по нему какие-либо решения.

2. Предварительное судебное производство выполняет роль фильтра, обеспечивающего поступление на рассмотрение суда первой инстанции лишь тех уголовных дел, расследование по которым произведено в соответ-

²⁷⁸ См.: Бозров В.М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России. Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. - Екатеринбург, 1999. - С.4; он же. Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов (вопросы теории и практики). - Екатеринбург, 1999. - С.80-81.

ствии с требованиями уголовно-процессуального закона. Суд не может допустить начало судебного разбирательства при отсутствии законных оснований. Некачественно, с нарушением установленной процедуры расследованные уголовные дела не должны иметь никакого шанса быть назначенными к рассмотрению. Любая допущенная в ходе расследования ошибка должна быть обнаружена и исправлена своевременно. Строгий судебный контроль на этом этапе стимулирует повышение качества и законности расследования. Закрывая глаза на допущенные нарушения, суд становится ответственным не только за низкий уровень раскрываемости преступлений, но и за рост преступности, связанный с порожденной этим безнаказанностью. Как показывают исследования, число возвращенных в стадии предания суду на дополнительное расследование уголовных дел составляет лишь 20% от общего количества дел, возвращенных судом для дополнительного расследования²⁷⁹. В остальных случаях (80%) недостатки следствия судом были обнаружены лишь в стадии судебного разбирательства.

3. Рассматриваемая стадия уголовного процесса имеет не только контрольный характер по отношению к предварительному расследованию, но и подготовительный (вспомогательный, субсидиарный²⁸⁰) по отношению к судебному разбирательству. Однако допускаемое иногда выделение подготовительной роли этой стадии приводит к ошибочному выводу о том, что предание суду - «органическая часть судебного разбирательства»²⁸¹. В связи с этим представляется необходимым не только подчеркнуть контрольный характер этой стадии, но и указать на обусловленность достижения задачи подготовки дела к судебному разбирательству выполнением контрольных по отношению к расследованию полномочий. Не убедившись в наличии достаточных оснований для рассмотрения дела в судебном разбирательстве, суд не вправе назначить су-

²⁷⁹ На неэффективность стадии предания суду указывают и другие исследователи (см.: Волкодаев Н.Ф. Нарушение уголовно-процессуального закона как вид следственной ошибки // Уголовная ответственность: основания и порядок реализации. - Самара, 1990. - С.138-139; Юркевич Н.А. Реализация правообеспечительной функции в стадии предания суду. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. - Л., 1989. - С.18).

²⁸⁰ См.: Казинян Г.С. Актуальные проблемы уголовно-процессуального законодательства в третьей республике Армения (сравнительно-правовое исследование). - Ереван, 1999. - С.182.

²⁸¹ Выдря М.М. Указ. соч. - С.11. Очевидно, способствует обоснованию таких взглядов структурное включение главы двадцатой УПК РСФСР в раздел третий «Производство в суде первой инстанции», в связи с чем представляется возможным внести на обсуждение предложение о выделении правил, регулирующих предварительное судебное производство, в самостоятельный раздел Уголовно-процессуального кодекса.

дебное заседание, а следовательно, и разрешать вопросы, связанные с его подготовкой, на что прямо указывает часть 1 ст.223-1 УПК РСФСР: «Судья, придя к выводу, что при расследовании дела соблюдены все требования настоящего Кодекса по обеспечению прав гражданина, привлеченного в качестве обвиняемого, отсутствуют иные препятствия для рассмотрения дела в суде, выносит постановление о назначении судебного заседания».

Таким образом, предварительное судебное производство (предание суду, назначение судебного заседания) есть самостоятельная стадия уголовного процесса РФ, содержание которой заключается в осуществлении судебного контроля за полнотой и законностью предварительного расследования, обоснованностью обвинения и достаточностью материалов для рассмотрения уголовного дела по существу, а также в совершении необходимых подготовительных к судебному заседанию действий.

§ 2. Способы осуществления судебной защиты в стадии назначения судебного заседания

Судебная защита при назначении судебного заседания осуществляется путем разрешения отнесенных к компетенции суда вопросов. Решения, принимаемые судом в этой стадии, правомерно рассматривать как способы восстановления нарушенных прав.

В соответствии со ст. 222 УПК РСФСР при разрешении судьей вопроса о назначении судебного заседания подлежат выяснению следующие обстоятельства:

- 1) подсудно ли дело данному суду;
- 2) не имеются ли обстоятельства, влекущие прекращение либо приостановление производства по делу;
- 3) собраны ли доказательства, достаточные для рассмотрения дела в судебном заседании;
- 4) составлено ли обвинительное заключение в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса;
- 5) подлежит ли изменению или отмене избранная обвиняемому мера пресечения;
- 6) приняты ли меры, обеспечивающие возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, и возможную конфискацию имущества;
- 7) имеются ли по делу ходатайства и заявления обвиняемых, потерпевших, других заинтересованных лиц и организаций.

К сожалению, Закон РФ от 29 мая 1992 года исключил из приведенного перечня вопрос о том, соблюдены ли при возбуждении уголовного дела, производстве дознания и предварительного следствия требования Уголов-

но-процессуального кодекса, чем в значительной мере обеднил возможности судебного контроля за предварительным расследованием.

Между тем именно этот вопрос в наибольшей степени отражает характер рассматриваемой стадии уголовного процесса как формы судебного контроля, а следовательно, и формы судебной защиты прав участников уголовного процесса. Во-первых, законность предварительного расследования является принципиальным положением, обуславливающим возможность продолжения уголовно-процессуальной деятельности и легитимность приговора как её результата. Во-вторых, требование законности предварительного расследования поглощает многие из содержащихся в ст. 222 УПК РСФСР вопросы, в связи с чем более целесообразной представляется корректировка ст. 222 УПК за счет исключения из приведенного в ней перечня вопросов менее общего характера.

В частности, полностью охватывается требованием соблюдения уголовно-процессуального закона вопрос о том, соответствует ли закону обвинительное заключение (п. 5 ст. 222 УПК РСФСР)²⁸², поскольку именно УПК РСФСР (ст. 205) устанавливает требования, предъявляемые к обвинительному заключению.

Как часть вопроса о соблюдении прокурором требований Уголовно-процессуального кодекса может быть рассмотрен вопрос о подсудности уголовного дела (п. 1. ст. 222). Статьи 35-42 УПК РСФСР устанавливают правила о подсудности, а ст. 217 предусматривает обязанность прокурора, утвердившего обвинительное заключение, направить уголовное дело в тот суд, которому оно подсудно.

Выявление судом оснований для прекращения уголовного дела (п. 2 ст. 222 УПК) может означать, что орган уголовного преследования не выполнил требование уголовно-процессуального закона - своевременно не прекратил уголовное дело, хотя для этого имелись основания. Точно также можно говорить о невыполнении требований Уголовно-

²⁸² Вносившееся рядом авторов предложение о вручении (направлении) обвиняемому копии обвинительного заключения прокурором до или одновременно с направлением дела в суд, реализованное в проекте УПК, соответствует современным представлениям о роли суда в состязательном уголовном судопроизводстве. В связи с этим адресованное суду требование ст. 269 (п. 5) проекта УПК выяснить, вручена ли обвиняемому копия обвинительного заключения, представляется логичным.

процессуального кодекса в случае непринятия следователем мер, обеспечивающих возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, и возможную конфискацию имущества (п. 7 ст. 222 УПК).

Поэтому проект УПК РФ, одобренный Госдумой в первом чтении, в той части, в которой его положения, содержащиеся в ст. 269 (п. 3), восстанавливают обязанность суда проверить соблюдение органами расследования требований уголовно-процессуального закона при разрешении им вопроса о назначении судебного заседания, заслуживает одобрения.

В соответствии с п. 5 ст. 222 УПК РСФСР (п. 6 ст. 269 проекта УПК) при назначении судебного заседания суд решает вопрос о том, подлежит ли изменению или отмене избранная обвиняемому мера пресечения. Право суда отменить меру пресечения, примененную органами предварительного расследования, не вызывает сомнений. Оно соответствует роли суда в состязательном судебном процессе и нормам Международного права. Однако данное положение закона может быть истолковано двояко, в связи с чем нуждается в уточнении. Применение более строгой меры пресечения тождественно её избранию²⁸³ и при отсутствии ходатайства прокурора даже с учетом предлагаемого обеспечения обвиняемому права обжаловать определение суда о заключении его под стражу²⁸⁴ недопустимо. Любая инициатива судьи в этом вопросе может быть истолкована как нарушение принципа объективности и беспристрастности. Вместе с тем очевидно, что и ходатайство прокурора о применении меры пресечения или ее изменении на более

²⁸³ Существующая формулировка позволяет суду в ряде случаев применять в качестве меры пресечения заключение под стражу по собственной инициативе. В одном из известных нам случаев замена судом подписки о невыезде на заключение под стражу формально мотивировалась неявкой подсудимого по вызову суда для вручения ему копии обвинительного заключения, в другом - тяжестью предъявленного обвинения. Ссылаясь на тяжесть обвинения в сбыте наркотиков, судья Кировского районного суда г. Самары взял под стражу 80-летнюю женщину и возвратил уголовное дело для производства дополнительного расследования, в ходе которого оно было прекращено. Пользуясь предоставленными законом возможностями, другой судья того же района дважды принимал решение об изменении меры пресечения с подписки о невыезде на заключение под стражу лица, обвиняемого в совершении грабежа, дело дважды возвращалось на дополнительное расследование и дважды же прокурором мера пресечения заменялась подпиской о невыезде. Подобные действия, несовместимые с принципом беспристрастности суда и осуществляемой им функцией разрешения уголовного дела, выглядят безусловно с точки зрения анализируемой правовой нормы.

²⁸⁴ См.: Выдря М.М. Предание суду как гарантия законности привлечения к уголовной ответственности: Учебное пособие. - Краснодар, 1981. - С.40.

строгую не может быть заявлено произвольно, поскольку прокурор имел возможность избрать в отношении лица заключение под стражу до окончания расследования или одновременно с утверждением обвинительного заключения²⁸⁵. Такое ходатайство может быть заявлено обвинителем и удовлетворено судом лишь при возникновении новых законных оснований для применения или изменения меры пресечения после направления дела в суд.

Теоретический и практический интерес представляет и вопрос о праве суда изменить меру пресечения с более строгой на менее строгую по собственной инициативе. Рассматривая установленную законом обязанность суда разрешить вопрос об изменении или отмене меры пресечения как обязанности проверить обоснованность избранной органом расследования меры пресечения, М.М.Выдря в свое время высказал предложение о целесообразности рассмотрения этого вопроса в распорядительном заседании во всех случаях, когда обвиняемый находится под стражей²⁸⁶. Однако с тех пор ситуация изменилась. Право обвиняемого обжаловать примененную к нему меру пресечения в суде (ст. 220-1, 220-2 УПК РСФСР) устраняет необходимость рассмотрения вопроса об отмене или изменении меры пресечения судом по собственной инициативе.

Вместе с тем, если мера пресечения - содержание под стражей - была применена к обвиняемому в процессе расследования, то направление уголовного дела в суд с сохранением этой меры пресечения фактически означает продление срока содержания обвиняемого под стражей на весь период судебного разбирательства. Поэтому обвиняемому и его защитнику и в этой стадии процесса, т.е. после направления дела в суд, принадлежит право оспорить законность и обоснованность примененной к нему меры пресечения или обратиться в суд с ходатайством об изменении ее.

²⁸⁵ Практика подтверждает важность рассмотрения этого вопроса при утверждении прокурором обвинительного заключения, поскольку в этот момент прокурор имеет более полную картину преступления и исчерпывающие данные о личности обвиняемого. Обвинявшийся в покушении на изнасилование несовершеннолетней М-в был оставлен прокурором одного из районов Самарской области под подпиской о невыезде, несмотря на то, что следователь настаивал на заключении М-ва под стражу и дважды выносил постановление об этом, в последний раз - при составлении обвинительного заключения. Однако прокурор неверно оценил совокупность фактических данных, в частности то обстоятельство, что М-в совершил это преступление уже будучи осужденным и отбывая наказание в колонии-поселении. В результате уже после направления уголовного дела в суд М-в совершил изнасилование 11-летней девочки, повлекшее тяжкие последствия.

²⁸⁶ См.: Выдря М.М. Указ. соч. - С.40.

Главный вопрос, разрешаемый судом в порядке предварительного судебного производства, заключается в том, представлены ли обвинением доказательства, достаточные для рассмотрения дела в судебном заседании (п. 3 ст. 222 УПК РСФСР). Отсутствие указания на необходимость установления судом этого обстоятельства в ст. 269 проекта УПК РФ, одобренного Госдумой, представляется ошибкой законодателя, противоречащей иным установленным проектом положениям. В соответствии со ст. 271 того же проекта судья принимает решение о назначении судебного заседания на основании вывода, «что в процессе дознания и предварительного расследования соблюдены все требования настоящего Кодекса по обеспечению прав участников процесса и отсутствуют иные основания, препятствующие рассмотрению дела в суде». Поскольку одним из таких законных требований является полное, всестороннее и объективное исследование обстоятельств дела (ст. 19 проекта), его невыполнение органом уголовного преследования делает невозможным назначение судебного заседания. Выполнение же органом уголовного преследования требования полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела фактически и означает, что по делу собрана достаточная для рассмотрения в судебном заседании совокупность доказательств, а невыполнение указанного требования свидетельствует об обратном. Практика показывает, что причиной возвращения уголовного дела на дополнительное расследование почти в 80% случаев является неполнота проведенного предварительного следствия и дознания. Поэтому выявление достаточности для рассмотрения в судебном заседании собранной совокупности доказательств является важнейшей обязанностью суда в предварительном судебном производстве, проявлением его контрольной функции.

Вопрос о том, для принятия какого решения указанная совокупность доказательств должна быть достаточна, имеет давнюю историю. Еще в 1951 году М.А.Чельцов, полемизируя с Н.Н.Полянским, утверждавшим на страницах журнала «Советское государство и право», что в подготовительном заседании решается вопрос не об обоснованности предъявленного обвинения, а о том, произведено ли предварительное расследование с достаточной полнотой и всесторонностью, высказал верную, на наш взгляд, мысль, что суд имеет достаточные основания для предания обвиняемого суду, «если совокупность собранных и не опровергнутых на следствии доказательств позволяет рассчитывать, что при подтверждении их в судебном заседании обвиняемый будет признан виновным и осужден»²⁸⁷.

²⁸⁷ Чельцов М.А. Советский уголовный процесс... - С.306.

Указание на проверку судом законности, полноты и всесторонности предварительного расследования²⁸⁸ лишь прикрывает подлинные цели стадии предания суду, заключающиеся в контроле за законностью получения и достаточностью именно обвинительных доказательств.

Это утверждение логически вытекает из розыскного характера предварительного расследования в РФ, которое производится исключительно органами, осуществляющими уголовное преследование, и в конечном итоге выливается в доказывание виновности определенного лица. Направление уголовного дела в суд есть представление суду доказательств, которые по мнению органа уголовного преследования, достаточны для осуждения и наказания обвиняемого. Поскольку это лишь мнение одной из сторон, суд обязан проверить его обоснованность, т.е. проверить достаточность обвинительных доказательств для той цели, с которой они представлены суду.

В свое время И.Д.Перлов по этому поводу заметил, что выслушивание лишь обвинителя и исследование представленных им доказательств свидетельствует об одностороннем обвинительном характере всей работы органа предания суду²⁸⁹. Однако представляется, что именно в исследовании обвинительных доводов и доказательств и проявляется контрольный характер судебной деятельности по отношению к деятельности обвинительной. Задача обвинителя на этом этапе состоит в доказывании наличия оснований для рассмотрения дела, а задача суда - в проверке, достаточности доказательств для рассмотрения дела, т.е. обоснованности обвинения.

Промежуточный характер рассматриваемого этапа обуславливает и особенности выводов, которыми завершается исследование представленных обвинением доказательств. Признавая доказательства достаточными, суд как бы исходит из презумпции, что если содержащаяся в них информация окажется достоверной, по делу будет постановлен обвинительный приговор. Проверка достоверности доказательств требует иной процессуальной формы, поэтому на данной стадии этот вывод не предрешается. Для решения основного вопроса уголовного процесса - вопроса о виновности - необходима гласная, демократичная и справедливая судебная процедура, основанная на состязательности и равноправии сторон. Однако заведомое отсутствие или очевидный недостаток доказательств виновности обвиненного в преступлении лица лишает судебное разбирательство смысла - его исход очевиден. Судебная процедура как наиболее справедливый способ установления истины становится ненужной, а функция судебной защиты реализуется посредством прекращения уголовного преследования

²⁸⁸ См.: Полянский Н. К вопросу о презумпции невиновности // Советское государство и право. - 1949. - №9. - С.63.

²⁸⁹ См.: Перлов И.Д. Указ. соч. - С.43.

ется посредством прекращения уголовного преследования или отказа в принятии уголовного дела к судебному разбирательству.

В связи с этим представляется ошибочным мнение, согласно которому обязанность судьи прекратить уголовное дело при установлении факта недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления (ст. 234 УПК РСФСР), возможность назначения судебного разбирательства лишь тогда, когда судья «видит перспективу постановления не приговора вообще, а именно обвинительного приговора»²⁹⁰, ориентирует судей на обвинительный уклон²⁹¹ и не соответствует задачам рассматриваемой стадии. Трудно усмотреть какой-либо смысл в назначении судебного разбирательства по уголовному делу при наличии очевидной перспективы постановления оправдательного приговора, в том числе и в связи с недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления. Как оправдательный приговор, так и постановление суда о прекращении уголовного дела являются судебными актами, в полной мере реабилитирующими обвиняемого. Более того, непрекращение уголовного дела на более раннем этапе, т.е. в процессе расследования, правомерно рассматривать как нарушение прав человека, необоснованно подвергаемого тяготам, сопровождающим процедуру судопроизводства. Отсутствие оснований для продолжения уголовно-процессуальной деятельности, на каком бы этапе процесса это ни было обнаружено, требует её немедленного прекращения.

Характерен в этом отношении следующий пример. Прокуратурой Автозаводского района г. Тольятти группе подростков было предъявлено обвинение в изнасиловании несовершеннолетней. Обвинение основывалось главным образом на показаниях обвиняемых. В ходе допросов на предварительном следствии все обвиняемые, кроме Т-ва, признали свою вину и изобличали друг друга. Однако в судебном заседании никто из подсудимых определенно не заявлял об участии Т-ва в изнасиловании. Потерпевшая, находившаяся в момент изнасилования в состоянии опьянения, давала противоречивые показания о количестве участников преступления и роли каждого из них. В ходе расследования объективных признаков совершения Т-вым полового акта не обнаружено. Рассматривавшая данное уголовное дело судебная коллегия Самарского областного суда возвратила его для производства дополнительного расследования, указав в определении на необходимость устранения противоречий в доказательствах, на которых основано обвинение Т-ва. Следовательно,

²⁹⁰ Бозров В.М. Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов ... - С.90.

²⁹¹ См.: Бозров В.М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России... - С.27.

повторно допросив всех участников преступления, указанных противоречий не преодолел и направил уголовное дело в суд в том же состоянии.

При таких обстоятельствах невозможность постановления обвинительного приговора в отношении Т-ва была очевидна уже в стадии предания суду. Однако суд оставил без внимания факт невыполнения органом расследования его же определения и назначил судебное заседание. Недоказанность участия Т-ва в инкриминируемом ему преступлении при повторном рассмотрении дела не вызывала сомнений. Прокурор от обвинения отказался, и Т-в был оправдан. Однако, как представляется, ошибка следствия могла быть устранена на более раннем этапе, во всяком случае - в стадии предания суду.

Оценка доказательств в стадии предварительного судебного разбирательства ограничивается их допустимостью и достаточностью. Рассмотрение вопроса о достоверности доказательств не входит в компетенцию суда на этой стадии. Содержащееся в Постановлении Конституционного Суда РФ № 5-П от 23.03.99 г.²⁹² положение, согласно которому при проверке в период предварительного расследования тех или иных процессуальных актов суд не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по уголовному делу, имеет прямое отношение к судебному контролю, осуществляемому в стадии назначения судебного заседания. Иное противоречило бы конституционному принципу независимости суда, гарантирующему объективное и беспристрастное осуществление правосудия.

Поскольку вопрос о виновности требует оценки достоверности всех имеющихся и дополнительно представленных сторонами доказательств²⁹³, возможной лишь в условиях их непосредственного исследования, его решение относится к исключительной компетенции суда, рассматривающего дело по существу. С учетом этого, прежняя редакция ст. 221 УПК РСФСР содержала относящееся к суду требование не предрешать в стадии предания суду вопрос о виновности обвиняемого²⁹⁴.

²⁹² См.: Российская газета. - 1999. - 15 апреля.

²⁹³ М.С.Строгович в связи с этим еще в 1926 году писал, что доказательственный материал судом должен изучаться не с точки зрения достоверности тех или иных имеющихся доказательств, а «лишь с точки зрения их достаточности для того, чтобы дело обратилось к рассмотрению в судебном заседании» (см.: Строгович М.С. Предание суду // Избранные труды. Т.2: Гарантии прав личности в уголовном процессе. - М., 1992. - С.15-16).

²⁹⁴ Стремление обеспечить независимость суда от предварительных выводов органов расследования в первые годы функционирования советской судебной системы сказалось на ограничении полномочий суда проверкой одного лишь обвинительного заключения. Ст.

На выполнение этого указания была сориентирована и судебная практика²⁹⁵. Требование это представляется безусловно справедливым, однако включение его в текст закона как бы заведомо говорит о возможности такого недопустимого в принципе предрешения, проблема которого в значительной степени имеет психологический характер и не может быть решена на законодательном уровне. Однако обнаружившаяся при рассмотрении дела по существу необъективность судьи, свидетельствующая о предрешении им вопроса о виновности, является доказательством его пристрастности и может рассматриваться как основание для отвода.

Прежде чем суд сможет оценить достаточность совокупности доказательств, он должен проверить допустимость каждого из них, поскольку доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения. Исключение недопустимых доказательств из судебного разбирательства способно существенно уменьшить их совокупность и повлиять на вывод о её достаточности для рассмотрения уголовного дела по существу.

Практика свидетельствует о том, что ошибки, допускаемые органами расследования при собирании доказательств, не только многочисленны, но и имеют комбинированный характер. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона, выражающиеся в нарушении процедуры доказывания - отступлениях от правил допроса, назначения экспертизы, иных следственных действий и т.п., ведут к сомнениям в достоверности полученных фактических данных, надежности собранных доказательств. Являющаяся следствием таких нарушений неполнота и односторонность расследования в свою очередь служит причиной принятия незаконных и необоснованных решений по уголовным делам.

236 УПК РСФСР того времени не разрешала суду исследовать имеющиеся в деле материалы следствия и дознания и предписывала принимать решение лишь на основании формального соответствия описательной и резолютивной частей обвинительного заключения (см. подробнее: Строгович М.С. Предание суду // Избранные труды. Т.2: Гарантии личности в уголовном судопроизводстве. - С.13-16). Такой порядок не гарантировал ни прав обвиняемого, ни контроля за расследованием. Не имея возможности ознакомиться с доказательствами, суд не мог проверить обоснованность выводов, изложенных в обвинительном заключении, и законность процесса расследования и достаточность собранных доказательств, но при этом был обязан утверждать обвинительное заключение, что лишало его возможности опровергать содержащиеся в нем выводы впоследствии.

²⁹⁵ См.: Постановление №8 Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами законодательства при предании обвиняемого суду» от 28 ноября 1980 года (с изменениями, внесенными постановлением Пленума №10 от 18 апреля 1986 г.) // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. - М., 1995. - С.202.

Исключение недопустимых доказательств из судебного разбирательства впервые предусмотрено в УПК РСФСР в 1993 году в нормах, регулирующих производство в суде присяжных (ст. 432 и 433 УПК). Однако положения, содержащиеся в ст. 50 (ч. 2) Конституции РФ (при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона), а также в ст. 69 УПК РСФСР (доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств, перечисленных в статье 68 УПК), позволяют считать правила об исключении из судебного разбирательства доказательств, признанных недопустимыми, общими для всех видов судебных производств по уголовным делам, а не только для предварительного слушания по делам, подсудным суду присяжных. Недопустимые доказательства подлежат исключению из судебного разбирательства в любой стадии процесса, независимо от того, будет ли рассматриваться дело судом присяжных, судьей единолично, судьей и народными заседателями или коллегией профессиональных судей. Вопрос об исключении таких доказательств должен решаться при назначении судебного разбирательства, в какой бы форме оно ни осуществлялось²⁹⁶. Следует согласиться с П.А.Лупинской, утверждавшей, что «в условиях, когда справедливость правосудия предполагает систему гарантий для защиты человека от неосновательного обвинения и осуждения, запрещает любые формы насилия над человеком для получения его показаний, защищает подозреваемого, обвиняемого от свидетельствования против самого себя, представляет ряду лиц свидетельский иммунитет, правила о допустимости доказательств приобретают особое значение как гарантия прав и свобод человека и гражданина и справедливости правосудия»²⁹⁷. Поэтому отсутствие указания на необходимость решения это-

²⁹⁶ См. об исключении в стадии предания суду доказательств, полученных с нарушением закона: Лупинская П.А. Основания и порядок принятия решений о недопустимости доказательств // Российская юстиция. - 1994. - №11. - С.2-5; Рябинина Т.К. Производство по уголовному делу в суде до судебного разбирательства. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. - Воронеж, 1995. - С.16; Григорьева Н. Исключение из разбирательства дела недопустимых доказательств // Российская юстиция. - 1995. - №11. - С.5-7; Чувилев А., Лобанов А. Плоды отравленного дерева // Российская юстиция. - 1996. - №11. - С.48; Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д., 1999. - С. 236.

²⁹⁷ См.: Лупинская П.А. Основания и порядок решения вопросов о недопустимости доказательств при рассмотрении дел судом присяжных // Рассмотрение дел судом присяжных: Научно-практическое пособие / Под ред. В.М.Лебедева. - М., 1998. - С.106. Мнение о том, что институт допустимости доказательств выступает как важ-

го вопроса в главе 20 УПК РСФСР и механизма принятия решения об исключении недопустимых доказательств не может рассматриваться в качестве оправдания следственных и судебных ошибок, однако препятствует реализации права участников уголовного процесса на справедливое разрешение дела. По одному из уголовных дел автором было заявлено ходатайство об исключении ряда доказательств, полученных с нарушениями уголовно-процессуального закона, граничащими с должностными преступлениями. Прокурор признал наличие указанных в жалобе адвоката нарушений, однако в удовлетворении ходатайства отказал, мотивируя это тем, что в УПК РСФСР отсутствует процедура исключения доказательств, полученных с нарушением закона. Поэтому, несмотря на наличие в законе общих указаний на недопустимость использования порочных доказательств, необходимо закрепить в УПК порядок признания доказательств недопустимыми.

Обязанность решить вопрос об исключении полученных с нарушением требований федерального закона доказательств из совокупности доказательственного материала, на наш взгляд, распространяется и на следователя, лицо, производящее дознание, прокурора, обязанных в силу ст. 70 (ч. 3) УПК РСФСР подвергнуть все собранные ими доказательства тщательной, всесторонней и объективной проверке, оценить доказательства по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности (ст. 71). Соответствие доказательства требованиям закона, т.е. допустимость, является одним из важнейших критериев их оценки.

Принимая решение о направлении уголовного дела в суд и обосновывая свои выводы о достаточности для рассмотрения дела совокупности имеющихся доказательств, следователь не может ссылаться на те из них, которые им оценены как недопустимые. Поэтому, хотя закон и не содержит определенных указаний на этот счет, не имеется никаких препятствий к вынесению следователями постановлений о признании доказательств недопустимыми, не имеющими юридической силы. Тем более не противоречит закону указание на недопустимость тех или иных доказательств в итоговом процессуальном решении следователя - постановлении о прекращении уголовного дела, обвинительном заключении.

Требование обоснованности выводов органа расследования предполагает оценку доказательств при принятии каждого процессуального решения. Доказательства могут быть отвергнуты следователем не только по признаку

нейшая гарантия прав и свобод личности, высказывается и другими авторами (см.: Ляхов Ю.А. Допустимость доказательств в российском уголовном процессе. - М., 1999. - С.7).

недопустимости, но и в связи с тем, что содержащаяся в них информация не имеет связи с предметом доказывания. Такие доказательства можно обнаружить в каждом деле о неочевидном на момент его возбуждения преступлении. Поэтому отсутствие указания в законе на обязанность следователя принимать решение по каждому доказательству не может быть оценено как допущение использования любых доказательств.

Вынесение специального постановления об исключении недопустимых доказательств²⁹⁸ представляется излишним, за исключением случаев, когда такое решение принимается по жалобе участника уголовного процесса. Удовлетворив жалобу, следователь или прокурор выносят соответствующее постановление, в котором фиксируется и решение об исключении доказательства²⁹⁹.

Констатация недопустимости доказательств может содержаться и в постановлении следователя о прекращении уголовного дела полностью или в части.

Решение об исключении недопустимых доказательств должен принимать и прокурор при поступлении к нему от органа расследования уголовного дела с обвинительным заключением. Установив, что органами дознания и предварительного следствия нарушены требования Уголовно-процессуального кодекса (п. 12 ст. 213 УПК), в том числе о порядке производства следственных действий по собиранию доказательств, прокурор обязан исключить из обвинительного заключения отдельные пункты обвинения (ст. 215 УПК), изменить список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание (ст. 216 УПК). При этом прокурор исключает из обвинительного заключения и те доказательства, которыми обосновывались исключенные пункты обвинения, в том числе показания свидетелей, исключенных им из списка лиц, подлежащих вызову в судебное заседание.

Приказ Генерального прокурора РФ № 31 от 18.06.97 г. «Об организации прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием», восполняя пробелы уголовно-процессуального законодательства, предписывает прокурорам не только «следить за недопустимостью использования доказательств, полученных с нарушением установленного законом порядка», но и «исключать из процесса доказывания доказательства, полученные с нарушением требований Конституции Российской Федерации, уголовно-процессуального законодательства». Однако целесообразность дополнения полномочий прокурора таким правом, например включением его в формулировку ч. 1 ст. 215 или ч. 2 ст. 216 УПК РСФСР, не вызывает сомнений.

²⁹⁸ Золотых В.В. Указ. соч. - С.229.

²⁹⁹ См.: Тенчов Э.С., Кузьмина О.В. Объективная истина и суд присяжных // Государство и право. - 1994. - № 11. - С.134.

Практика подтверждает обоснованность этого предложения, поскольку давно известна готовность значительной части следователей направить дело в суд с известными им «незначительными» пробелами в исследовании обстоятельств дела (это подтвердили 51,5% из 136 опрошенных следователей) или даже при наличии «незначительных» сомнений в доказанности обвинения. 28,5% следователей считают возможным отступление от процессуальных норм в целях преодоления возникающих при производстве расследования трудностей, 52,8% высказались за приоритет интересов расследования над моральными требованиями. Изучение автором уголовных дел, расследованных в 1999 году, свидетельствует, что пренебрежительно-нигилистическое отношение следователей к требованиям закона тенденции к уменьшению не имеет: нарушения процессуальной формы, процессуальное упрощенчество по-прежнему обнаруживаются в каждом деле. Различные проявления обвинительного уклона и некритичность в оценке принимаемых решений, выявленные при изучении следственных ошибок, продолжают иметь место. В каждом из изученных дел можно обнаружить стремление к искусственному расширению совокупности обвинительных доказательств. Так, по делам о незаконном обороте наркотиков в обязательном порядке допрашиваются понятые, принимавшие участие в «изъятии» наркотического вещества. К сожалению, происходящее при этом искажение функции понятых в печати иногда представляется как самой собой разумеющееся³⁰⁰.

Вместе с тем представляется, что указанным выше целям более соответствует закрепление требования о недопустимости использования при производстве по уголовному делу полученных с нарушением закона доказательств³⁰¹. В обвинительном заключении, поступившем в суд, таким образом, не должно остаться ссылок на доказательства, не отвечающие требованию допустимости. Однако поскольку обвинительное заключение отражает результаты работы органов, осуществляющих уголовное преследование, абсолютно объективная оценка ими своих действий недостижима. Поэтому осуществление контроля за обоснованностью обвинения допустимыми с

³⁰⁰ См.: Рассматривая понятого как свидетеля по принуждению, Ю.А.Дмитриев высказывает сожаление о том, что УПК РСФСР не предусматривает ответственности понятого за отказ от дачи свидетельских показаний (см.: Дмитриев Ю.А. Защита конституционных прав граждан в уголовной и конституционной юстиции // Государство и право. - 1999. - №6. - С.42).

³⁰¹ Сходное мнение высказано Ю.А.Ляховым, предлагающим включить в ряд статей нового Уголовно-процессуального кодекса указание на обязанность следователя и прокурора исключать недопустимые доказательства (см.: Ляхов Ю.А. Указ. соч. - С.26-29).

точки зрения закона доказательствами превращается в одну из основных задач предварительного судебного производства.

Проект УПК РФ, принятый Госдумой, предусматривает исключение недопустимых доказательств в стадии назначения судебного заседания по всем категориям уголовных дел, а не только рассматриваемых судом присяжных, как в действующем УПК. Однако формулировка этого положения в ст. 268 (п. 4) законопроекта юридически непротиворечива. В соответствии с проектом, судья должен выяснить, подлежат ли исключению доказательства, полученные с нарушением закона, что допускает принятие не только решения об исключении полученных с нарушением закона доказательств, но и противоположного. Между тем, положение ч. 2 ст. 50 Конституции РФ категорично: доказательство, полученное с нарушением закона, не может использоваться при отправлении правосудия. Следовательно, принимал решение о возможности назначения судебного заседания, суд может и должен рассмотреть вопрос о том, соблюдены ли требования уголовно-процессуального закона при собирании доказательств, имело ли место нарушение закона, допустимо ли данное доказательство, но не вопрос о том, как с ним поступить. В связи с этим требование об исключении доказательств, полученных с нарушением закона, должно быть сформулировано в законе в более категоричной форме, чем в рассматриваемом проекте УПК.

Рассмотрение процедуры исключения из судебного разбирательства недопустимых доказательств как гарантии прав и свобод участников уголовного процесса вызывает потребность обратить внимание на высказанное в науке мнение об асимметрии правил о допустимости доказательств. Согласно этому мнению, требование о допустимости относится лишь к доказательствам обвинения. Опираясь на презумпцию невиновности, авторы этого взгляда полагают, что исключение из разбирательства дела полученных следователем или лицом, производящим дознание, оправдывающих обвиняемого доказательств «было бы извращением сущности правил о допустимости доказательств и, более того, могло поощрять, толкать на злоупотребления органы расследования»³⁰². Такой взгляд, поддерживаемый и другими авторами³⁰³, представляется верным. Иное означало бы ухудшение положения обвиняемого и возлагало бы на него ответственность за допущенное органом расследования нарушение.

³⁰² Ляхов Ю.А. Указ. соч. - С.36.

³⁰³ См.: Стецовский А.И., Ларин А.М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. - М., 1988. - С.303; Григорьева Н. Указ. соч. - С.5.

Вместе с тем, в науке высказано и убедительно мотивировано несогласие с подобной постановкой вопроса, основанное на едином для обвинения и защиты перечне видов доказательств, содержащемся в ст. 69 УПК РСФСР³⁰⁴. Однако из справедливого суждения П.А.Лупинской о том, что поскольку защита не пользуется правом проведения следственных действий, она, в отличие от обвинителя, может представлять доказательства, полученные в свободной от процессуальной регламентации форме³⁰⁵, можно сделать вывод о её согласии с более жесткими требованиями к обвинительным доказательствам.

Значение вопроса о допустимости оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность доказательств не следует преувеличивать. Невинность презюмируется и в доказывании не нуждается, а сомнения в достоверности оправдательных доказательств, согласно общему правилу, толкуются в пользу обвиняемого. Безусловным является лишь требование о доказанности вины достаточной совокупностью допустимых доказательств, поэтому представляется, что, формулируя правила о допустимости доказательств, законодатель имел в виду доказательства обвинения.

Вопрос об исключении доказательств может быть разрешен в стадии назначения судебного заседания лишь в тех случаях, когда допущенное нарушение закона с очевидностью вытекает из материалов уголовного дела и не нуждается в их непосредственном исследовании. Например, при ознакомлении с материалами уголовного дела в стадии окончания расследования обвиняемые и их защитники обнаружили, что при проведении судебно-бухгалтерской экспертизы, заключение которой выступает в качестве основного доказательства обвинения, допущено грубое нарушение уголовно-процессуального закона: в качестве эксперта, вопреки прямому указанию п. 3а ст. 67 УПК РСФСР, было назначено лицо, ранее принимавшее участие в деле в качестве специалиста, а объектом экспертного исследования являлись документы, полученные до возбуждения уголовного дела, т.е. непроцессуальным путем, исключающим возможность не только проверить их подлинность этих документов, но и установить их полный перечень. Защитой в связи с этим было заявлено ходатайство об исключении данного доказательства как недопустимого и назначении повторной экспертизы,

³⁰⁴ См.: Лупинская П.А. Основания и порядок решения вопросов о недопустимости доказательств при рассмотрении дел судом присяжных... - С.125.

³⁰⁵ См.: Там же.

однако следователем в удовлетворении ходатайства было отказано на том основании, что данное нарушение закона, по его мнению, не имело места³⁰⁶.

Вправе ли суд назначить какую-либо проверку заявления участника процесса, если, например, тот ссылается на недозволённые методы ведения расследования - применение насилия, угроз в целях получения показаний и т.п.? Представляется, что основанием для исключения доказательств как недопустимых является наличие обоснованных сомнений в законности методов расследования. Суд вправе рассматривать такое заявление как повод к возбуждению уголовного дела, поскольку насилие и угрозы с целью получения показаний образуют состав преступления. Вопрос о возможности рассмотрения уголовного дела должен решаться, однако, вне зависимости от результатов проверки этого заявления с учетом остальных доказательств.

В соответствии со ст. 432 УПК РФ для проверки допустимости имеющихся в деле доказательств суд вправе огласить приобщенные к делу документы. Проект УПК (ст. 270) содержит еще большие возможности проверки допустимости доказательств, в том числе заслушивание лиц об обстоятельствах производства следственных действий, результаты которых поставлены под сомнение. Однако в случаях, когда нарушение закона, на которое ссылается участник процесса, не является очевидным, суду должно быть предоставлено право отложить рассмотрение ходатайства об исключении доказательства, а заинтересованному участнику - право повторно заявить такое ходатайство в судебном разбирательстве и обосновать его с учетом данных судебного следствия.

Применение судами правила о недопустимости доказательств, полученных незаконным путем, - один из способов ограничения произвола обвинительной и следственной властей. Призывы к соблюдению требований уголовно-процессуального закона не столь эффективны, как исключение обвинительного доказательства при наличии сомнений в соблюдении процедуры проведения того или иного следственного действия. Заслуживает внимания опыт США, где Верховный Суд при оценке допустимости доказательства, полученных в результате ареста или обыска, руководствуется прежде всего требованиями IV поправки к Конституции США, которая устанавливает проведение этих действий исключительно на основании судебного приказа³⁰⁷. Утверждение ордера на арест или обыск рассматривается как гарантия наличия достаточных оснований для ограничения прав личности, получение

³⁰⁶ В судебном заседании данное дело еще не рассмотрено, поэтому окончательно вопрос о допустимости данного доказательства пока не разрешен.

³⁰⁷ См. об этом: Пешков М.А. Указ. соч. - С.94 и сл.

доказательств вне этой правовой процедуры ведет к признанию их недопустимыми.

Использование этой практики в отечественных условиях способно изменить ситуацию с соблюдением прав обвиняемого и подозреваемого. Признание недопустимыми показаний обвиняемых и подозреваемых, полученных после незаконного ареста, задержания или в отсутствие защитника, представляется достаточно эффективной санкцией и действенным средством профилактики подобных нарушений. Отсутствие этой санкции не только не способствует повышению уровня законности предварительного расследования, но и позволяет ставить под сомнение законность и обоснованность приговоров, вступивших в законную силу. Не имеющие четких законодательных ориентиров, судьи оставляют без внимания многочисленные нарушения процессуальной формы, ставшие привычными, а потому как бы и неопасными.

Весьма типичным примером может служить уголовное дело по обвинению С-на в незаконном обороте наркотиков (ч. 4 ст. 228 УК РФ).

2 февраля 1999 года С-н был задержан по подозрению в совершении преступления. В тот же день осуществлявшим задержание работником органа дознания с соблюдением всех требований процедуры составлен «протокол осмотра места происшествия - одежды С-на А.А.» В ходе осмотра, как указано в протоколе, установлено: «... при себе в руках С-н имеет барсетку черного цвета, в которой находится пачка сигарет «Прима», в которой лежит целлофановый отрезок с веществом темно-коричневого цвета. Данное вещество упаковано в конверт в присутствии понятых, конверт опечатан» (редакция сохранена. - В.Л.). На следующий день, т.е. 3 февраля 1999 года, эксперт ЭКО ГУВД АСО дает справку о том, «что вещество, изъятое у С-на (?), представляет собой наркотическое вещество - опий», после чего это вещество направляется для производства экспертизы. Составленная экспертом ЭКО справка допустимым доказательством не является, так как такого способа привлечения специальных познаний УПК РСФСР не предусматривает, однако произведенное им вскрытие опечатанного в присутствии понятых конверта обуславливает недопустимость и заключения эксперта, поскольку обоснованные сомнения в том, что на экспертизу направлено изъятое у С-на вещество, непреодолимы.

5 февраля 1999 года следователь выносит постановление об обыске в квартире С-на и производит его без санкции прокурора, мотивируя её отсутствие «неотложностью» обыска. Между тем, в качестве основания обыска в постановлении указано на изъятие наркотического вещества у С-на, которое имело место 2 февраля, следовательно времени для получения санкции прокурора было вполне достаточно. Не исключало возможность

получения санкции прокурора и время проведения обыска - с 15.20 до 16.40. Добавим к этому, что протокол о разъяснении С-ну права на защиту составлен только 5 февраля, т.е. спустя 3 дня после задержания.

Вопрос о допустимости полученных при описанных условиях доказательств судом не обсуждался. Все они были использованы в мотивировочной части обвинительного приговора без каких-либо оговорок. Аналогичные нарушения процессуальной формы встречаются в каждом уголовном деле. Доводы адвокатов о недопустимости подобных методов собирания доказательств в протоколах судебного заседания не отражаются, в приговорах суда и определениях кассационной инстанции не опровергаются. Более того, попытки обратить внимание суда на сомнительность достоверности полученной подобным образом доказательственной информации зачастую встречают негативную реакцию со стороны суда.

В литературе обоснованно отмечается, что контроль судьи за обеспечением на предварительном следствии права обвиняемого на защиту заслуживает особого внимания³⁰⁸, поскольку это нарушение относится к числу существенных (ст. 345 УПК РСФСР). Однако следует заметить, что хотя в скрытом виде нарушение права на защиту широко распространено, в настоящее время обнаружить его довольно сложно. Поэтому прокуроры и суды при возвращении уголовных дел для дополнительного расследования обращают на него внимание крайне редко³⁰⁹. Тем не менее, нарушения права обвиняемых и подозреваемых на защиту по-прежнему имеют место. Если 10 лет назад при изучении следственных ошибок было выявлено, что каждому десятому обвиняемому и подозреваемому не разъяснены их процессуальные права, то в настоящее время в каждом уголовном деле имеется составленный на типовом бланке протокол разъяснения обвиняемому (подозреваемому) права на защиту, в котором под перечнем предусмотренных Конституцией РФ и УПК РСФСР прав стоит подпись обвиняемого (подозреваемого). Но практика выработала свои способы защиты от обвинений в нарушениях прав подозреваемого (обвиняемого) - обвиняемые не только подписывают соответствующий протокол, но и оставляют собственноручную запись о разъяснении им прав и об отказе от их реализации, в частности от права на приглашение защитника. Принудить обвиняемого (подозреваемого) к такой записи не сложно, поскольку лишенный, даже кратковременно, свободы, он находится полностью под влиянием следователя.

Приведем некоторые примеры.

³⁰⁸ См.: Радутная Н.В. Предварительное слушание // Рассмотрение дел судом присяжных: Научно-практическое пособие. - М., 1998. - С.40.

³⁰⁹ Характер. Причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного следствия. - М., 1990. - С.40.

По просьбе матери задержанного автору пришлось срочно выехать в изолятор временного содержания для участия в допросе Ч-ва, подозреваемого в умышленном убийстве. Шла вторая половина дня, а задержание Ч-ва имело место рано утром, поэтому к моменту прибытия адвоката допрос шел полным ходом и следователь милиции, ссылаясь на отказ подозреваемого от юридической помощи, не хотел допускать адвоката к участию в следственном действии. Добившись с помощью начальника следственного отдела перерыва в допросе и предоставления права на беседу с подозреваемым, адвокат с удивлением узнал, что допрос ведется уже более 2 часов, право не свидетельствовать против самого себя Ч-ву не разъяснено. В ходе начатого допроса Ч-в пытался объяснить следователю, что в интересующее его время (накануне ночью) поссорился с девушкой, много выпил и всю ночь ходил по подъездам. Лежащего в одном из них мужчину, оказавшегося убитым, видел, но подходил к нему или нет, совершал ли в отношении убитого какие-либо насильственные действия, не помнит, так как был сильно пьян. Откуда на изъятой у него куртке следы крови, объяснить не может. Лишь возобновив после перерыва допрос, следователь разъяснила подозреваемому принадлежащее ему в соответствии со ст. 51 Конституции РФ права и предложила расписаться об этом в протоколе допроса. По совету адвоката, Ч-в отказался от дачи показаний. В ходе дальнейшего расследования было установлено, что смерть потерпевшего наступила в результате острой сердечной недостаточности, а кровь на одежде Ч-ва принадлежит ему самому. Между тем, Ч-в ко времени прибытия адвоката уже был почти готов признаться в преступлении, которого не было.

По другому уголовному делу в квартире подозреваемого С-ва, задержанного в ночное время, был произведен несанкционированный обыск, процессуально оформленный как осмотр места происшествия. Квартира местом совершения преступления не являлась, а сам осмотр заключался в адресованном С-ву предложении «добровольно выдать незаконно изъятые им у гр-на П-ва деньги». Как следует из протокола, на это предложение С-в принес из второй комнаты пачку сторублевых купюр и положил их на стол. При пересчете купюр их оказалось четырнадцать, тогда как у потерпевшего было отобрано 12. Оперативный работник, осуществлявший «осмотр», отложил две купюры, остальные запечатал в конверт и направил на дактилоскопическую экспертизу. С-в впоследствии пояснил, что в ответ на требование выдать деньги принес весь запас хранящихся дома на «черный день» денег. Нарушения порядка производства обыска привели к очевидной недопустимости не только полученных при «осмотре» доказательств, но и к бессмысленности назначения экспертизы, поскольку присутствие отпечатков

пальцев С-ва на купюрах объяснялось тем, что он их держал в руках непосредственно перед изъятием.

Нарушения прав подозреваемых (обвиняемых) опасны как сами по себе, так и своими процессуальными последствиями. Нарушая процедуру собирания доказательств, органы расследования не упрощают, как полагают они сами, а затрудняют процесс доказывания виновности подозреваемого.

К сожалению, суд почти не реагирует на подобные нарушения уголовно-процессуального закона, и некачественно расследованные дела поступают в стадию судебного разбирательства. Сказанное позволяет констатировать, что предварительное судебное производство по-прежнему³¹⁰ не выполняет своей роли, его контрольная функция нуждается в усилении. Закрепление в УПК обязанности суда при назначении судебного заседания исключать полученные с нарушением закона доказательства - одно из средств повышения роли и эффективности предварительного судебного производства.

Не менее важным способом обеспечения прав личности является рассмотрение и разрешение ходатайств и заявлений обвиняемых, потерпевших, других заинтересованных лиц и организаций (п. 7 ст. 222, ч. 1 ст. 223 УПК РСФСР). Сравнение перечисляемых законом ходатайств (о допуске к участию в деле, о дальнейшем направлении дела, об истребовании дополнительных доказательств, об изменении меры пресечения, о гражданском иске и мерах его обеспечения) с вопросами, подлежащими разрешению при назначении судебного заседания, свидетельствует об их совпадении по значи-

³¹⁰ На недостаточную эффективность стадии предания суду обращалось внимание и в постановлении Пленума Верховного Суда СССР №8 «О практике применения судами законодательства при предании обвиняемого суду» от 28 ноября 1980 г. (с изменениями, внесенными постановлением Пленума №10 от 18 апреля 1986 г.): «Формальное отношение некоторых судей к выполнению задач, стоящих перед судом в данной стадии процесса, является одной из основных причин нарушения уголовно-процессуального законодательства при предании обвиняемого суду. В результате не все вопросы, перечисленные в ст. 222 УПК РСФСР и соответствующих статьях других союзных республик, выясняются надлежащим образом. Не всегда своевременно исправляются нарушения закона, допущенные органами дознания и предварительного расследования; иногда суду предаются лица, в отношении которых дело подлежало прекращению производством» (см.: Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. - М., 1995. - С.201).

тельному числу позиций, что является доказательством важности их рассмотрения именно при назначении судебного заседания. С другой стороны, заявление таких ходатайств перед судом чаще всего является показателем нарушения прав участников уголовного процесса в стадии предварительного расследования: необоснованном отклонении органом расследования ранее заявлявшихся ходатайств и заявлений³¹¹ или непринятии предусмотренных законом процессуальных решений, и усиливает значение предварительного судебного производства как формы судебного контроля за предварительным расследованием. Выявленная в ходе изучения следственных ошибок закономерность не случайна - более половины ошибок (55%) суд выявляет благодаря инициативе сторон. Если заявленное в суде ходатайство могло быть разрешено в стадии предварительного расследования, его заявление свидетельствует о невыполнении следователем какой-либо из возложенных на него обязанностей, даже в том случае, если аналогичное ходатайство ранее не заявлялось.

Например, по делу об умышленном убийстве З-ч следователь признал потерпевшим родного брата убитой. Однако при поступлении дела в суд выяснилось, что З-ч имеет мать, которая хотела бы реализовать статус потерпевшего, однако она не заявляла ранее об этом ходатайства, поскольку следователь, допросивший её в качестве свидетеля, принадлежащие ей права не разъяснил, чем нарушил требование ст. 53 и 136 УПК РФ. Суд принял правильное решение, признав своим определением мать З-ч потерпевшей и обеспечив ей, таким образом, возможность участвовать в судебном разбирательстве в этом качестве.

Заявления участников уголовного процесса и иных заинтересованных лиц и организаций о допуске к участию в деле, о прекращении уголовного дела, о принятии мер обеспечения гражданского иска, об истребовании дополнительных и исключении имеющихся в деле доказательств хотя и названы в законе ходатайствами, имеют характер жалобы. Особенно явно это видно на примере ходатайств, заявленных и отклоненных на предварительном следствии. Обращение с жалобой на действия органа, осуществляющего уголовное преследование, к прокурору, осуществляющему ту же функцию, не всегда эффективно. Практика в полной мере подтверждает обоснованность этого вывода: по делам со следственными ошибками, возвращенными судом для дополнительного расследования, зафиксированы недостатки прокурорского надзора, не заметившего не только неполноту и односто-

³¹¹ Как показывает практика, 69% отклоненных следователями ходатайств повторно заявляется в судебном заседании. Удовлетворение судом более 80% из них свидетельствует о необоснованности решений органов расследования.

ронность предварительного расследования (89%), но и ошибки в квалификации (15%) и существенные нарушения уголовно-процессуального закона (18%). Не удовлетворенные ответом следователя или прокурора (а иногда и того, и другого, поскольку отказ следователя в удовлетворении ходатайства обжалуется прокурору), участники уголовного процесса, как правило, повторно заявляют их в суде³¹². Поэтому от суда требуется не только установление обоснованности самой жалобы, но и причин, по которым она была отклонена органом уголовного преследования. Отклонение обоснованной жалобы правомерно рассматривать как нарушение прав участника уголовного процесса, поэтому предложение о включении в закон требования, обязывающего суд обеспечить контроль за деятельностью следователя по рассмотрению ходатайств участников уголовного процесса и проверять причину отклонения ходатайств³¹³, не утратило своей актуальности.

Рассмотрение жалоб участников уголовного процесса на нарушение их прав при производстве предварительного расследования является одной из важнейших форм судебного контроля за законностью предварительного расследования. Не рассмотрев всех связанных с расследованием претензий, суд не может приступить к эффективному рассмотрению дела по существу без того, чтобы не возвращаться к вопросу о нарушениях законов в ходе расследования в стадии судебного разбирательства, не усложнять и не затягивать её процедуры. Правильно организованное предварительное судебное производство не только устраняет и исправляет ошибки предварительного расследования, но и способно исключить саму процедуру судебного разбирательства.

Так, органами предварительного расследования Красноглинского РОВД г. Самары Р-ву было предъявлено обвинение в совершении хулиганства, выразившегося в перебранке с продавщицей киоска. В процессе попытки Р-ва открыть закрываемое продавщицей окно, через которое производился отпуск товара, с прилавка упала и разбилась одна бутылка пива, рассыпались газовые зажигалки, одна из которых пришла в негодность. Материалами уголовного дела, возбужденного по заявлению продавщицы, подтверждалось заявление Р-ва об обоюдном характере произошедшей ссоры, однако несмотря на ходатайство обвиняемого о прекращении уголовного дела, очевидность отсутствия в его действиях состава преступления, наличие протокола об административном правонарушении и квитанции об уплате Р-

³¹² Заметим, что судебный контроль по ряду показателей всегда был более эффективным средством исправления ошибок, чем прокурорский надзор. В частности, исследователи обращают внимание на более активное реагирование суда на недостатки проведения отдельных следственных действий (см.: Характер, причины и способы устранения ошибок предварительного следствия... - С.59).

³¹³ См.: Выдря М.М. Указ. соч. - С.7-8.

вым штрафа, суд назначил указанное дело к рассмотрению. Разбирательство в суде первой инстанции осуществлялось с участием прокурора и защитника в течение двух дней и завершилось обвинительным приговором. Лишь судебная коллегия по уголовным делам Самарского областного суда по кассационной жалобе адвоката прекратила уголовное дело в связи с отсутствием в действиях Р-ва состава преступления. Однако прокурор Самарской области, не согласившись с определением судебной коллегии, принес на него протест. Точка в этом деле была поставлена лишь президиумом областного суда, отклонившим протест прокурора. Многомесячного «хождения» по судебным инстанциям уголовного дела, получившего в областном суде название «дела о выеденном яйце», можно было избежать, остановив его уже на этапе назначения судебного заседания.

Таким образом, рассмотрение судом жалоб, заявлений и ходатайств участников уголовного процесса и иных заинтересованных лиц является, с одной стороны, средством судебного контроля за соблюдением органами предварительного расследования требований уголовно-процессуального закона. Однако с другой стороны, осуществляемый судом, в том числе и по жалобам заинтересованных лиц, контроль за предварительным расследованием служит одним из способов судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. Круг вопросов, с которым заинтересованное лицо после окончания расследования вправе обратиться в суд, не подлежит ограничению.

При рассмотрении уголовного дела суд осуществляет контроль за всеми действиями и решениями органов предварительного расследования, поэтому, как отмечалось выше, в рассуждениях о предмете контроля речь может идти не об ограничении круга подлежащих обжалованию процессуальных актов, а лишь об определении стадии судопроизводства, в которой восстановление нарушенного права является наиболее эффективным. Если отложение до стадии судебного разбирательства проверки законности и обоснованности действий и решения органов расследования, ограничивающих конституционные права и свободы личности, не является эффективным средством восстановления нарушенных прав, заинтересованным лицам должна быть обеспечена

возможность незамедлительного обращения в ходе расследования с жалобой в суд³¹⁴.

Однако в условиях, когда пределы судебного контроля за действиями и решениями следователя и лица, производящего дознание, непосредственно в стадии предварительного расследования законодателем ограничены решениями о заключении под стражу в качестве меры пресечения, а равно о продлении срока содержания под стражей (ст. 220-1, 220-2 УПК РСФСР),

об отказе в возбуждении, о прекращении и приостановлении производства по уголовному делу, о производстве обыска, наложении ареста на имущество и продлении срока предварительного следствия, а возможность его расширения, как уже было сказано, многими отрицается, основное бремя по контролю за действиями и решениями органа расследования сегодня ложится на предварительное судебное производство.

Перенос судебной проверки законности какого-либо действия или решения органа расследования на более поздний этап, т.е. в стадию назначения судебного заседания, не означает ограничения права на судебную защиту, он обусловлен необходимостью повышения эффективности судебной защиты. Например, жалобы на отказ в прекращении уголовного дела, даже при наличии оснований для прекращения, более целесообразно рассматривать по окончании расследования, когда следователь исчерпал все возможности для доказывания наличия оснований привлечения лица к уголовной ответственности. Отказ в принятии следователем такого решения хотя и причиняет заинтересованному лицу определенные неудобства, однако не затрагива-

³¹⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.99 г. по делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР // Российская газета. - 1999. - 15 апреля.

ет каких-либо его прав, выходящих за рамки уголовно-процессуальных отношений и не требует сам по себе незамедлительного реагирования, если только в ходе расследования не были нарушены иные права гражданина. Незавершенность процесса расследования не позволит суду принять правильное, обоснованное решение. Не вызываемое экстраординарными обстоятельствами, вмешательство суда в деятельность органа расследования не способствует повышению эффективности уголовного процесса и достижению целей правосудия. Отвлечение внимания от доказывания основного вопроса даже для решения таких важных проблем, как исключение недопустимых доказательств, истребование дополнительных доказательств, в процессе расследования не вызывается необходимостью немедленного восстановления конституционных прав и свобод. Осуществляемый по окончании расследования, судебный контроль на данном этапе уголовного процесса таким образом представляет собой своеобразный компромисс между требованием об обеспечении каждому права на судебную защиту от незаконных действий органов расследования и невозможностью осуществления такого контроля непосредственно в стадии предварительного расследования в полном объеме без того, чтобы не парализовать и предварительное следствие, и судебную систему потоком подлежащих рассмотрению жалоб и обращений граждан.

К сожалению, произведенные в 1992 году изменения в процессуальной регламентации порядка назначения судебного заседания отрицательно сказались на активности участников уголовного процесса. Если при изучении следственных ошибок еще обнаруживались случаи заявления сторонами ходатайств в стадии предания суду (3% от всех заявленных по изученным делам ходатайств)³¹⁵, то произведенный в настоящее время опрос адвокатов показал их полное безразличие к этой стадии. В значительной мере это объясняется тем, что отсутствие процессуальной формы рассмотрения ходатайств и заявлений не дает заинтересованной стороне оснований надеяться на их положительное разрешение.

§ 3. Процессуальные формы осуществления судебного контроля при назначении судебного заседания

Действующему законодательству известны две формы назначения судебного заседания. Общее правило, предусмотренное главой 20 УПК РСФСР, заключается в том, что все вышеперечисленные вопросы в стадии назначения судебного заседания разрешаются, а указанные в ст. 221 УПК

³¹⁵ См.: Меженцева А.Я. Значение ходатайств для устранения следственных ошибок // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве. - М., 1988. - С.111.

решения принимаются судьей единолично без участия сторон. Ранее существовавшее требование об обязательном рассмотрении дел несовершеннолетних и дел о преступлениях, за которые в качестве меры наказания может быть назначена смертная казнь, коллегией в составе судьи и двух народных заседателей в распорядительном заседании в 1992 году было упразднено, а с ним исчезла и та состязательность, которая, хотя и в ограниченной форме, была возможна в этой стадии процесса.

Процедура назначения судебного заседания по действующему законодательству таким образом чрезвычайно проста и заключается в изучении судьей материалов уголовного дела и вынесении одного из предусмотренных для этой стадии решений.

По делам, подсудным суду присяжных, дело назначается к судебному разбирательству в порядке предварительного слушания, которое также производится судьей единолично, однако с обязательным участием прокурора, обвиняемого, заявившего ходатайство о рассмотрении дела судом присяжных, его защитника. В соответствии со ст. 432 УПК предварительное слушание производится в особом процессуальном порядке, при котором участвующие в заседании стороны вправе заявлять ходатайства и высказывать свое мнение по всем обсуждаемым вопросам. При предварительном слушании обязательно ведение протокола.

Практически все правовые системы предусматривают ту или иную дифференциацию форм предания суду³¹⁶, что представляется оправданным. Две различные формы назначения судебного заседания предусматривает и принятый Госдумой в первом чтении проект нового УПК РФ. По общему правилу в соответствии со ст. 268 проекта судья рассматривает все необходимые вопросы единолично, однако ст. 270 содержит указание на право судьи провести предварительное слушание с вызовом сторон. Это обязательно:

1) при обнаружении судьей существенных нарушений уголовно-процессуального закона при проведении расследования;

³¹⁶ Например, в Англии по делам, рассматриваемым в порядке суммарного производства, стадия предания суду, как таковая, отсутствует. Получив заявление о преступлении, магистрат сразу приступает к рассмотрению дела. Однако если дело относится к категории так называемых «альтернативных преступлений», т.е. подлежащих рассмотрению как судом присяжных, так и магистратским судом в суммарном порядке (а круг таких дел Законом 1980 года существенно расширен), то магистрат прежде всего должен определить подсудность дела и при наличии предусмотренных законом оснований для рассмотрения дела судом присяжных передать дело в Суд короны, о чем объявляется обвиняемому. До 1994 года процедура предания суду выглядела как обычный процесс: обвинитель мог выступить перед судом с

2) при наличии ходатайств о направлении уголовного дела для дополнительного расследования, изменения обвинения, прекращения дела, назначения экспертизы и других заявлений и ходатайств, имеющих значение по делу;

3) при наличии ходатайств о признании доказательств недопустимыми;

4) по делам, рассматриваемым судом присяжных.

Указанный перечень охватывает все спорные вопросы, разрешение которых требует дополнительных гарантий и учета позиций сторон. Поэтому следует признать правильным мнение о том, что проведение распорядительного заседания или предварительного слушания в тех случаях, когда по делу не возникло спорных вопросов, является ненужной формальностью³¹⁷, не вызывается необходимостью и не способствует усилению гарантий прав личности против необоснованного осуждения, а напротив, ведет к затягиванию процесса принятия справедливого решения. Следует разделить высказанную в прошлом веке точку зрения профессора Венского университета, министра юстиции Австрии Глазера: если предание суду - это гарантия обвиняемому от неправильного и произвольного преследования, то незачем навязывать эту процедуру всем обвиняемым независимо от их желания, этот институт следует использовать только в отношении тех обвиняемых,

обоснованием своей позиции и представить для допроса свидетелей обвинения, защитник имел право, но не был обязан сообщать свою позицию до рассмотрения дела по существу. Постепенно практика упростила эту процедуру, сохранив её лишь для тех случаев, где имелись возражения со стороны защиты против передачи дела в Суд короны без исследования обвинительных доказательств. Законом 1994 года в обязанности магистратов оставлено лишь выяснение вопроса о том, намерен ли обвинитель поддерживать обвинение в суде, и лишь при наличии заявления со стороны обвиняемого о прекращении дела за недоказанностью обвинения суд проверял обвинительные доказательства. Однако в 1996 году принятым Законом об уголовном процессе и расследованиях проверка магистратом обоснованности обвинения

по всем делам восстановлена. После передачи дела в Суд короны им производится предварительное (с участием присяжных) или подготовительное слушание (без участия присяжных), где в числе прочих решается вопрос о допустимости представленных в суд доказательств (см.: Апарова Т.В. Суды и судебный процесс Великобритании. - М., 1996. - С.99 и след.).

³¹⁷ См.: Рябинина Т.К. Указ. соч. - С.18. Аналогичное мнение высказывалось и ранее (см.: Астафьев Ю.В. Указ. соч. - С.17; Михайлова Т.А. Предание суду в советском уголовном процессе. - М., 1981. - С.9). По делам о незначительных преступлениях, расследование по которым, как правило, не представляет сложности, нет смысла устанавливать коллегиальный судебный контроль, отмечал И.Д.Перлов. (см.: Перлов И.Д. Указ. соч. - С.35).

которые обжаловали обвинительный акт³¹⁸. Эти идеи были восприняты Австрийским Уставом уголовного судопроизводства 23 мая 1873 года, закрепившим факультативный принцип предания суду.

Сказанное не означает, что в тех случаях, когда назначение судебного заседания осуществляется вне предварительного слушания, судебный контроль за законностью предварительного расследования, соблюдением прав и свобод граждан, обоснованностью обвинения отсутствует. Он осуществляется в иной, более простой форме - путем изучения судьей материалов уголовного дела. При этом предусмотренное проектом УПК право судьи провести предварительное слушание с участием сторон (ч. 1 ст. 270) не имеет ограничений, что означает наличие принципиальной возможности проведения предварительного слушания по любому уголовному делу. Усмотрев в ходе изучения дела нарушения уголовно-процессуального законодательства, наличие доказательств, вызывающих сомнение в их допустимости, и других вопросов, препятствующих назначению судебного заседания и требующих принятия решения до его назначения, судья должен вынести дело на предварительное слушание. Возникновение у суда сомнений в обоснованности вывода о наличии в действиях обвиняемого состава преступления, достаточности для рассмотрения дела доказательств, законности той или иной процедуры означает его несогласие с мнением прокурора, изложенным в обвинительном заключении. Принятие судом решения без заслушивания объяснений обвинителя ущемляет права последнего, ограничивает состязательность и равноправие сторон.

Обязательным, на наш взгляд, должно быть проведение предварительного слушания в случае заявления участниками уголовного процесса жалоб или ходатайств. Лицо, подавшее в суд жалобу на действия органа расследования или заявившее ходатайство, в том числе об исключении недопустимых доказательств, прекращении уголовного дела, должно иметь возможность лично обосновать свое заявление, т.е. участвовать в решении вопроса о назначении судебного заседания.

С учетом сказанного следует признать, что существующий в настоящее время общий порядок назначения судебного заседания, не предусматривающий внесения дела в распорядительное или подготовительное заседания при наличии правового спора, в том числе и для решения вопроса о возвра-

³¹⁸ См. об этом: Перлов И.Д. Указ. соч. - С.57. При этом Глазер отмечал, что процедура предания суду усложняет положение обвиняемого, ибо у суда возникает сильная презумпция виновности в случае, если камера предания суду сочтет его доводы несостоятельными, и, кроме того, сильно замедляет процесс, и рекомендовал избегать этой процедуры по тем делам, где не имеется жалоб обвиняемого на обвинительный акт.

щении уголовного дела для дополнительного расследования, исключения из судебного разбирательства доказательств, полученных с нарушением требований уголовно-процессуального закона, изменения меры пресечения, не способствует повышению эффективности судебного контроля. При этом не только участник уголовного процесса, заявивший ходатайство об исключении недопустимых доказательств или о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования, не может обосновать перед судом справедливость своих утверждений, но и орган обвинительной власти также лишен возможности возражать против заявленного ходатайства. При таком положении суд не в состоянии принять правильного решения по заявленному ходатайству и вынужден отложить его разрешение до судебного разбирательства. Стадия предварительного судебного производства в том виде, в каком она сейчас существует, не способна выполнять возлагаемые на неё задачи и нуждается в немедленном реформировании.

Вопрос о состязательности в стадии предания суду всегда считался спорным. Законодательство царской России не допускало защиту в стадии предания суду даже в эпоху судебной реформы 1864 года. Отрицательно относились к возможности участия сторон в распорядительном заседании и советские ученые. «Предложение придать состязательность распорядительному заседанию противоречит самой сущности этой стадии процесса, в которой вопрос о виновности обвиняемого не решается, а прокурор не является обвинителем», - писал В.А.Теплов³¹⁹. Однако это мнение представляется ошибочным. С передачей дела в суд функция прокурора претерпевает изменения. Его действия и решения подвергаются столь же тщательному судебному контролю, как и действия и решения следователя. Направляя дело в суд, прокурор заявляет о своей готовности поддержать обвинение, предъявленное органами расследования, т.е. заявляет о себе как об обвинителе. Называя деятельность суда в этой стадии надзором за законностью³²⁰, М.М.Выдря уже тогда категорически возражал против утверждений, согласно которым прокурор в этой стадии осуществляет надзор за законностью выносимых судом (судьей) решений (определений и постановлений)³²¹.

³¹⁹ См.: Теплов В.А. Определение суда первой инстанции по уголовному делу. - Саратов, 1977. - С.58.

³²⁰ См.: Выдря М.М. Указ. соч. - С.9.

³²¹ См.: Басков В.И. Прокурор в суде первой инстанции. М., 1968. - С.73; Юркевич Н.А. Реализации правообеспечительной функции в стадии предания обвиняемого суду... - Л., 1989. - С.17.

Признавая назначение судебного заседания правосудием³²², логично распространить на эту стадию все демократические принципы судопроизводства, в том числе принцип состязательности и равноправия сторон³²³. Предварительное слушание должно быть состязательным. Поскольку в этой стадии решается вопрос о достаточности доказательств для рассмотрения уголовного дела в суде, а следовательно, при подтверждении их достоверности в судебном заседании и для обвинительного приговора, то обвиняемому и его защитнику должно быть предоставлено право оспаривать это утверждение. Выслушивание мнений сторон по спорным вопросам, несомненно, поможет их правильному разрешению судом. Участие сторон, в особенности стороны защиты, позволит суду избежать многих неожиданностей, которые могут возникнуть в судебном разбирательстве дела, устранить ошибки в квалификации преступления, и формализм в деятельности суда будет способствовать более глубокому изучению обстоятельств дела.

Развитие уголовно-процессуального законодательства подтвердило правильность такого взгляда, прямо закрепив состязательность предварительного

³²² Взгляд на предание суду как на способ осуществления правосудия является спорным. По разделяемому нами мнению В.М. Бозрова, понятием правосудие охватываются все формы судебной деятельности (см.: Бозров В.М. Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам... - С.18, 32). Об ином взгляде на этот вопрос см., например: Юркевич Н.А. Указ. соч. - С.14.

³²³ За расширение состязательности в стадии предания суду выступал и Л.Д.Кокорев, справедливо полагая, что стороны должны иметь возможность оспаривать или обосновывать основания предания суду (см.: Кокорев Л.Д. Судебная реформа: идеи и реальность // Служение истине. Научное наследие Л.Д.Кокорева. - Воронеж, 1997. - С.338).

слушания по делам, подсудным суду присяжных. Статья 429 УПК РСФСР гласит: «Предварительное слушание и производство в суде присяжных основываются на принципе состязательности». Однако учитывая особенности рассматриваемой стадии, следует согласиться и с суждением об ограниченности предоставленных участникам предварительного слушания средств ведения спора возможностью выражения противоборствующих позиций³²⁴.

Введение состязательного предварительного слушания во всех случаях, когда возникает необходимость учесть до принятия решения мнение сторон, позволит принять предложение Н.В.Радутной о допущении назначения в этой стадии экспертизы³²⁵. Несмотря на то, что ст. 432 УПК такой возможности не предусматривает, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 9 от 20 декабря 1994 г. «О некоторых вопросах применения судами уголовно-процессуальных норм, регламентирующих производство в суде присяжных» практически создал норму, допускающую по ходатайствам, заявленным в предварительном слушании государственным обвинителем, потерпевшим, обвиняемым и его защитником, производство экспертизы, «если обстоятельства, имеющие значение для дачи заключения, не требуют дополнительного выяснения и если при этом не нарушаются права обвиняемого и других участников процесса, установленные уголовно-процессуальным законом»³²⁶. Отсутствие в настоящее время возможности назначить экспертизу в этой стадии процесса, вынуждает суд возвратить уголовное дело для дополнительного расследования в связи с его неполнотой или откладывать решение этого вопроса до судебного заседания. Назначение экспертизы в судебном заседании осложняет и затягивает процесс рассмотрения дела. Предложение Н.В.Радутной устраняет эти проблемы.

Обязательное участие государственного обвинителя, обвиняемого и его защитника в предварительном слушании предусмотрено и ст. 270 проекта УПК. Содержащееся в ч.3 данной статьи проекта указание на обязательность вызова сторон позволяет считать, что и за другими участниками уголовного процесса, в том числе потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями, признается право участия в предварительном слушании дела, что безусловно заслуживает одобрения. Представляется однако, что ч. 4 ст. 270 проекта, согласно которой неявка указанных лиц не препятствует рассмотрению дела в порядке предвари-

³²⁴ См.: Бозров В.М., Кобяков В.М. Некоторые процессуальные аспекты назначения судебного заседания и порядка предварительного слушания в суде присяжных // Государство и право. 1996. - №6. - С.26.

³²⁵ См.: Радутная Н.В. Предварительное слушание // Рассмотрение дел судом присяжных: Научно-практическое пособие / Под ред. М.Лебедева. - М., 1998. - С.53.

³²⁶ См.: Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. - М., 1995. - С.573.

тельного слушания, не вполне гарантирует их процессуальные права. В этой связи вызывает возражение утверждение, что права потерпевшего достаточно обеспечены требованием о его уведомлении о времени предварительного слушания. Мнение о том, что «прокурор и потерпевший выполняют единую функцию обвинения, а присутствие прокурора, представляющего наряду с интересами государства интересы потерпевшего, вполне компенсирует пробел, связанный с отсутствием последнего»³²⁷, представляется не совсем верным. Во-первых, вопрос о том, какую функцию осуществляет потерпевший, относится к числу дискуссионных³²⁸. Во-вторых, даже осуществляющий обвинительную деятельность, потерпевший самостоятелен, не связан с позицией государственного обвинителя.

Реализация прокурором права отказаться от обвинения влечет в соответствии со ст. 430 (ч. 2) УПК РСФСР и ст. 275 (ч. 1) проекта УПК прекращение уголовного дела. Это решение государственного обвинителя затрагивает интересы потерпевшего и в определенной мере гражданского истца, поэтому закон гарантирует их процессуальные права, в частности, право потерпевшего на продолжение обвинительной деятельности³²⁹. Поскольку суд в этом случае вправе прекратить уголовное дело лишь при отсутствии возражений со стороны потерпевшего (ч. 2 ст. 430 УПК РСФСР), выяснение его позиции по этому вопросу является обязательным условием принятия судом решения. Право потерпевшего на осуществление обвинительной дея-

³²⁷ Радутная Н.В. Предварительное слушание ... - С.45-46.

³²⁸ На наш взгляд, обвинение для потерпевшего - лишь один из тех способов, которые закон предоставил ему для защиты своих прав. Мнение о том, что потерпевший в уголовном процессе прежде всего защищает свои интересы и не всегда выражает готовность к обвинительной деятельности, высказывалось и другими авторами (см.: Каз Ц.М. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. - Саратов, 1968. - С.33; Яни П.С. Обеспечение прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1995. - С.115; Петухов Ю.Е. Соотношение публичного и частного обвинения в уголовном процессе. Дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1996. - С.140-144; Вавилова Л.В. Организационно-правовые проблемы защиты жертв преступлений (по материалам зарубежной практики). Дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1995. - С.84-86 и др.).

³²⁹ Предложение ряда авторов о предоставлении потерпевшему права не только выступать в качестве сообвинителя или субсидиарного обвинителя, но и самостоятельно осуществлять обвинительную деятельность, на наш взгляд, обоснованно (см.: Петрова Н.Е. Указ. соч. - С.11-15; Эльдаров М. Потерпевшему дать права частного обвинителя // Российская юстиция. - 1997. №8. - С.18; Абабков А. Защитить права потерпевшего // Российская юстиция. 1997. №3. - С.16-17; Кадьшева Т., Ширинский С. Расширить права потерпевшего // Российская юстиция. - 1998. №31. - С.14; Волосова Н. Об институте сообвинения // Российская юстиция. - 1998. 34. - С.11).

тельности может быть обеспечено лишь закреплением в УПК РФ требования об обязательном участии потерпевшего в предварительном слушании.

В проекте УПК четкое решение этого вопроса отсутствует. В соответствии с ч. 1 ст. 275 проекта в случае отказа прокурора от обвинения судья выносит постановление о прекращении уголовного дела. При этом проект не содержит указания на связанность судьи мнением потерпевшего, что не соответствует ст. 27 того же проекта, в силу которой потерпевший имеет право участвовать в уголовном преследовании обвиняемого (ч. 1), а отказ прокурора от обвинения не лишает потерпевшего права поддерживать обвинение (ч.3). В этом отношении ст. 430 действующего УПК представляется более последовательной.

Обеспечению права на судебную защиту будет способствовать и принятие предложения о предоставлении заинтересованным лицам возможности ознакомиться с материалами уголовного дела³³⁰ до назначения судебного заседания, а не после него³³¹, как предусматривают и действующий Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и проект нового УПК (ст. 276). Ознакомление участников уголовного процесса с материалами уголовного дела до назначения судебного заседания более эффективно, поскольку способствует выявлению недостатков предварительного расследования на более раннем этапе процессуальной деятельности, своевременному заявлению и разрешению жалоб и ходатайств. Очевидно, судьями это понимается, поскольку никто из опрошенных адвокатов не указал на непредставление возможности ознакомиться с делом в связи с тем, что определение о назначении судебного заседания еще не вынесено. К этому же направлено содержащееся в проекте УПК (ст. 254) правило о вручении обвиняемому, а также защитнику и потерпевшему, если они об этом ходатайствуют, копии обвинительного заключения до направления уголовного дела в суд.

Гарантией прав участников уголовного процесса является обязательное ведение при предварительном слушании протокола судебного заседания, в котором отражается весь ход судебного заседания, участвующие в нем лица, заявленные ими жалобы и ходатайства, их позиции во всем обсуждаемым вопросам. В принимаемом судьей решении должны быть отражены мотивы внесения дела на предварительное слушание. В тех случаях, когда предварительное слушание не производится, ответ на указанные в ст. 222 УПК РСФСР вопросы излагается судьей в принимаемом им решении.

³³⁰См., например: Астафьев Ю.В. Право на защиту в стадии предания суду. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. - Харьков, 1989. - С.11-12. О расширении прав участников уголовного процесса в этой стадии писали и И.Д.Перлов, М.М.Выдря, Т.А.Михайлова и др.

³³¹См.: Бозров В.М., Кобяков В.М. Указ. соч. - С.23.

Решение судьи выносится в форме постановления (ст. 229 УПК РСФСР), в котором указывается время и место его вынесения, должность и фамилия судьи, вынесшего постановление, основания и существо принятых решений. Решение, принятое при предварительном слушании, должно быть оглашено. Закон не содержит указания на обязанность судьи уведомить заинтересованных лиц, отсутствовавших при производстве предварительного слушания, а также в тех случаях, когда предварительное слушание не проводилось, о принятом решении. Хотя право участников уголовного процесса

на соответствующую информацию обеспечивается требованием об уведомлении лица, заявившего ходатайство, о результатах его рассмотрения (ч. 2 ст. 223), о вручении подсудимому копии постановления судьи, которым изменены обвинение, мера пресечения или список лиц, подлежащих вызову в суд (ч. 2 ст. 237), вручении копии постановления о прекращении уголовного дела лицу, привлекавшемуся к уголовной ответственности, и потерпевшему (ст.234), этого представляется недостаточно. При существующей сегодня процедуре назначения судебного заседания о принятии некоторых решений (о возвращении дела на дополнительное расследование, приостановлении дела или направлении его по подсудности) участники уголовного процесса не извещаются. Гражданский истец и гражданский ответчик не уведомляются и о прекращении уголовного дела. Извещение защитника о принятом решении осуществляется лишь в случае назначения судебного заседания ввиду необходимости обеспечить его участие. В связи с этим до тех пор, пока не принят новый УПК РФ, предусматривающий проведение предварительного слушания с участием сторон при наличии любого спорного вопроса, следовало бы закрепить в УПК РСФСР обязанность судьи извещать участников уголовного процесса о любом принятом им решении.

УПК РСФСР устанавливает предельный срок решения вопроса о назначении судебного заседания. Этот срок равняется 14 суткам с момента поступления дела в суд, если обвиняемый содержится под стражей, и одному месяцу по всем остальным делам (ч. 2 ст. 223-1). Увеличение срока назначения судебного заседания по делам, по которым обвиняемый не содержится под стражей, не находит разумных объяснений, в связи с чем ст. 268 проекта УПК, устанавливающая единый для всех дел срок решения этого вопроса, представляется более приемлемой.

По-разному решается в УПК РСФСР и указанном проекте и вопрос о сроках рассмотрения дела после назначения судебного заседания. По действующему законодательству (ст. 239 УПК РСФСР) рассмотрение дела должно быть начато не позднее 14 суток с момента вынесения судьей по-

становления о назначении судебного заседания. Проект УПК (ст. 279) устанавливает общий срок в 14 суток с момента вынесения постановления о назначении судебного заседания, который продляется до тридцати суток по делам особой сложности или рассматриваемым с участием присяжных заседателей. Такая дифференциация оправдана, поскольку подготовка к рассмотрению сложного дела или созыв присяжных заседателей требуют дополнительного времени.

Проект УПК (ст. 268) сохраняет предусмотренный действующим законом (ст. 221 УПК РСФСР) перечень возможных в рассматриваемой стадии решений:

- о назначении судебного заседания;
- о возвращении дела для производства дополнительного расследования;
- о приостановлении производства по делу;
- о направлении дела по подсудности;
- о прекращении дела.

Однако представляется, что в рассматриваемой стадии возможны два основных вида судебных решений, зависящих от ответа на главный вопрос о наличии или отсутствии возможности рассмотрения уголовного дела по существу: назначить судебное заседание (передать обвиняемого суду) или отказать в его назначении.

Каждое из этих решений влечет различные последствия. Так, принятие решения о назначении судебного заседания означает необходимость совершения судьей действий, связанных с подготовкой дела. Судья обеспечивает обвинителю, подсудимому, защитнику, а также потерпевшему и его представителю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям возможность ознакомиться с делом и выписывать из него необходимые сведения (ст. 236 УПК РСФСР), вручает подсудимому копию обвинительного заключения (ст. 237 УПК РСФСР), дает распоряжения о вызове в судебное заседание лиц, указанных в обвинительном заключении, обеспечивает вручение им судебных повесток, принимает иные необходимые меры (ст. 238 УПК РСФСР).

В случае отказа судьи передать обвиняемого суду необходимость в совершении указанных действий отсутствует. Конкретный вид решения об отказе в придании обвиняемого суду и последующие за ним действия судьи определяются характером причин, обуславливающих невозможность рассмотрения дела в судебном заседании.

Решение о назначении судебного заседания в соответствии со ст. 223-1 УПК РСФСР принимается в том случае, если судья, исследовав материалы уголовного дела и выяснив перечисленные в ст. 222 вопросы, приходит «к выводу, что при расследовании соблюдены все требования настоящего

Кодекса по обеспечению прав гражданина, привлеченного в качестве обвиняемого, отсутствуют иные препятствия для рассмотрения дела в суде». Эта формулировка практически в неизменном виде повторена статьей 271 проекта УПК РФ. Принимая решение о назначении судебного заседания, судья исходит из основанного на изучении материалов уголовного дела **предположения** о том, что расследование по делу произведено полно, объективно и всесторонне, с соблюдением требований уголовно-процессуального закона и что имеющихся доказательств, в случае подтверждения в судебном заседании их достоверности, достаточно для постановления обвинительного приговора, поэтому постановление о назначении судебного заседания не должно содержать утверждений, свидетельствующих о предрешении судьей вопроса о виновности обвиняемого³³².

Решение о назначении судебного заседания основывается на рассмотрении судьей всех указанных в ст. 222 УПК вопросов. Поэтому в указанном определении излагается принятое судом решение о мере пресечения, допуске к участию в деле, истребовании дополнительных и исключении недопустимых доказательств. При этом судья вправе исключить из обвинительного заключения отдельные пункты обвинения или применить уголовный закон о менее тяжком преступлении с тем, однако, чтобы новое обвинения по своим фактическим обстоятельствам не отличалось существенно от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении. Таким образом, назначая судебное заседание, судья устраняет те недостатки расследования, которые препятствуют эффективному рассмотрению уголовного дела, однако не относятся к числу обстоятельств, исключающих рассмотрение дела по существу.

Отказ в предании суду и назначении по делу судебного заседания обусловлен невозможностью рассмотрения уголовного дела по существу, наличием таких ошибок или нарушений требований уголовно-процессуального закона, которые являются препятствием к эффективному осуществлению правосудия. Способы реагирования судом на допускаемые в ходе расследования ошибки и нарушения закона зависят от характера ошибок или нарушений.

Если дело не может быть рассмотрено по существу в связи с его неподсудностью данному суду, судья выносит постановление о направлении дела по подсудности (ч. 3 ст. 231 УПК РСФСР). Все остальные вопросы в этом случае подлежат разрешению тем судом, которому подсудно данное дело. Такое решение означает отказ в назначении судебного заседания лишь тем

³³² Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. - М., 1995. - С.202.

конкретным судом, направление которому уголовного дела вызвано ошибкой в определении подсудности.

Если к моменту рассмотрения вопроса о назначении судебного заседания выясняется, что обвиняемый скрылся и местопребывание его неизвестно, судья выносит постановление о приостановлении производства по делу впредь до розыска обвиняемого, а дело возвращает прокурору (ч. 1 ст. 231 УПК РСФСР). Аналогичное решение принимается в случае подтвержденного врачом тяжкого заболевания обвиняемого, исключающего возможность его участия в судебном заседании. В этом случае дело приостанавливается до выздоровления обвиняемого (ч. 2 ст. 231 УПК РСФСР).

Проект УПК РФ (ст. 273) предусматривает еще два основания для приостановления производства по уголовному делу:

- принятие Конституционным Судом РФ к рассмотрению жалобы на нарушение прав и свобод граждан уголовным законом, примененным или подлежащим применению в данном уголовном деле;

- наличие запроса суда в Конституционный Суд РФ о проверке конституционности закона, примененного или подлежащего применению в данном уголовном деле.

Оба основания связаны с переживанием страной периода реформирования его законодательной системы, сопровождающегося естественными противоречиями между новыми и ранее принятыми законами. Приостановление производства по уголовному делу до принятия решения Конституционным Судом РФ по направленным ему запросу суда или жалобе гражданина представляется оправданным.

Отказ в назначении судебного заседания в этих случаях также не связан с дефектами предварительного расследования и является временной мерой. Судья принимает решение о назначении судебного заседания, как только отпадают препятствия к рассмотрению уголовного дела.

Иной характер носит отказ в назначении судебного заседания в связи наличием таких обстоятельств, которые свидетельствуют о невозможности рассмотрения дела по существу. В зависимости от устранимости этих обстоятельств суд принимает одно из следующих решений: возвращает уголовное дело для дополнительного расследования или прекращает его.

Основания к возвращению уголовного дела для дополнительного расследования указаны в ст. 232 УПК РСФСР. Ими являются:

1) неполнота произведенного дознания или предварительного следствия, которая не может быть восполнена в судебном заседании;

2) существенное нарушение уголовно-процессуального закона органами дознания или предварительного следствия;

3) наличие оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении;

4) наличие оснований для привлечения к уголовной ответственности по данному делу других лиц при невозможности выделить о них материалы дела;

5) неправильное соединение или разделение дела.

Наиболее острой является проблема возвращения уголовного дела для дополнительного расследования. Концепция судебной реформы называет это право суда рудиментом его прежней обвинительной роли³³³. Однако сравнительно новая норма действующего УПК (ч. 3 ст. 429) сохраняет право суда направить дело на дополнительное расследование «по ходатайству прокурора, потерпевшего, подсудимого и его защитника в случае, когда в ходе судебного разбирательства были выявлены новые, имеющие существенное значение для дела обстоятельства, исследование которых в судебном заседании невозможно без проведения дополнительного расследования».

В пользу ликвидации института дополнительного расследования свидетельствует бесспорный, казалось бы, аргумент: недостаточность доказательств для обвинительного приговора является законным и достаточным основанием для оправдания. Если суд вместо оправдания подсудимого (или прекращения дела) за недостаточностью улик возвращает дело для производства дополнительного расследования, он выступает не просто как заинтересованная сторона, но как сторона, заинтересованная в обвинительном приговоре. Дополнительное расследование необходимо именно для собирания дополнительных обвинительных доказательств³³⁴, поскольку обвинительный приговор не может быть вынесен при наличии сомнений в доказанности обвинения. Такие сомнения - основания для постановления судом оправдательного приговора. Кроме того, сама возможность дополнительного расследования принадлежит по действующему законодательству лишь одной из сторон, ибо те возможности по собиранию доказательств, которыми наделены обвиняемый и его защитник, как правило, могут быть реализованы в судебном разбирательстве. Поэтому сохранение за судом права воз-

³³³ Концепция судебной реформы в РФ... - С.85.

³³⁴ В литературе отмечается, что направив дело в суд, органы предварительного расследования уже реализовали предоставленную им возможность по собиранию доказательств, и если суд не считает эти доказательства достаточными для вывода о виновности обвиняемого, он должен постановить оправдательный приговор (см.: Тэймэн С. Суд присяжных в современной России глазами американского юриста // Государство и право. - 1995. - №2. - С.67-76).

вращать дело прокурору по его ходатайству или под предлогом процессуального нарушения, по мнению некоторых исследователей, делает состязательность «не более чем лукавой декларацией»³³⁵.

Однако ст. 429 УПК РСФСР заставляет взглянуть на рассматриваемый вопрос и с другой стороны. Связав возможность принятия такого решения с ходатайством одной из сторон, законодатель превратил возвращение дела на доследование в одну из форм обеспечения прав сторон в состязательном судопроизводстве. Если в ходе судебного разбирательства сторона обвинения или защиты получила новые данные, позволяющие восполнить пробелы в доказательственном материале и усилить свою позицию, суд, руководящий судебным состязанием, обязан обеспечить ей эту возможность. Именно так следует, на наш взгляд, трактовать указание закона о том, что суд, сохраняя объективность и беспристрастность, создает сторонам необходимые условия для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Лишение стороны права получить дополнительные доказательства путем проведения дополнительного расследования аналогично лишению права полно исследовать обстоятельства дела.

Негативное отношение к институту доследования вызывается необходимостью продления сроков содержания обвиняемого под стражей, практикой использования доследования в целях «тихого» прекращения дела вместо «громкого» оправдания. Эти вопросы тоже могут и должны найти свое разрешение в новом УПК РФ. Закон может предусмотреть достаточно жесткие условия, при которых допускается доследование, однако лишение суда возможности принять взвешенное решение с учетом дополнительно полученных доказательств способно привести как к отмене приговора в связи с несоответствием изложенных в приговоре выводов фактическим обстоятельствам дела (ст. 344 УПК), или односторонностью, или неполнотой судебного следствия (ст. 343), так и к отмене вынесенного судьей постановления о прекращении уголовного дела.

Решение этого сложного вопроса не может быть правильным если подходить к нему с точки зрения интересов только подсудимого, без учета интересов второй стороны. Однако в состязательном процессе потерпевший имеет равные с подсудимым права, и если сохраняется возможность дальнейшего собирания им доказательств виновности подсудимого, пренебрежение ею со стороны суда вряд ли может быть оправдано. Суд обязан бес-

³³⁵ Пашин С.А. Реформа российского уголовно-процессуального права // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы: Материалы конференции. - М., 1997. - С.95.

печить права потерпевшего и дать ему возможность с помощью процедуры дополнительного расследования защитить свои интересы. Однако принципиальная возможность обращения судом дела к дополнительному расследованию не равнозначна возможности сторон злоупотреблять своим правом на заявление соответствующего ходатайства. «Признав, что признаки «новизны» и «существенности» в выявленных обстоятельствах отсутствуют, суд тем самым (и никто другой) предпринимает ход и дальнейшее направление процесса»³³⁶.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 20 апреля 1999 года № 7-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 УПК РСФСР признал указанные правовые нормы не соответствующими Конституции РФ и указал, что направляя, в том числе по собственной инициативе, уголовное дело для производства дополнительного расследования в случае неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, а также при наличии оснований для предъявления другого обвинения либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении, «суд, сам иницируя продолжение следственной деятельности по обоснованию обвинения, по сути выполняет не свойственную ему обвинительную функцию. Возвращение дела для дополнительного расследования в связи с указанными основаниями при отсутствии соответствующих ходатайств сторон... может отражать только интересы обвинения, так как тем самым обеспечивается восполнение недостатков именно обвинительной деятельности»³³⁷, поскольку защита в такой ситуации вправе рассчитывать на вынесение оправдательного приговора или признание подсудимого виновным в менее тяжком, чем вмененное ему, преступлении. Таким образом, возвращение судьей уголовного дела для дополнительного расследования по основаниям, указанным в п. 1 и 3 ст. 232 УПК РСФСР, из проекта УПК РФ исключено, на наш взгляд, обоснованно.

Применимо ли сформулированное Конституционным Судом правило к такому основанию возвращения судом дела на дополнительное расследование, как существенное нарушение уголовно-процессуального закона? Думается, ответ зависит от характера допущенного нарушения и возможности его исправления. Если нарушения уголовно-процессуального закона

³³⁶ Ковтун Н.Н. О роли суда в доказывании по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности процесса // Государство и право. - 1986. - №6. - С.62.

³³⁷ Российская газета. - 1999. - 27 апреля.

касаются процедуры собирания доказательств или повлекли стеснение прав обвиняемого (подозреваемого), связанных с возможностью его участия в следственных действиях, должны применяться правила об исключении недопустимых доказательств из разбирательства, после чего суд принимает решение по существу дела с учетом оставшихся и дополнительно представленных сторонами доказательств:

Верной представляется позиция по этому вопросу, занятая разработчиками проекта нового Уголовно-процессуального кодекса, принятого Госдумой в первом чтении. В соответствии со ст. 272 этого проекта судья вправе направить дело для дополнительного расследования в двух случаях:

- когда в процессе расследования допущено существенное нарушение уголовно-процессуального закона, устранение которого невозможно при судебном разбирательстве,

- когда о возвращении дела для производства дополнительного расследования ходатайствует хотя бы одна из сторон.

Возможность возвращения уголовного дела для дополнительного расследования всегда рассматривалась как определенный сдерживающий органы расследования фактор. Лишение суда возможности вернуть дело, по которому допущено существенное нарушение уголовно-процессуального закона, ставит суд перед выбором: постановить обвинительный приговор, невзирая на допущенное в ходе расследования нарушение уголовно-процессуального закона и прав участников уголовного процесса, либо вынести оправдательный приговор (или прекратить дело в стадии предварительного судебного производства). Вряд ли такие крайности можно признать оправданными, особенно учитывая, что половина возвращенных на дополнительное расследование уголовных дел в итоге завершается обвинительным приговором.

Прекращение производства по делу или оправдание подсудимого в случае нарушения уголовно-процессуального закона может иметь место лишь в случае, когда эти нарушения привели к невозможной потере доказательственной информации в связи с порочностью содержащих её доказательств и признанием обвинительной властью отсутствия возможности для дальнейшего их собирания. Поэтому если прокурор заявляет ходатайство о возвращении уголовного дела для дополнительного расследования, оно подлежит удовлетворению.

Прекращение уголовного дела в стадии предварительного судебного производства в соответствии со ст. 234 УПК РФ возможно при наличии любых обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, в том числе при отсутствии события или состава преступления, истечении сроков давности, вследствие акта об амнистии, а также ввиду помилования отдельных

лиц, недостижения лицом возраста, после которого наступает уголовная ответственность, за примирением с потерпевшим, по делам, возбуждаемым не иначе как по жалобе потерпевшего, в связи с отсутствием жалобы последнего и по другим указанным в ст. 5 УПК основаниям. Уголовное дело подлежит прекращению также вследствие изменения обстановки (ст. 6), в связи с деятельным раскаянием обвиняемого (ст. 7), при наличии оснований для применения в отношении несовершеннолетнего мер общественного воздействия (ст. 8), в связи с примирением лица с потерпевшим, а также при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств (п. 2 ст. 208 УПК РФ) наличия указанных обстоятельств уголовное дело, как правило, прекращается в стадии предварительного расследования. Однако в случае невыполнения следователем обязанности прекратить дело, а также при возникновении оснований для прекращения дела после окончания расследования, принять такое решение должен суд. Своевременное прекращение судом уголовного дела позволяет не только восстановить права подсудимого, но и избежать не вызываемой необходимостью процедуры судебного разбирательства.

Некто Н-в обвинялся в совершении злостного хулиганстве, квалифицируемого по ч. 2 ст. 213 УК РФ по признаку оказания сопротивления представителю власти (работникам органов внутренних дел), пресекающему нарушение общественного порядка. Из материалов уголовного дела (первоначально возбужденному как материал об административном правонарушении) усматривалось, что к моменту прибытия к месту совершения правонарушения работников милиции Н-в прекратил хулиганские действия, а сопротивление оказывал в связи с неправомерным применением к нему работниками милиции силы и специальных средств - наручников. Поскольку действия Н-ва квалифицировались по ч. 2 ст. 213 УК РФ, не позволяющей прекратить уголовное дело в связи с примирением с потерпевшим, которого Н-в, «размахивая руками, пытался ударить», вопрос о возможности примирения не выяснялся.

Суд почти год не мог рассмотреть указанное дело, поскольку ни потерпевший, ни свидетели - осуществлявшие задержание работники милиции, - ни прокурор в суд не являлись. В итоге дело завершилось тем, чем и должно было завершиться еще на стадии назначения судебного заседания, - изменением квалификации на ч. 1 ст. 213 УК РФ и прекращением в связи с примирением подсудимого с потерпевшим. Своевременность законного прекращения данного дела помогла бы избежать значительных затрат времени всеми участниками процесса и повысить авторитет судебной власти.

ГЛАВА 5. ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

§ 1. Проблемы защиты прав и свобод участников уголовного процесса в судебном разбирательстве уголовных дел³³⁸

Стадия судебного разбирательства представляет собой не только центральную часть уголовного процесса³³⁹, но и наиболее совершенную форму судебной защиты прав и свобод его участников. Именно здесь в окончательном виде констатируется наличие или отсутствие вины лица в совершении преступления и в зависимости от этого принимается решение о восстановлении прав потерпевшего или подсудимого, нарушенных преступлением

³³⁸ Проблемы обеспечения прав участников уголовного процесса в судопроизводстве настолько обширны и разнообразны, что рассмотреть их все в рамках одной работы не представляется возможным. Автор ограничивается в связи с этим лишь теми вопросами, которые представляют наибольший интерес с точки зрения судебной защиты. При этом учитывается, что вопросы, связанные с состязательностью уголовного судопроизводства, достаточно подробно освещены в других работах автора (см.: Лазарева В.А. Судебная власть и её реализация в уголовном процессе. - Самара, 1999; она же. Суд присяжных и теоретические проблемы доказывания // Правовые формы и эффективность доказывания по уголовным делам: Межвузовский сборник научных статей - Самара, 1996. - С.53-65; она же. Состязательность сторон и активность суда как гарантии прав участников судебного разбирательства // Проблемы судебной реформы в России: история и современность: Сборник трудов. - Самара, 1999. - С.200-214).

³³⁹ Не только центральной, но и доминирующей стадией процесса называл судебное разбирательство В.М.Савицкий (см.: Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России. - М., 1997. - С.41).

или процессом необоснованного привлечения к уголовной ответственности. Именно здесь каждый участник процесса получает возможность наиболее полно реализовать свой процессуальный статус, самостоятельно или пользуясь квалифицированной юридической помощью добиваться восстановления прав. Именно в этой стадии наиболее полно реализуется принцип состязательности судопроизводства и равноправия сторон, являющийся одной из важнейших гарантий права на судебную защиту.

Поэтому проблема защиты прав участников уголовного процесса в стадии судебного разбирательства охватывает весь спектр вопросов, связанных с деятельностью суда на этом этапе. Однако поскольку право на судебную защиту реализуется посредством не только пассивного ожидания от суда совершения определенных действий, но и активных действий самих участников судебного разбирательства, проблема соотношения деятельности самого суда (судьи) в судебном заседании по уголовному делу и деятельности сторон приобретает особое значение. Тесное соприкосновение и переплетение процессуальной деятельности участников судебного разбирательства требует четкого определения форм их взаимодействия и границ активности и самостоятельности каждого. В русле указанной проблемы могут быть рассмотрены и вопросы, связанные с обеспечением равенства сторон в исследовании обстоятельств дела и обосновании своих выводов, с пределами активности суда в собирании доказательств и восполнении пробелов предварительного расследования, возвращением дела для дополнительного расследования, с возможностью сокращения судебного следствия и заключения сделок о признании вины, являющиеся наиболее значимыми и одновременно наиболее дискуссионными среди проблем, относящихся к судебной защите прав и свобод участников уголовного процесса. Исчерпывающие выше представления о судебной защите прав и свобод личности и об уголовном судопроизводстве как форме защиты этих прав и свобод позволяют рассматривать всю совокупность действий суда (судьи) в судебном разбирательстве по уголовному делу как разнообразие форм обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. Однако состязательность судопроизводства предопределяет характер этой деятельности суда, заключающейся прежде всего в предоставлении сторонам свободы и самостоятельности в реализации их процессуального статуса.

Вопрос о степени участия органов расследования, прокуратуры и суда в защите прав участников процесса дискуссионен. Устоявшееся в науке мнение о том, что гражданин «не может самостоятельно реализовать свои права без участия в этом государственного органа»³⁴⁰, не вполне соотносится с

³⁴⁰ Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения... - С.31.

пониманием процессуального права участника процесса как субъективного права и не отражает той его особенности, которая заключается в свободе субъекта распоряжаться им. Однако и мнение о том, что осуществление «гражданами процессуальных прав зависит от их личного усмотрения, а не от степени участия в этом органов государства, ... которые либо обеспечивают возможность для осуществления субъективных прав, ... либо препятствуют этому и нарушают процессуальные права обвиняемого, подозреваемого, гражданского истца, гражданского ответчика и др.»³⁴¹, не опровергает неоспоримого единства прав граждан и обязанностей государственных органов, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность. Наличие субъективного права превращается в ничто без реальной возможности использования его, обязанность обеспечения которой возлагается на суд и другие органы государственной власти. Даже о самом существовании субъективных прав участник уголовного процесса, как правило, узнает от соответствующего должностного лица, поэтому объявить гражданину о принадлежащих ему правах в стадии судебного разбирательства – важнейшая обязанность суда³⁴². Не менее важно и разъяснение содержания этих прав и способов их использования. Одно лишь перечисление процессуальных возможностей, в том числе в соответствующем протоколе, явно недостаточно в силу юридической неосведомленности большинства участников уголовного процесса и отсутствия достаточного уровня общего развития многих из них. Специфическая терминология, употребляемая уголовно-процессуальным законодательством, понятна далеко не каждому³⁴³,

³⁴¹ Мартынич Е.Г., Радьков В.П., Юрченко В.Е. Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. - Кишинев, 1982. - С.37.

³⁴² См.: Бозров В.М. Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам... - С.151.

³⁴³ Заметим, что и заведомая осведомленность свидетеля о его правах и обязанностях не освобождает следователя и суд от обязанности их разъяснения. В качестве иллюстрации сошлемся на конкретное дело. Следователь прокуратуры Кировского района г. Самары возбудил уголовное дело об отказе В-ной от дачи свидетельских показаний. В-на, юрист по образованию и представитель гражданского ответчика по процессуальному статусу, пришла к следователю без вызова для выяснения вопроса о том, какие документы требуются от представляемого ею предприятия. После окончания беседы об указанных обстоятельствах молодой следователь неожиданно заявил о своем намерении допросить В-ну, а на законный вопрос: в качестве кого, ответил, что вправе допросить её в любом качестве. В-на отказалась давать показания и ушла. Об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний В-а не предупреждалась, однако следователь возбудил уголовное дело об отказе от дачи показаний и предпринял попытку доказать выполнение им своих обязанностей путем допроса в качестве свидетеля присутствовавшего при этом помощника следователя. Кроме того, следователь пытался сослаться на то, что, будучи юристом по профессии, В-на об ответственности

что препятствует пользованию процессуальными правами и надлежащему исполнению процессуальных обязанностей. Многие граждане, расписывающиеся

в соответствующих местах протоколов следственных действий и протоколах судебного заседания не понимают значения своей подписи, зачастую не фиксируют этого в памяти, а впоследствии искренне удивляются, когда суд им напоминает об этом. Часто приходится наблюдать готовность вызванного в качестве свидетеля лица поставить свою подпись в специальном подписном листе, лежащем на трибуне для свидетелей, до того, как суд разъяснит ему содержание ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний. Формализм в разъяснении прав, обязанностей, ответственности участников уголовного процесса должен расцениваться как процессуальное нарушение³⁴⁴, влекущее соответствующие последствия.

Таким образом, механизм обеспечения прав и свобод личности в уголовном процессе - это реализация системы предусмотренных законом процессуальных гарантий, включающих в себя многочисленные обязанности органа расследования, прокурора и суда. Конечно, права участников уголовного процесса обеспечиваются и другими процессуальными средствами - целями, задачами и принципами уголовного судопроизводства, самим построением уголовного процесса и взаимосвязанностью его стадий. Однако поскольку все правовые нормы, предусматривающие обеспечение прав участников процесса, реализуются исключительно в правоотношениях, в которых орган государства является не только уполномоченной по отношению к гражданину стороной, представляется возможным рассматривать всю систему уголовно-процессуальных гарантий сквозь призму обязанностей государственных органов, в первую очередь, органов судебной власти. Рассматриваемые в

за преступления против правосудия осведомлена. Как представляется, нарушению прав В-ной со стороны следователя способствовал комплекс причин, в числе которых - неосведомленность следователя в вопросах свидетельского иммунитета, неуважение к правам личности, ощущение вседозволенности и безнаказанности.

³⁴⁴ Как нарушение прав свидетеля следует рассматривать использование старых бланков протоколов допросов, содержащих указание на разъяснение свидетелю ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний по статьям 181-182 УК РСФСР. Действия по разъяснению уголовной ответственности, предусмотренной утратившим силу законом, юридически ничтожны и не позволяют реализовать эту ответственность в случае дачи действительно ложных показаний. Широкое использование этих бланков протоколов органами расследования свидетельствует о пренебрежении следователями своей обязанностью разъяснить допрашиваемому лицу, какую ответственность и за какие именно действия предусматривает УК РФ.

риваемые в качестве процессуальных гарантий права следователя, прокурора и суда не меняют существа вопроса, ибо, как отмечается в литературе, являются средством выполнения возложенных на государственные органы обязанностей по осуществлению уголовно-процессуальной деятельности. Представляется правомерной постановка вопроса о том, что любые действия следователя, прокурора и суда направлены на обеспечение прав и свобод потерпевшего, обвиняемого, свидетеля и других участвующих в деле лиц, ибо любое, даже сопряженное с применением ограничительных мер, процессуальное действие включает в себя систему действий по обеспечению прав и свобод человека и гражданина. Требование законности и обоснованности любого процессуального решения, обязанность объявления этого решения лицу, которого оно касается, многочисленные правила, гарантирующие права участника любого следственного действия, означают возможность совершения этих действий органом расследования или судом с обязательным учетом и охраной интересов личности.

Обеспечивая процессуальные права участника уголовного судопроизводства, суд способствует защите этим участником его основных прав и свобод, нарушенных преступлением или поставленных под угрозу нарушений привлечением к уголовной ответственности. Вместе с тем, суд тем самым обеспечивает всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств дела, а следовательно, законность и обоснованность принимаемого впоследствии решения, в котором и происходит реализация судебной защиты.

Механизм обеспечения судом прав и свобод участников уголовного процесса заключается таким образом в:

- разъяснении прав участнику процесса;
- принятии от него любых заявлений и ходатайств;
- рассмотрении этих заявлений и ходатайств;
- принятии решения по существу обращения участника процесса;
- совершении определенных действий по ходатайству участвующих в деле лиц или собственной инициативе в допустимых в состязательном процессе пределах;
- принятии обоснованного решения по существу основного и связанных с ним вопросов уголовного дела.

На обеспечение прав участников уголовного процесса направлены и разнообразные действия председательствующего по соблюдению порядка судебного заседания, по формированию скамьи присяжных заседателей и другие действия, связанные с организацией надлежащего хода судебного разбирательства.

При этом суд остается объективным и беспристрастным, ибо только оставаясь таким, он может обеспечить сторонам их право на судебную защиту.

Равенство состязующихся сторон является гарантией полного и всестороннего исследования обстоятельств дела, гарантией достижения истины. Обязанность суда обеспечить сторонам равные возможности в состязательном процессе несовместима с идеей его устранения от установления истины и вынесения решения лишь на основании представленных сторонами доказательств³⁴⁵. Превращение суда в пассивного наблюдателя за состязанием сторон правомерно рассматривать как нарушение гарантированного государством права на судебную защиту, от которого пострадали бы не только прямо связанные с неправосным приговором интересы обвиняемого или потерпевшего, но и общественная нравственность и общественная безопасность, а следовательно, интересы каждого члена общества. Уголовное судопроизводство, не нацеленное на достижение истины, не способно служить средством защиты прав и свобод человека и гражданина. Выполнение судом возложенной на него обязанности по созданию условий для полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела³⁴⁶ невозможно без наделения суда правом активно руководить ходом судебного следствия.

Анализ сравнительно новых правил производства в суде присяжных, введенных в УПК РСФСР в 1993 году, убедительно свидетельствует не только о тенденции к сохранению активности суда в состязательном судопроизводстве, но и о практической невозможности осуществлять судопроизводство без его руководящей и направляющей роли. Давая сторонам разрешение на вызов новых свидетелей, принимая представленные ими дополнительные материалы, решая вопрос о признании недопустимыми доказательств, полученных с нарушением закона и исключая их из разбирательства дела, отводя наводящие вопросы, задавая вопросы свидетелям, контролируя

³⁴⁵ См.: Григорьева Н. Принципы уголовного судопроизводства и доказательства // Российская юстиция. - 1995. - №8. - С.40.

³⁴⁶ Такая обязанность суда предусмотрена в ст.19 проекта УПК, принятого Государственной думой в первом чтении 6 июня 1997 года.

правильность отражения хода исследования доказательств в протоколе и излагая присяжным в напутственном слове их содержание и критерии оценки, председательствующий обеспечивает законность разбирательства

и достижение его целей. Вместе с тем, полная беспристрастность суда

к конфликтующим сторонам требует освобождения его от любых полномочий, которые могут быть истолкованы как обвинительные³⁴⁷, в связи с чем представляется полезным определить оптимальные пределы допускаемой

в состязательном процессе активности суда. Чрезмерная активность суда, как и пассивная созерцательность, в равной мере чреватые опасными последствиями. Обеспечение судом прав сторон предполагает освобождение его

от всех рудиментов обвинительной власти, сохраняющихся несмотря на значительное изменение законодательства. Присваивая себе несвойственные ему полномочия, суд препятствует стороне обвинения в проявлении активности. В науке давно сказано о необходимости освободить суд от обязанности вручать копию обвинительного заключения подсудимому, оглашать обвинительное заключение, возбуждать уго-

³⁴⁷ Шейфер С.А. О понятии и цели доказывания в уголовном процессе... - С.63; он же: Нуждается ли в пересмотре традиционное представление о доказывании // Правовые формы и эффективность доказывания по уголовным делам: Межвуз. сб. научн. статей. - Самара, 1996. - С.42.

ловные дела при протокольной форме (а ранее - дела частного обвинения), опротестовывать приговоры по мотивам необоснованного оправдания или мягкости наказания, иметь права первого допроса подсудимого и др.³⁴⁸

Признание состязательности как принципа судопроизводства не означает отрицание существующего неравенства сторон обвинения и защиты. Прокурор для доказывания обвинения имеет возможность собрать с помощью следственного аппарата обвинительный материал, который представляет в суд, а защитник, не наделенный таким правом, лишен равных с ним возможностей. Представление доказательств защитником по-прежнему зависит от желания органа уголовного преследования удовлетворить заявленное ходатайство, а самостоятельные познавательные действия защитника не порождают доказательств.

Сохраняет неравенство сторон и проект УПК, который фактически позволяет прокурору первым допрашивать всех свидетелей - для этого ему достаточно внести их в список обвинения (ч. 1 ст. 249, ч. 1 ст. 320, ч. 3 ст. 324). Защитник и подсудимые вправе отвести немотивированно 2 свидетелей, тогда как прокурор и потерпевший - каждый по два (п. 23 ст. 5 и ч. 6 ст. 374). Если защитник приносит жалобу, то прокурор - протест (п. 27 ст. 5, ч. 5 ст. 402). Ни обвиняемый, ни

³⁴⁸ См.: Концепция судебной реформы... - С.84-85; Черкасова Н.Ю. Исследование доказательств в суде первой инстанции. Дисс. ... канд. юрид. наук. - Самара, 1993. - С.44.

защитник по-прежнему не вправе участвовать в заседании суда надзорной инстанции в отличие от прокурора. Объективности ради надо сказать, что лишен этого права и потерпевший. Все они могут быть приглашены лишь в «необходимых случаях» (ч. 3 ст. 468).

Рассмотрим в этой связи некоторые полномочия суда, ставшие в последние годы предметом научных дискуссий.

В литературе все чаще высказывается мысль о том, что сохранение за судом права не только исследовать, но и в необходимых случаях самостоятельно собирать дополнительные доказательства является ущемлением состязательности³⁴⁹ и что, занимаясь собиранием доказательств, суд превращается в обвинителя³⁵⁰. Воплощенная в Концепции судебной реформы идея освобождения суда от обязанности восполнять пробелы предварительного расследования заслуживает самого серьезного внимания.

В судебной практике действительно достаточно широко распространены случаи, когда суд, подменяя прокурора, самостоятельно ведет все судебное следствие. Он первым допрашивает подсудимых, потерпевших и свидетелей, причем делает это тщательно, сопоставляя ответы допрашиваемых с протоколами их прежних допросов и тут же выясняя причины расхождений в показаниях; оглашает материалы уголовного дела без ходатайства сторон и, как правило, все подряд. Выяснение судом позиций сторон по возникающим в ходе разбирательства вопросам носит формальный характер. Действия председательствующего в таких процессах сковывают инициативу сторон³⁵¹ и не без оснований оцениваются как обвинительные³⁵².

³⁴⁹ См.: Бобров М. И законность, и справедливость // Советская юстиция. - 1993. - №5. - С.2.

³⁵⁰ См.: Шевченко П. Основания возвращения дела на доследование нуждаются в уточнении // Советская юстиция. - 1972. - №24. - С.11.

³⁵¹ Как отмечено в литературе, прокурор не стремится к активной защите своей позиции, так как привык к тому, что суд берет на себя инициативу в судебном следствии, и уверен, что его обвинительная позиция будет на 99,9 % им поддержана (см.: Панасюк А. Разрешение конфликтных ситуаций: стратегия и тактика судьи // Российская юстиция. - 1997. - №5. - С.51).

³⁵² Примеры, когда защита в судебном заседании ведет активную полемику не с обвинителем, а с председательствующим, в практике автора далеко не единичны. При этом суд занимает активную обвинительную позицию не только в случае отсутствия прокурора в судебном заседании, но и при его участии в процессе, демонстрируя заведомое согласие с обвинением. Активное участие суда в полемике с отстаиванием позиции одной из сторон наблюдается не только в уголовном, но и в

Подобные явления объясняются не только тем, что суд должен быть уверен в правильности принимаемых им решений³⁵³, а также встречающейся слабостью сторон, но и недостаточным развитием традиций состязательности в отечественной практике уголовного судопроизводства. Излишняя активность председательствующего, искажающая его роль в уголовном судопроизводстве и препятствующая осуществлению сторонами своих полномочий, отчасти может и должна быть нейтрализована внедрением в уголовный процесс новых институтов, соответствующих принципу состязательности и расширяющих возможности сторон влиять на ход и результат судебного разбирательства, что, однако, не означает полного отстранения суда от участия в исследовании доказательств.

Право суда исследовать обстоятельства дела после того, как стороны исчерпают свою энергию, и уточнить те вопросы, которые продолжают вызывать сомнение, представляется соответствующим функции судебной защиты прав граждан. Не вызывает сомнений и право суда вызывать дополнительных свидетелей, назначать экспертизу, истребовать документы, если об этом ходатайствует кто-либо из участников судебного разбирательства. Однако по-прежнему³⁵⁴ сильны позиции ученых, полагающих, что суд несет обязанность не только исследовать, но и собирать³⁵⁵ доказательства и обосновывать ими конечный вывод по делу³⁵⁶.

Как представляется, состязательность сторон не является обстоятельством, которое может служить оправданием пассивности суда, более того, подобная пассивность способна породить негативные последствия в виде постановления незаконного и необоснованного приговора. Воздерживаясь

гражданском (включая арбитражное) судопроизводстве (см. об этом также: Пастухов В. Что людям не нравится в российской правосудии // Российская юстиция. - 1998. - №8. - С.23).

³⁵³ См.: Алексеева Л.Б. Некоторые вопросы реализации принципа состязательности в проекте нового УПК // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы: Материалы конференции. - М., 1997. - С.121.

³⁵⁴ Приват-доцент Московского государственного университета С.И.Викторский в опубликованной в 1912 году работе писал, что «суд должен собирать доказательства, если наличных не достаточно для раскрытия истины» (см.: Викторский С.И. Русский уголовный процесс... - С.71-72).

³⁵⁵ См.: Шейфер С.А. Нуждается ли в пересмотре традиционное представление о доказывании... - С.49; Ковтун Н.Н. Указ. соч. - С.61.

³⁵⁶ См.: Шейфер С.А. О понятии и цели доказывания в уголовном процессе... - С.66; Бабенко А., Черкасова Н. Суд должен проявлять активность при сборе и исследовании доказательств // Советская юстиция. - 1993. - №12. - С.1-2; Алексеева Л.Б., Радутная Н.В. Предупреждение судебных ошибок, обусловленных обвинительным уклоном в деятельности судов первой инстанции: Пособие для судей. - М., 1989. - С.58.

от любого проявления активности при явной слабости обвинителя или защитника, суд не только не сможет выполнить своей государственной роли арбитра в социальном конфликте, но ошибочным решением, основанным на непроверенных до конца данных, исказит её сущность, подорвет авторитет судебной власти. Думается, не случайно проект УПК РФ, принятый Госдумой в первом чтении, сохраняет право суда «в необходимых случаях истребовать дополнительные доказательства» (ч. 3 ст. 19). Однако соби́рание доказательств судом должно иметь определенные пределы. В частности, особые условия протекания судебного следствия практически исключают возможность проведения судом обыска или выемки³⁵⁷. Состязательный дух судопроизводства обуславливает необходимость и некоторых других ограничений. Например, в законе может быть предусмотрена реализация судом права на истребование дополнительных доказательств лишь после того, как стороны заявят о том, что исчерпали свои возможности по представлению доказательств. Право суда в названных пределах принять меры к восполнению пробелов в доказательственном материале, а в связи с этим - отклонить или опровергнуть выводы органов предварительного расследования и прокурора, следует рассматривать как важнейший элемент независимости судебной власти, свободу выводов суда от внушающего воздействия представленных обвинением или защитой доказательств. Судебное разбирательство, рассматриваемое как проверка версии обвинения, позволяет рассматривать привлечение судом новых доказательств не как рудимент обвинительной деятельности, а как проявление судебного контроля за полнотой представленных фактов и обоснованностью предъявленного обвинения. Целью этого контроля является не восполнение пробелов следствия, а стремление не допустить не основанного на доказательствах обвинительного приговора³⁵⁸. Активность суда в исследовании обстоятельств дела особенно необходима, когда этого требуют интересы обвиняемого, как более слабой стороны, не располагающей равными с прокурором возможностями соби́рания доказательств³⁵⁹.

³⁵⁷ В литературе, однако, встречается и иное мнение (см.: Воробьев Г.А. Тактика и психологические особенности судебных действий: Учебное пособие. - Краснодар, 1986. - С.47; Веретехин Е.Г. Пробелы предварительного расследования и их восполнение в суде первой инстанции. - Казань, 1988. - С.72; Петуховский А. Восполнение в судебном разбирательстве пробелов следствия // Советская юстиция. - 1973. - №15. - С.18).

³⁵⁸ Устранение отмеченных недостатков предварительного расследования является, на наш взгляд, задачей предварительного слушания, однако в некоторых случаях необходимость принятия соответствующих мер может возникнуть и в стадии судебного разбирательства.

³⁵⁹ По мнению С.А.Пашина, ст. 123 Конституции РФ говорит о состязательности судопроизводства, а не одного лишь правосудия, следовательно, новое уголовно-процессуальное законодательство должно распространить состязательность и равноправие сторон и на предварительное следствие. В проекте УПК, в котором «стороны» появ-

Собирание судом дополнительных доказательств является необходимым элементом проверки той информации, что представлена сторонами, например, предъявление на опознание объектов, впервые появившихся в судебном разбирательстве, проведение эксперимента для проверки показаний свидетеля, допрошенного судом по ходатайству одной из сторон. Проверка доказательств может потребовать проведения экспертизы или освидетельствования. Право суда проверить все представленные сторонами доказательства с точки зрения их относимости, допустимости и достоверности вряд ли подлежит оспариванию. Вне реализации такого права может быть затруднено выполнение судом обязанности по исключению из разбирательства доказательств, полученных с нарушением закона (ч. 3 ст. 435 УПК РФ).

Другим аспектом проблемы активности суда в состязательном процессе является возможность возвращения дела на дополнительное расследование. Не повторяя рассмотренные в предыдущей главе доводы в пользу сохранения этого института, отметим лишь те аспекты проблемы, которые характерны именно для стадии судебного разбирательства.

Так, защищаемое нами право суда в определенных пределах получать новые доказательства в некоторых случаях может быть реализовано и без возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования. Если потребность в дополнительном расследовании возникла в связи с необходимостью проведения каких-либо процессуальных действий познавательного характера и невозможностью из производства в суде (например, обыска, выемки, следственного эксперимента), альтернативой возвращению дела на дополнительное расследование может служить перерыв в судебном заседании, во время которого органами расследования проводятся необходимые следственные действия. Если ходатайство о проведении след-

ляются только в судебном разбирательстве (п.23 ст.5), уже заложено неравенство сторон. (см.: Пашин С.А. Реформа российского уголовно-процессуального права // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы: Материалы конференции. - М., 1997. - С.94). Предложение о законодательном закреплении равных прав на собирание доказательств всеми сторонами многими поддерживается (см.: Колбаев Р. О равенстве прав участников уголовного процесса // Законность. - 1998. - №10. - С.40; Петрова Н.Е. Частное и субсидиарное обвинение. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - С.13), однако вряд ли может быть реализовано в полном объеме.

ственного действия заявляет сторона защиты, суд вправе обязать обвинителя произвести требуемое действие.

Недопустимым представляется возвращение уголовного дела при несогласии суда с предложенной обвинителем квалификацией. Право суда исправить часть ошибок в квалификации, применив закон о менее тяжком преступлении, служит достаточной гарантией от необоснованно сурового осуждения подсудимого. Настаивать же на необходимости применения закона о более тяжком преступлении - значит не только выполнять обвинительную функцию, но и ограничивать диспозитивные права прокурора по распоряжению обвинением, поскольку неверная с точки зрения суда квалификация может быть частью заключенной между обвинением и защитой сделки, о которой речь пойдет ниже.

Вызывает возражение и высказанное в науке мнение о том, что при дополнительном расследовании, на котором настаивал обвинитель, обвинение не может быть изменено, если этим ухудшается положение подсудимого³⁶⁰. На наш взгляд, такой запрет нарушил бы права стороны обвинения, лишил идею о доследовании смысла. Связанность суда рамками предъявленного подсудимому обвинения исключает возможность усиления обвинения в связи с обнаружением новых данных, исправления в суде связанных с этим ошибок в объеме и квалификации обвинения. Поэтому возможность исправления ошибки путем дополнительного расследования является для стороны обвинения единственной.

§2. Проблема освобождения от уголовной ответственности, упрощенного судопроизводства и сделок о признании вины в свете идеи расширения доступа граждан к правосудию

Одним из условий обеспечения гарантированной ст. 46 Конституции РФ судебной защиты прав и свобод человека и гражданина является доступность правосудия населению. Выраженная в ст. 52 Конституции РФ применительно к потерпевшим от преступлений и злоупотреблений властью гарантия доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба, безус-

³⁶⁰ См.: Радутная Н.В. Достоинства и недостатки формулировок принципов уголовного процесса и некоторых положений в проекте УПК // Судебная реформа: Итоги, приоритеты, перспективы. ... - С.131.

ловно, касается и всех остальных граждан. Судебная защита невозможна без обеспечения каждому права на свободное обращение в суд, поэтому задача законодателя, на наш взгляд, заключается в создании условий, обеспечивающих каждому возможность искать защиты своих прав в суде. «Для обеспечения последней необходимо, чтобы обращение в суд для гражданина было не слишком обременительным с материальной точки зрения, чтобы суд географически был приближен к населению, чтобы рассмотрение дела происходило в разумные сроки, а судебная процедура зависела от сложности дела»³⁶¹. Не является тайной, что существующая система уголовного судопроизводства не обеспечивает должной реализации названного положения Конституции РФ. Судебный корпус не в состоянии справиться со все увеличивающимся потоком дел, штатная численность судей не соответствует существующим потребностям, да и она заполнена не в полной мере. Финансовое и материальное обеспечение судебной деятельности осуществляется на явно недостаточном уровне. Отсутствие судебных повесток и конвертов, средств для оплаты судебных расходов, связанных с явкой в суд свидетелей и потерпевших, оплаты командировочных расходов для рассмотрения дела по месту совершения преступления дезорганизуют работу судов, ведут к срывам судебных заседаний. В 1997 году часть районных судов Самарской области была вынуждена объявить о прекращении приема исковых заявлений в связи с отсутствием средств для обеспечения нормальной работы суда. Арбитражный суд Самарской области периодически прекращает рассылку сторонам определений о принятии дела к производству и назначении судебного заседания, выполняющих также роль судебной повестки, а также постановлений и решений в связи с отсутствием средств для оплаты почтовых расходов.

Указанные сложности отнюдь не характерны лишь для России. На двадцатом совещании министров юстиции стран Европы, состоявшемся 11-12 июня 1996 года

³⁶¹ Трубникова Т.В. Теоретические основы упрощенных судебных производств. - Томск, 1999; она же: Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. - Томск, 1997.

в Будапеште, отмечалось, что трудности, испытываемые государствами в выполнении требования ст. 6 Европейской конвенции по правам человека о праве на доступ к правосудию и справедливому разбирательству дела в разумный срок, связаны с перегруженностью судов и определенной сложностью процедуры. «С годами судебное разбирательство стало более продолжительным, дорогостоящим и сложным для частных лиц, что затрудняет осуществление ими права на доступ к правосудию»³⁶². Комментируя принятые этим совещанием рекомендации, ответственный секретарь межведомственной комиссии по делам совета Европы М.Энтин отметил: что «необходимо принимать все возможные меры по упрощению судебной процедуры, чтобы избежать превращения некоторых гражданско-процессуальных норм... в препятствие для эффективного отправления правосудия»³⁶³.

Расширение сферы судебной компетенции за счет установления подсудности всех дел обуславливает продолжающееся нарастание потока поступающих в суды дел³⁶⁴. В этих условиях сохранение прежних процессуальных форм, одинаковых для всех уголовных дел, и наметившаяся в ходе подготовки нового уголовно-процессуального кодекса тенденция к их усложнению в целях более полного обеспечения процессуальных гарантий становится препятствием реальной защите прав граждан. Как отмечалось в постановлении IV (чрезвычайного) Всероссийского съезда

³⁶² Доступ к правосудию // Российская юстиция. - 1997. - №6. - С.2.

³⁶³ Там же.

³⁶⁴ В 1998 году среднемесячная нагрузка на одного судью районного суда увеличилась по уголовным делам с 7,9 до 8,3 дела, по гражданским делам - с 29,3 до 35,8 дела. Нагрузка на одного судью суда субъектов Федерации увеличилась по кассационным делам с 114,9 до 131,9 дела, в том числе по уголовным - с 58,5 до 65,5 дела, по гражданским делам - с 56,4 до 66,4 дела; по надзорным жалобам - с 63,1 до 71,3 жалобы. Абсолютное число надзорных жалоб возросло на 13,1% (см.: Работа судов Российской Федерации в 1998 году // Российская юстиция. - 1999. - № 8. - С.52).

судей от 4 декабря 1996 года «О состоянии судебной системы Российской Федерации и перспективах её развития», «сохраняющийся старый порядок осуществления правосудия не позволяет в полном объеме эффективно осуществлять судебную защиту законных прав и интересов граждан».

12 марта 1997 года Совет по судебной реформе при Президенте РФ принял специальное решение «Об обеспечении доступности правосудия и быстроты его осуществления». В решении констатируется, что доступность

и быстрота правосудия в России не обеспечиваются. «Обвиняемые, потерпевшие, истцы и ответчики вынуждены длительное время ожидать рассмотрения их дел судами, причем многие обвиняемые в местах предварительного заключения, где скученность содержания, где скудность питания и медицинской помощи создают невыносимые условия для лиц, еще не признанных в установленном законом порядке виновными в совершении преступления. Жертвы преступлений чрезмерно долго не получают возмещения причиненного им материального и морального вреда»³⁶⁵.

В качестве одного из условий, обеспечивающих доступность правосудия, может рассматриваться введение различных форм упрощенного судопроизводства

³⁶⁵ Российская юстиция. - 1997. - №6. - С.6.

ва, как проявление его дифференциации³⁶⁶. Диктуемая потребностями практики и связанная с необходимостью упростить судопроизводство по несложным делам и тем самым высвободить время и силы для рассмотрения действительно сложных в доказательственном отношении, влекущих суровое наказание и требующих поэтому дополнительных гарантий дел, дифференциация судопроизводства известна во всех странах Западной Европы и США. Упрощенная его форма применяется, как правило, по делам о преступлениях, не имеющих высокой общественной опасности и не представляющих сложности для их разрешения. Цели упрощения судопроизводства и облегчения доступности правосудия для населения достигаются в определенной мере введением единоличного рассмотрения значительного числа уголовных дел³⁶⁷, более простыми правилами судопроизводства по делам частного обвинения и по делам с протокольной формой

³⁶⁶ Предложения о дифференциации уголовного судопроизводства, подвергавшиеся в недавнем прошлом резкой критике, в настоящее время привлекают все большее число сторонников (см.: Ходыревский С.М. Суд и судебное управление. - Воронеж, 1976. - С.52-53; Гуляев А. Быстрота уголовного судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. - Вып.18. - С.81-82; Анашкин Г.З. Вопросы науки советского уголовного процесса и судостройства // Вопросы борьбы с преступностью. Вып.20, 1974. - С.72; Якуб М. Порядок уголовного судопроизводства следует дифференцировать // Социалистическая законность. - 1975. - №1. - С.66-67; Арсеньев В. Упрощение не равнозначно упрощенчеству // Социалистическая законность. - 1975. - №3. - С.63-64; Рустамов Х.У. Дифференциация форм уголовного процесса. Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. - М., 1998; Трубникова Т.В. Теоретические основы упрощенных судопроизводств... и др.).

³⁶⁷ Исследователи отмечают не только рост числа дел, рассмотренных судьей единолично, но и более высокий, чем у суда с участием народных заседателей, уровень стабильности приговоров (см.: Ничипоренко Т. Эффективность единоличного рассмотрения уголовных дел // Российская юстиция. - 1997. - №10. - С.37-38).

досудебной подготовки материалов, перспективой расширения границ заочного судопроизводства³⁶⁸, передачей несложных дел мировым судам. Однако возможность использования упрощенного судопроизводства по уголовным делам ограничена достаточно жесткими рамками - кругом уголовных дел, на которые может быть распространена та или иная упрощенная процедура (частное обвинение, протокольная форма), верхним пределом санкции, предусмотренной уголовным законом (единоличное рассмотрение дела).

В поисках оптимальных путей решения задачи ускорения, упрощения и удешевления судопроизводства по уголовным делам представляется целесообразным обратить внимание и на иной известный мировой практике опыт, в том числе связанный с отказом прокуратуры от возбуждения или прекращения уголовного преследования в виду нецелесообразности, например, когда неизвестно лицо, совершившее преступление³⁶⁹, или когда целей уголовного процесса можно достичь, отказавшись от права на применение репрессии. Хочется при этом

³⁶⁸ См.: Рустамов Х. Заочное правосудие: реальность и перспективы // Российская юстиция. - 1997. - №8. - С.41-42.

³⁶⁹ Интерес представляют приведенные Л.В.Головко данные о работе прокуратуры во Франции: в 55% случаев прокуроры отказываются от уголовного преследования в силу того, что неизвестно лицо, совершившее преступление, в 28% случаев такое решение принимается ими по мотивам нецелесообразности привлечения лица к уголовной ответственности, и только в 17% случаев дело возбуждается (см.: Головко Л.В. Принципы неотвратимости ответственности и публичности в современном российском уголовном праве и процессе // Государство и право. - 1999. - №3. - С.61).

подчеркнуть, что речь не идет о процессуальном упрощенчестве или об отказе от процессуальных гарантий. Требование соблюдения процессуальной формы, как важнейшей гарантии законности судопроизводства и прав граждан, не исключает изменения самой процессуальной формы, а напротив, предполагает поиск оптимальных путей для эффективного достижения задач и целей судопроизводства.

Одним из путей обеспечения гарантированного государством доступа граждан к правосудию видится внедрение в уголовный процесс сделок о признании вины. Эта идея получила одобрение Совета судей Российской Федерации³⁷⁰.

Классический вариант сделки в американском уголовном процессе, а так же различные формы согласительных процедур, получившие признание в уголовно-процессуальном законодательстве Испании, Италии, Франции, Германии, направленные на ускорение судопроизводства, позволяют решать стоящие перед правосудием задачи при максимальном соблюдении принципа процессуальной экономии. Обобщенная сущность сделок о признании заключается в обмене сторонами взаимовыгодными уступками: обвинитель уменьшает объем обвинения или снижает его тяжесть и освобождается от дальнейших усилий по осуществлению доказывания, получая взамен признание вины в совершении преступления обвиняемым, избавляющимся таким образом от грозящего ему более сурового наказания. Обеспечивающие возможность избежать громоздкой процедуры разбирательства дела в суде присяжных в американском процессе, или самого судебного следствия в Европейских странах, сделки и иные согласительные процедуры

³⁷⁰ См.: Российская юстиция. - 1998. - №6.

способствуют экономии уголовной репрессии и в целом имеют гуманистическое значение. Исследователи отмечают наиболее высокую степень распространенности сделок о признании в уголовном судопроизводстве США, однако продолжает возрастать и уровень использования различных форм «согласия» сторон в европейских странах.

Обращение России, проводящей судебную реформу в трудных политических и социально-экономических условиях, к опыту стран с более развитыми демократическими традициями вполне логично, однако постановка вопроса о привнесении в отечественное судопроизводство новых, ранее не применявшихся процедур требует внимательного и вдумчивого анализа.

Действующее в России уголовно-процессуальное законодательство в прямой форме не предусматривает возможности какого-либо соглашения между сторонами обвинения и защиты, однако в ряде случаев, когда позиция обвиняемого совпадает с позицией обвинения, исходящего от потерпевшего, закон позволяет разрешить уголовно-правовой конфликт без затрачивания значительных процессуальных усилий.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 27 (п. 6 ч. 1 ст. 5) действующего УПК, допускается прекращение производства по уголовному делу, возбуждаемому не иначе как по жалобе потерпевшего, в случае примирения его с обвиняемым. Ст. 9 УПК предусматривает принятие аналогичного решения по делам публичного обвинения - о впервые совершенном преступлении небольшой тяжести, на основании заявления потерпевшего о произошедшем примирении и заглаживании причиненного преступлением вреда. В соответствии со ст. 7 УПК РСФСР суд, прокурор, следователь и орган дознания с согласия прокурора вправе прекратить уголовное дело в отношении лица, которое впервые совершило преступление небольшой тяжести в связи с деятельным раскаянием по основаниям, указанным в

ст.75 УК РФ³⁷¹. Возможность принятия решения о прекращении уголовного дела на основании ст.7 и 9 УПК обуславливается определенным поведением лица, совершившего преступление, главным из которых является признание вины. Достижимый при этом баланс интересов личности, государства и общества компенсирует возможность причинения ущерба принципу объективной истины. В связи с этим трудно без каких-либо оговорок согласиться с утверждением о том, что возможность прекращения производства по уголовному делу по так называемым нереабилитирующим основаниям противоречит принципу презумпции невиновности и нарушает ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод³⁷². Поскольку и ст. 6, и ст. 7 УПК РСФСР допускают прекращение уголовного дела лишь при наличии согласия на это лица, в чьих действиях обнаружены признаки состава преступления, нельзя однозначно говорить о нарушении каких-либо прав этого лица, как нельзя принудить к защите от обвинения. Более того, если лицо соглашается на прекращение уголовного преследования по основаниям, которые означают утверждение его виновности, мотивы такого согласия при условии обеспечения действительной добровольности и свободы принятия решения следует признать юридически индифферентными.

Значение названных процедур досудебного окончания производства по уголовному делу заключается в том, что цели уголовного судопроизводства достигаются при значительном ускорении судопроизводства и гораздо меньших затратах.

³⁷¹ С аналогичных позиций рассматривает сделку о признании вины С.Милицин. См.: Милицин С. Сделки о признании вины: возможен ли российский вариант // Российская юстиция. - 1999. - №12. - С.41-42.

³⁷² См.: Бозров В.М. Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам... - С.129.

Учитывая, что комплекс изложенных проблем так или иначе проявляется при функционировании правовых систем многих стран, Комитет министров юстиции стран Европы на состоявшемся 11-12 июня 1996 года в Будапеште совещании подтвердил верность принятым ранее резолюциям и рекомендациям по вопросу доступа к правосудию и обеспечению его большей эффективности и справедливости. В решениях Комитета министров подчеркивается, что процедура слушания должна предусматривать возможность отмены всех излишних формальностей, и рекомендуется, расширяя принцип дискреционного судебного преследования, позволить суду принять решение об отказе от судебного преследования с учетом тяжести, характера и последствий преступления, личности обвиняемого, возможного приговора суда и его воздействием на обвиняемого, а также состояния потерпевшего.³⁷³ Характерно, что отказ от судебного преследования³⁷³ обусловлен наличием достаточных доказательств вины и согласием обвиняемого, который имеет право требовать судебного разбирательства. Комитет министров рекомендовал также государствам-членам Совета Европы предусмотреть в законодательстве комплекс мер внесудебного урегулирования споров. Условием применения внесудебных процедур называется возмещение причиненного преступлением ущерба и восстановление прав потерпевшего, предоставление потерпевшему какой-либо компенсации до такого урегулирования или в качестве составной части этого процесса, а также выплата определенной денежной суммы государству, общественным

³⁷³ Представляются верными высказанные в науке суждения о необходимости расширения элемента диспозитивности в уголовном процессе, в том числе и путем предоставления прокурору возможности в определенных пределах распоряжаться обвинением. Активно обсуждаемая и поддерживаемая автором концепция обвинения как «уголовного иска» настоятельно требует распространения присущего статусу личности начала диспозитивности и на должностных лиц, являющихся субъектами уголовно-процессуальных прав *ex officio*. (см. об этом: Головки Л.В. Указ. соч. - С.68; Рогова О.И. пределы проявления диспозитивности в уголовном процессе. Дисс. ... канд. юрид. наук. - Томск, 1994. - С.14-15, 21 и след.; Александров А.А. Диспозитивность в уголовном процессе. Дисс. ... канд. юрид. наук. - Н.-Новгород, 1995. - С.168-168).

или благотворительным организациям³⁷⁴. Не менее важно достигаемое при этом примирение обвиняемого с потерпевшим, возмещение ущерба и иных вредных последствий, сохранение конфиденциальности³⁷⁵. Развитие отечественного уголовно-процессуального законодательства в указанном направлении благотворно скажется на качестве судопроизводства и эффективности судебной защиты, будет содействовать решению многих социальных проблем.

Однако еще более важное значение, чем досудебное урегулирование уголовно-правового конфликта, имеет сделка о признании, заключаемая в судебном разбирательстве. Принятие Федеральным Собранием предложений сторонников её закрепления в новом УПК с разработкой соответствующих процессуальных гарантий, как представляется, могло бы без ущерба для целей и задач судопроизводства способствовать решению многих вопросов, возникающих в судебной практике.

Хотя в действующем законодательстве не содержится норм, которые могли бы служить правовым основанием для сделки о признании, представляется возможным рассматривать как нечто похожее на нее положение ст. 62 УК РФ об ограничении срока или размера наказания тремя четвертями максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса при наличии таких смягчающих обстоятельств, как явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления, изобличению других соучастников преступления и розыску имущества, добытого преступным путем. Обещая смягчение наказания в указанных случаях, закон как бы открыто приглашает к заключению сделки о признании, а обвиняе-

³⁷⁴ См.: Российская юстиция. - 1997. №6. - С.2-4, №8. - С.2-5.

³⁷⁵ Заключение сделок о признании до предъявления официального обвинения применяется по указанным мотивам и в Соединенных Штатах. См. подборку материалов для занятий с российскими судьями, составленную в рамках программы правовых инициатив Ассоциацией американских юристов для стран центральной и восточной Европы. - С.26.

мый, признавая свою вину после разъяснения ему содержания ст. 62 УК, как бы соглашается на предлагаемую сделку.

В практике нередки случаи, когда стороны, руководствуясь соображениями здравого смысла и процессуальными интересами, вступали в подобные отношения, обеспечивая этим преодоление волокиты и эффективность судопроизводства. Формы таких соглашений оказываются произвольными и с трудом укладываются в рамки действующего законодательства, однако, думается, не противоречат его целям и принципам.

Характерен в этом отношении следующий пример. С. обвинялся в квалифицированном злоупотреблении служебным положением и открытом похищении чужого имущества при отягчающих обстоятельствах. Обвиняемый отрицал применение насилия и противоправность завладения деньгами потерпевшего. Освидетельствование потерпевшего не выявило на его теле следов насилия, а изъятие в квартире обвиняемого вещественного доказательства - отобранных им, по версии следствия, у потерпевшего денег - произведено с нарушением процессуальной формы. Свидетелей происшествия не обнаружено. Фактически обвиняемый изобличался только потерпевшим, который, сообщив о преступлении и дав подробные показания, выехал по месту постоянного жительства в весьма отдаленный от места производства по делу город. В судебное заседание потерпевший не явился и сообщил телеграммой об отсутствии для этого де-

нежных средств. В силу известных причин суд не располагал возможностями выполнить требования ст. 106 УПК и оплатить потерпевшему стоимость проезда, а названная причина неявки потерпевшего не признается исключающей его явку в суд и, следовательно, не предоставляет суду возможности огласить показания. Рассмотрение дела в отсутствие потерпевшего могло закончиться только оправдательным приговором, а отложение разбирательства при сложившихся обстоятельствах грозило надолго отсрочить свершение правосудия.

До начала судебного разбирательства прокурор и защитник обратились к судье с согласованной позицией, состоявшей в изменении прокурором обвинения на более мягкое, не содержащее отягчающих обстоятельств, с одной стороны, и признании подсудимым вины в таком уменьшенном объеме, с другой. Суд, изучив материалы уголовного дела и выслушав подсудимого, постановил обвинительный приговор в соответствии с согласованной сторонами позицией. Таким образом, суд как бы утвердил неформальное соглашение между сторонами и учел его при вынесении приговора. При этом никаких следов о соглашении в деле не осталось. «Сделка» являлась для прокурора законным способом достижения цели его процессуальной деятельности - постановления обвинительного приговора. Подсудимый, сознающий свою вину и признавшийся в этом своему защитнику, принял назначенное ему условное

наказание как снисхождение, проявленное судом, за публичное признание вины. Цели правосудия были достигнуты, но и законные интересы подсудимого не пострадали.

Подобные неформальные соглашения о признании вины, ранее скрывавшиеся от огласки³⁷⁶, в 1984 году одобрила судебная практика Германии. Рассматриваемая как одна из гарантий прав участников уголовного процесса, эта практика требует, на наш взгляд, четкого нормативного регулирования и в российском судопроизводстве. В частности, нуждаются в законодательном закреплении вопросы о круге дел, по которым следует допустить сделку, гарантиях добровольности соглашения обвиняемого с прокурором, последствиях сделки и пределах допускаемого смягчения ответственности.

Вопрос о преступлениях, по которым допускаются сделки о признании вины, в законодательстве различных стран решается по-разному. Если в американском правосудии сделки разрешаются по всем уголовным делам, в том числе когда обвиняемому грозит смертная казнь³⁷⁷, то европейские страны занимают в этом вопросе более осторожную позицию, допуская возможность тех или иных согласительных процедур лишь по делам, по которым возможный срок лишения свободы не превышает определенного предела (например, 3 лет в Италии), или когда обвинитель требует наказания, не превышающего определенного размера (например, 6 лет в Испании)³⁷⁸. Сторонниками сделки в отечественной науке, как правило, предлагается распространение этой процедуры лишь на дела о преступлениях небольшой и средней тяжести. Представляется возможным поддержать это мнение на начальном этапе внедрения сделок о признании в практику с последующим распространением её на все категории дел независимо от степени их тяжести и грозящего подсудимому наказания. Право обвиняемого быть судимым в течение «разумного срока», закрепленное Международным

³⁷⁶ По этой причине выявить реальную распространенность заключающихся сделок невозможно, однако опрос адвокатов подтверждает достаточно широкую распространенность неформальных согласительных процедур. Практически каждый второй из опрошенных заявил, что вступал в переговоры с обвинителем (прокурором или потерпевшим) не менее одного раза и оценивает результаты переговоров положительно.

³⁷⁷ См.: Махов В.М., Пешков М.А. Уголовный процесс США (досудебные стадии). - М., 1998. - С.167-186.

³⁷⁸ См.: Тэйман Стивен. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? // Российская юстиция. - 1998. - №10. - С.35-37; №11. - С.35-37.

пактом о гражданских и политических правах и Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, дает основания для поиска разумных средств, направленных на обеспечение прав обвиняемых. Допускаемое действующим законом длительное содержание обвиняемых под стражей до суда, справедливо расценивается как произвол и нарушение прав человека, годами ожидающего правосудия. Ускорение рассмотрения в судах несложных уголовных дел, какими часто являются даже дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, разгрузит суды первой инстанции и создаст возможность сосредоточить усилия на спорных в доказательственном отношении делах.

В рассматриваемом постановлении Совета судей РФ ничего не говорится о круге дел, по которым возможна сделка, но сокращенный порядок судебного следствия предлагается установить лишь по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. И хотя речь идет о введении в новый УПК России двух самостоятельных институтов, это не исключает единого критерия выбора дел, к которым они могут применяться. Кроме того, заключение сторонами сделки обуславливает прекращение судебного разбирательства и переход к постановлению приговора. Думается, что право на заключение сделки в перспективе должно быть обеспечено по всем уголовным делам, не зависимо от степени их тяжести и грозящего подсудимому наказанию. Уменьшится ли торжество правосудия, если в обмен на признание подсудимый по делу об особо тяжком преступлении получит пожизненное заключение вместо смертной казни?

Судебный контроль за законностью сделки и добровольностью признания обвиняемым вины следует, на наш взгляд, считать обязательным. Роль суда в сделке заключается в детальном выяснении множества содержащихся в специальной памятке для судьи, принимающего заявление о признании вины, вопросов, направленных на установление факта добровольности и осознанности признания³⁷⁹. Возможность осуществления такого контроля может быть обеспечена требованием облечения достигнутой сторонами договоренности в форму документа, представляемого суду до начала судебного разбирательства. Такая процедура может рассматриваться и в качестве гарантии выполнения принятых на себя сторонами обязательств по сделке. Наиболее благоприятным моментом для проведения согласительных процедур представляется этап окончания предварительного расследования. Решение прокурором, к которому поступило уголовное дело с обвинительным заключением, вопроса об изменении обвинения после

³⁷⁹ См. подборку материалов для занятий с российскими судьями, составленную в рамках программы правовых инициатив Ассоциацией американских юристов для стран центральной и восточной Европы... - С.28-33.

ным заключением, вопроса об изменении обвинения после обсуждения с обвиняемым его дальнейшей позиции по делу вполне укладывается в рамки полномочий, предусмотренных ст. 213-215 УПК РСФСР. Обеспечение обвиняемому права на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе и бесплатной, и обязательное разъяснение ему существа сделки и её последствий до начала согласительной процедуры, как представляется, послужит достаточной гарантией ограждения обвиняемого от возможности недобросовестного склонения к необоснованному признанию. Целесообразно предусмотреть в законе и право судьи, к которому поступило заявление сторон о достигнутом соглашении, лично опросить подсудимого о добровольности сделанного им признания, а также постановить оправдательный приговор в случае недостаточности доказательств.

Реализация соглашения сторон в целом не зависит от одобрения или неодобрения суда, связанного рамками обвинения (ст. 254 УПК), поэтому корректировка прокурором объема обвинения и его правовой квалификации даже в судебном заседании должна быть принята судом, хотя он и не является участником сделки. Однако поскольку только суд вправе решать вопрос о мере наказания, представляется необходимым в законодательном порядке предусмотреть достаточные гарантии реального смягчения наказания для лица, заключившего сделку. Для таких случаев в законе может быть предусмотрено снижение наказания на одну треть его срока или размера, как, например, в УПК Италии.

Вместе с тем одно лишь признание вины недостаточно для констатации заключения сделки. УК РФ предусматривает довольно большие «вилки» в размерах наказания, обвиняемый, признавая себя виновным, вправе рассчитывать на снисхождение, поэтому принципиальным в данном вопросе является наличие договоренности о конкретном наказании.

Формально сделка в американском варианте необязательно сопровождается смягчением наказания, а рекомендации прокурора о смягчении наказания необязательны для суда. Поэтому процедура принятия заявления о признании вины, предусмотренная ст. 11 Федеральных правил уголовного процесса, включает обязанность судьи при установлении степени «добровольности» и «разумности» признания выяснять, понимает ли подсудимый, что ни защитник, ни суд не могут сообщить ему сегодня точные пределы возможного наказания³⁸⁰. Однако поскольку в основе сделки - взаимные уступ-

³⁸⁰ См. подборку материалов для занятий с российскими судьями, составленную в рамках программы правовых инициатив Ассоциацией американских юристов для стран центральной и восточной Европы... - С.28.

ки, смягчение прокурором обвинения, снятие его части, как правило, влечет и смягчение ответственности.

На наш взгляд, идея сделки в уголовном судопроизводстве имеет серьезные перспективы. Институт сделки между сторонами в судопроизводстве всегда присутствовал в российском законодательстве. Правовая природа сделки между обвинением и защитой представляется идентичной мировому соглашению сторон, допускаемому гражданским судопроизводством. Исходя из того, что судопроизводство в любой форме есть способ разрешения социальных конфликтов, и понимая преступление как конфликт уголовно-правового характера, трудно найти столь существенные различия между уголовно-правовыми и гражданско-правовыми конфликтами, которые обусловили запрет на мировое соглашение (сделку) в уголовном процессе при её разрешении в процессе гражданском. Практика изобилует примерами, когда заключение сделки между обвинением и защитой является не только более экономичным и всеми приемлемым решением, но иногда и единственной возможностью разрешить дело по существу, обеспечив при этом баланс интересов участвующих в нем лиц.

Законодательное закрепление сделки о признании, на наш взгляд, не только позволит рационализировать процедуру рассмотрения уголовных дел в суде первой инстанции, но и значительно разгрузит суды второй и надзорной инстанций. Логично предположить, что достигшие соглашения стороны не станут оспаривать приговор, на который они заранее согласились³⁸¹. Существующие гарантии достижения целей судопроизводства и их усиление за счет сформулированных в статье предложений способны нейтрализовать теоретическую возможность определенных негативных последствий сделок и обеспечить выполнение требований законности, обоснованности и справедливости приговора во всех случаях. Отказ от устойчивых стереотипов, сформировавшихся в условиях многолетнего функционирования советской судебной системы³⁸², несовершенство которой сегодня очевидно, требует поиска новых форм судопроизводства и более радикальных изменений уголовно-процессуального законодательства. Институт сделки, как представляется, есть одна из таких новых форм, эффективность которых апробирована и подтверждена зарубежным опытом.

Рассматривая уголовное судопроизводство как юридический спор, социальный конфликт, логично прийти к выводу о том, что разрешение этого конфликта, прекращение спора ведет к ненужности процедуры судопроиз-

³⁸¹ Именно так обстоит дело в американском процессе.

³⁸² См.: Орехов Р. Судебная реформа требует радикального подхода // Российская юстиция. - 1998. - №8. - С.2.

водства как способа справедливого разрешения этого правового конфликта, её бессмысленности. Сложная процедура судопроизводства подчас превращается в фарс. Примеров тому множество. Н-в обвинялся в хулиганстве. В связи с очевидной малозначительностью произведенного им нарушения общественного порядка и очевидной же незаконностью применениями работниками милиции спецсредств, уголовное дело первоначально было прекращено, а действия Н-ва расценены как административное правонарушение. Прокурор, осуществляющий надзор за расследованием, постановление о прекращении дела отменил, однако дело вновь было прекращено в связи с отсутствием состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 213 УК РФ. Повторно отменяя постановление о прекращении уголовного дела, прокурор потребовал пересмотра юридической оценки действий обвиняемого и вменения Н-ву квалифицирующего признака - оказания сопротивления представителю власти. В итоге дело по обвинению Н-ва по ч. 2 ст. 213 УК РФ было направлено в суд, однако в связи с неявкой лица, признанного потерпевшим, и свидетелей откладывалось четыре раза и рассмотрено по существу лишь по истечении года. «Борьба с преступностью» в лице Н-ва завершилось изменением юридической квалификации преступления и прекращением дела по ст. 7 УПК РСФСР, т.е. в связи с примирением подсудимого и потерпевшего. Очевидно, что достигнутый результат не требовал усилий, приложенных к этому делу органами уголовного преследования.

В аналогичной ситуации по другому уголовному делу о карманной краже судебное заседание состоялось спустя полтора года после поступления дела в суд. Лишь подсудимый неоднократно добросовестно являлся по вызовам суда, свидетелей же - сотрудников ОВД, осуществлявших задержание, пришлось долго разыскивать. Судебная процедура, включая постановление приговора, заняла не более 20 минут и завершилась осуждением к 1 году лишения свободы условно и испытательным сроком в 1 год. Парадоксальность ситуации заключается в том, что испытательный срок по указанному приговору превысил срок ожидания самого приговора, что позволяет расценить соблюдение формальностей и по данному делу как нарушение прав человека.

Предвидя возражения о том, что осуждение лишь на основе признания вины подсудимым не согласуется с презумпцией невиновности, заметим, что в редких случаях защите удается доказать суду даже действительную невиновность подсудимого. Практика давно уже идет по пути фактического совершения сделки:

по делам, где обвинение основано на противоречивых доказательствах, суд склонен принимать максимально мягкое решение. Защита, даже понимая, что оно не в полной мере обосновано доказательствами, чаще всего идет на компромисс, боясь ухудшить положение подзащитного излишней принципиальностью.

Наше неприятие сделок о признании вины обусловлено не только стремлением защитить истину, как цель судопроизводства, но и вполне реальным опасением роста злоупотреблений, оправданным обоснованным недоверием к следственным органам и прокуратуре, неверием в способность суда принять правильное решение без привычной громоздкой процедуры не только судебного, но и предварительного следствия. Однако, как представляется, российское уголовное судопроизводство в большей степени пригодно для развития института сделки, чем кажется на первый взгляд. «Содержанием предварительного следствия в англо-американском уголовном процессе является неформальное полицейское расследование, за исключением тех дел, которые рассматриваются Большим жюри»³⁸³, являющимся органом расследования сложных дел. Тщательное всестороннее исследование доказательств в условиях гласного состязательного судопроизводства в условиях, когда подсудимый заявляет о своей невинности, представляется необходимым независимо от того, сколько времени и средств затрачивается на такой процесс. Обвиняемый имеет право на то, чтобы его невинность была установлена судом. Суд для него - единственная возможность получить представление об имеющихся против него доказательствах и опровергнуть их. Однако суд присяжных весьма трудно прогнозируем, подсудимый никогда не может быть абсолютно уверен в оправдании, даже если он действительно не виноват. Очевидно, это и обуславливает постоянное увеличение количества дел, решаемых в США сделками. Сегодня их число превышает 90%³⁸⁴. Такая практика постепенно получила распространение и в части европейских стран - Германии, Испании, Италии.

Российский уголовный процесс отличается инквизиционная форма предварительного расследования, заключающаяся в сложной процедуре собира-

³⁸³ Тейман Стивен. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? // Российская юстиция. - 1998. - №10. - С.36.

³⁸⁴ Там же. - С.37.

ния и проверки доказательств. Уголовное дело только тогда направляется в суд, когда органами расследования собрана убедительная совокупность доказательств вины обвиняемого. Так ли необходима проверка доказательств в судебном следствии в условиях признания обвиняемым своей вины? Ссылки на то, что возможность отказа от проведения судебного следствия или сокращения его в связи с достижением договоренности между обвинением и защитой означает отказ от установления истины и вызовет осуждение невиновных, представляются неубедительными.

Вполне понятны и опасения, что обвиняемые будут соглашаться на сделку под влиянием недобросовестного воздействия со стороны органов расследования. Однако причинная связь между неправомерным склонением обвиняемых к признанию вины и легализацией сделок отсутствует. Практикам известно³⁸⁵, что одной из форм понуждения обвиняемых к признанию вины является «обещание» более мягкого приговора, но сегодня исполнение обещанного реально ничем не обеспечено: следователь, а часто и прокурор

не имеют возможности влиять на приговор суда³⁸⁶. Легализация сделок ведет к исчезновению стимула к недобросовестному воздействию на обвиняемого, в связи с появлением возможности честного обсуждения с ним последствий добровольного признания. Гарантии добровольности сделки в виде обеспечения права на защиту, судебного контроля за сделкой, возможности высказать свое желание заключить сделку в открытом судебном процессе в присутствии защитника способны нейтрализовать возможность недобровольного признания. Письменная форма сделки и утверждение её судом гарантируют выполнение обязательств второй стороной.

Естественно, требует обсуждения вопрос о способах осуществления судом контроля за законностью сделки. Суд должен выяснить, понимает ли обвиняемый сущность обвинения и последствия своего признания, не имело ли место принуждение к признанию и иные незаконные меры. Представляется, что принятие такого решения возможно и в стадии предвари-

³⁸⁵ Опрос адвокатов подтверждает обоснованность этого утверждения. В ответах на вопрос о мотивах признания их подзащитными вины в совершении преступления более половины указали на подобные «уговоры» со стороны следователей.

³⁸⁶ Случаи, когда суровость назначенного судом наказания превосходит предложения прокурора, не так уж редки.

тельного слушания. Утверждение судом сделки означает согласие с ней, а отказ влечет необходимость полной процедуры судебного разбирательства. В законе могут быть названы и причины, по которым суд вправе отказать в утверждении сделки.

Логическим следствием сделки о признании вины является возможность сокращения судебного разбирательства, хотя этот институт имеет и самостоятельное значение. Отсутствие спора о вине в значительной степени лишает смысла исследование доказательств, а в случае принятия предложения о законодательном закреплении существенного сокращения размера наказания для лиц, заключивших сделку, столь же ненужными во многих случаях могут стать и прения сторон. Как не без оснований отмечали составители Устава уголовного судопроизводства, продолжение судебного следствия в случае бесспорного признания вины подсудимым означало бы «напрасную потерю времени».

Содержащееся в ч. 2 ст. 446 положение о праве председательствующего в случаях, когда сделанные признания не оспариваются какой-либо из сторон и не вызывают у судьи сомнений, ограничиться исследованием лишь тех доказательств, на которые укажут участники процесса, либо объявить судебное следствие окончанным и перейти к выслушиванию прений сторон, введенное в действующий УПК в 1993 году, вызывает неоднозначные оценки в научной среде. Возможность минуя судебное следствие перейти к прениям сторон предусматривалась и Уставом уголовного судопроизводства 1864 года (ст. 92, 681), и УПК РСФСР 1923 года (ст. 282). Не принятое УПК РСФСР 1960 года, это положение, однако, возродилось в связи с принятием 16 июля 1993 года Закона о внесении изменений и дополнений в УПК РСФСР... которым в России восстановлен суд присяжных. Правила о сокращении судебного следствия в полной мере основаны на Концепции судебной реформы³⁸⁷, тем не менее

³⁸⁷ См.: Концепция судебной реформы в РФ... - С.95.

они вызвали поток неприятия в литературе³⁸⁸. Однако в научной среде встречается и признание этой идеи правомерной³⁸⁹.

Основанием для критики идеи сокращенного судебного следствия служит видимое противоречие ч. 2 ст. 446 положениям ч. 3 ст. 77 УПК, согласно которым признание вины возможно лишь при подтверждении ее совокупностью имеющихся в деле доказательств³⁹⁰, и то, что «кажущиеся преимущества подобных процессуальных новелл никак не соразмеримы с тем вредом, который потенциально заложен в ч. 2 ст. 446 УПК»³⁹¹.

Действительно, некоторое противоречие этого нововведения требованиям ст. 77 УПК можно обнаружить. Общие правила судопроизводства, применимые к процедуре суда присяжных и неоднократно подчеркнутые Верховным Судом, однозначны - одно лишь признание обвиняемым своей вины не может быть достаточным для обвинения, а вывод о том, что признание не вызывает сомнений, как отмечено в науке³⁹², может быть сделан лишь после исследования всей совокупности доказательств и не может быть предрешен ранее. Однако при этом как-то упускается из виду, что суд не связан мнением сторон ни в одном, в том числе и в этом, вопросе и вправе полностью провести исследование доказательств, если у него будут основания

³⁸⁸ См.: Куцова Э. Рецензия на сборник статей «Проблемы российской адвокатуры. Московская городская коллегия адвокатов». - М., 1997 // Государство и право. - 1998. - №8. - С.126; Печников Г. Система «здорового юридического смысла» в уголовном процессе // Российская юстиция. - 1998. - № 3. - С.11.

³⁸⁹ См.:Алексеева Л.Б. Некоторые вопросы реализации принципа состязательности в проекте нового УПК // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы: Материалы конференции... - С.123.

³⁹⁰ См.: Черкасова Н.Ю. Исследование доказательств в суде первой инстанции. Дисс. ... канд. юрид. наук. - Самара, 1993. - С.181.

³⁹¹ Ковтун Н.Н. О роли суда в доказывании по уголовным делам... - С.62.

³⁹² См.: Черкасова Н.Ю. Указ. соч. - С.181.

полагать нечестную сделку или недостоверность признания подсудимого³⁹³.

Предоставление суду права самостоятельно решить вопрос о сокращении судебного следствия и, следовательно, провести его в полном объеме при наличии малейших сомнений в виновности подсудимого в определенной мере сглаживает кажущуюся одиозность этого нововведения.

Критика идеи сокращенного судебного следствия, обусловленная стремлением защитить истину как цель судопроизводства, делающую необходимым неуклонное соблюдение требования ч. 3 ст. 77 УПК о том, что признание вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его совокупностью имеющихся доказательств по делу, имеет под собой достаточно веские основания. Недоверие к органам расследования и прокуратуры, опасение возможных злоупотреблений с их стороны путем «списания» нераскрытых преступлений на признавшихся обвиняемых в обмен на обещание прекратить дело или смягчить ответственность широко известны. Трагическое и кровавое советское прошлое исключает саму возможность постановки вопроса о том, чтобы «штамповать» обвинительные приговоры исходя из единственного доказательства. Однако в той сложной экономической ситуации, в которой оказалась страна, принцип процессуальной экономии и здравый смысл становятся действенными факторами, позволяющими продолжать судебную реформу. Поэтому следует не отказываться от использования новых форм судопроизводства по мотивам возможных злоупотреблений ими со стороны следственной и прокурорской властей, а разрабатывать такие механизмы их реализации, которые исключали бы такую возможность.

Одна из таких гарантий заложена в самом построении отечественного уголовного судопроизводства, не допускающем привлечения человека к уголовной ответственности без сложной процедуры собирания и проверки доказательств, осуществляемой специальными государственными органами, в отличие, например, от американского правосудия, в котором, как известно, формальное предварительное расследование проводится лишь по некоторым категориям дел. Система предварительного следствия, предусматри-

³⁹³ Знакомство с практикой расследования позволяет автору обоснованно предполагать, что неправомерное склонение обвиняемых к признанию своей вины будет продолжаться независимо от решения законодателем рассматриваемого вопроса.

вающая в целом достаточные механизмы защиты прав участвующих в нем лиц, гарантирует достижение истины как цели уголовного процесса. Установление судебного контроля за предварительным следствием и его актами, ограничивающими конституционные права и свободы граждан, расширение состязательности в досудебном производстве, составляющие одно из направлений проводимой судебной реформы, направлены на совершенствование этих механизмов и повышение уровня надежности и обоснованности результатов предварительного расследования. Поэтому при отсутствии сомнений в допустимости собранных в ходе следствия доказательств, в доказанности обвинения, в правдивости признания своей вины обвиняемым, которому было обеспечено право на защиту, т.е. при отсутствии правового спора, повторное исследование доказательств в сложном, долгом и дорогостоящем судебном разбирательстве представляется не вызываемым необходимостью. В качестве дополнительной гарантии может рассматриваться сохранение за судом права провести судебное следствие в полном объеме при наличии малейших сомнений в виновности подсудимого, а также права постановить оправдательный приговор независимо от признания подсудимого.

В сложившихся обстоятельствах полностью отказаться от заманчивой идеи сокращения судебного следствия или полного отказа от него было бы неправильным. Практика свидетельствует о достаточно большом количестве дел, по которым истина не вызывает сомнений. Это может быть связано не только и не столько с признанием подсудимым своей вины, сколько с объективными обстоятельствами дела, например, если имело место задержание правонарушителя на месте совершения преступления. Надлежащим образом оформленное, оно является достаточно убедительным доказательством виновности. Согласие правонарушителя на сокращенную процедуру должно стать обязательным, равно как и согласие с основаниями задержания. Ограничение возможности такого упрощения на первом этапе лишь преступлениями, не предусматривающими лишения свободы или предусматривающими его небольшие сроки, послужит дополнительной гарантией прав личности. Процедура должна безусловно обеспечивать возможность предварительного получения юридической помощи, в том числе и бесплатной, разъяснения существа и последствий сокращенной процедуры, возможного наказания. Разумно предположить, что при принятии такого решения должно обязательно учитываться мнение потерпевшего³⁹⁴.

³⁹⁴ Правила американского судопроизводства не предусматривают согласования с потерпевшим условий сделки, однако его мнение по этому вопросу, как правило, учитывается (см.: подборку материалов для занятий с российскими судьями, составленную в рамках программы правовых инициатив Ассоциацией американских юристов для стран Центральной и Восточной Европы... - С.28).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенному исследованию, приходим к следующим выводам:

1. Признание Российской Федерацией ценности человеческой личности, её прав и свобод, идеи правового государства и принципа разделения властей является закономерным результатом общественно-исторического развития. Осознание единства и взаимообусловленности человека и общества привело к признанию и закреплению в Конституции РФ приоритета прав и свобод человека и гражданина перед интересами государства.

Утверждающее приоритет человеческой личности как важнейшей социальной ценности общество вправе требовать от государства и его органов признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Выполнение государством возложенных на него обязанностей перед обществом и человеком предполагает заботу о создании эффективно действующих механизмов правовой защиты, гарантирующих каждому человеку возможность добиваться защиты и восстановления его прав и свобод от любых нарушений и неправомерных ограничений, в том числе исходящих от самого государства, его органов и должностных лиц. Защита, осуществляемая независимыми от кого бы то ни было органами судебной власти, является наиболее эффективным средством восстановления прав и свобод личности. Судебная защита, рассматриваемая как одна из граней реализуемой судебной властью принадлежащей ей функции разрешения социальных конфликтов правового характера, приобретает в современных условиях значение основного способа защиты и важнейшей гарантии обеспечения прав и свобод личности, однако реализация права на судебную защиту зависит от создания государством условий, обеспечивающих гражданам свободу доступа к правосудию.

2. Судебная защита прав и свобод личности реализуется путем осуществления правосудия в конституционном, гражданском, административном и уголовном судопроизводствах, однако в уголовном процессе происходит защита наиболее значимых для человека благ, в том числе жизни и свободы. Поэтому защита прав и свобод личности является и задачей и принципом уголовного судопроизводства, а обязанности по обеспечению прав участников уголовного процесса пронизывают всю уголовно-процессуальную деятельность следователя, прокурора и суда. В связи с этим представляется не лишним смысла закрепление в новом Уголовно-процессуальном кодексе не только принципа охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина, но и принципа судебной защиты как процессуальной гарантии реализации принципов охраны и защиты прав и свобод личности. Принцип обеспечения обвиняемому права на защиту, тесно соприкасающийся с вышеназванными правовыми положениями, не охватывается ими и имеет самостоятельное содержание. Формулирование охраны, защиты и судебной защиты прав и свобод личности в качестве принципов уголовного процесса будет способствовать повышению уровня законности уголовного судопроизводства во всех его стадиях, обоснованности принимаемых решений, повышению престижа и авторитета правоохранительных органов, возрастанию роли и значения судебной власти в обществе. Конституция РФ нуждается в дополнении её правовой нормой, закрепляющей принцип обеспечения обвиняемому права на защиту.

3. Основное направление развития уголовно-процессуального законодательства видится в создании такой системы деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и рассмотрению в судах уголовных дел, которая максимально обеспечивает защиту прав и свобод как потерпевших от преступлений, так и обвиняемых и подозреваемых в совершении преступлений, а также всех лиц, так или иначе соприкасающихся с уголовным процессом. Необходимость создания целостной системы защиты прав человека в уголовном процессе предполагает рассмотрение уголовного судопроизводства как способа ограничения власти государства, способа защиты прав и свобод граждан не только от преступлений, но и от злоупотребления государством репрессивной властью.

4. Всеобщность гарантированной Конституцией РФ судебной защиты прав и свобод личности означает закономерную неизбежность распространения её на все стадии уголовного судопроизводства. Осуществляемая в различных процессуальных формах, деятельность суда на всех этапах уголовного процесса представляет собой разрешение разнообразных правовых конфликтов, т.е. является правосудием. Правосудие, таким образом, представляет собой не только способ разрешения конфликтов, но и форму су-

дебного контроля за общественными процессами, по контролю за законностью деятельности органов уголовного преследования, способ защиты и восстановления прав и свобод человека и гражданина.

5. Особенности уголовно-процессуальной деятельности на различных стадиях обуславливают многообразие форм судебной защиты прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве. Однако все виды судебной защиты реализуются на основе общих принципов уголовного судопроизводства, гарантирующих справедливое разрешение любого рассматриваемого судом вопроса. В соответствии с действующим законодательством суд осуществляет защиту прав и свобод личности путем рассмотрения жалоб участников процесса на нарушения их прав и свобод неправомерными действиями (бездействием) и решениями органов расследования (последующий судебный контроль); рассмотрения обращений органов расследования о выдаче разрешения на совершение действий, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина (предварительный судебный контроль); предварительного рассмотрения материалов уголовного дела, направленного в суд прокурором с ходатайством о вынесении приговора и разрешения вопроса о возможности назначения судебного заседания (предварительный ревизионный судебный контроль); рассмотрения уголовного дела в судебном заседании по существу и постановления приговора (ревизионный контроль); рассмотрения кассационных жалоб участников уголовного процесса на приговоры нижестоящих судов и исправления допущенными ими ошибок, пересмотра приговоров, вступивших в законную силу, в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам (последующий ревизионный контроль). Требование о доступности населению правосудия, как важнейшей гарантии судебной защиты, предполагает совершенствование существующих и разработку новых правил осуществления названных видов правосудия.

6. Принципиальная новизна таких форм судебной защиты, как судебный контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина органами предварительного расследования, отразилась на неразработанности механизмов реализации права на судебную защиту. Затянувшийся переходный период, на время которого сохраняется предусмотренный действующим УПК РСФСР несудебный порядок заключения под стражу, отсутствие ясности в вопросе о должной процедуре проведения обыска в жилище, неурегулированность процедуры обжалования в суд незаконных действий и решений следователя, прокурора, лица, производящего дознание, являются препятствием эффективной реализации права на судебную защиту, устраняют суд от контроля за законностью предварительного расследования, тормозят процесс демократизации уголовного судопроизводства. Вместе с

тем, правила о судебном контроле в стадии предварительного расследования в проекте нового Уголовно-процессуального кодекса РФ требуют до его принятия ряда существенных поправок и уточнений. Так, следует исключить из проекта УПК указание на возможность для участника уголовного процесса обратиться в суд лишь в случае отказа в удовлетворении соответствующей жалобы прокурором; расширить круг подлежащих судебному контролю непосредственно в стадии расследования действий и решений органов расследования путем общего указания на недопустимость отказа в принятии судом жалобы, если допущенное нарушение прав и свобод личности выходит за пределы собственно уголовно-процессуальных отношений, а рассмотрение её на более позднем этапе процессуальной деятельности не является эффективным средством восстановления права; установить срок рассмотрения судом жалобы гражданина и срок представления органом расследования материалов, подтверждающих законность произведенного действия и решения; закрепить возможность и порядок обжалования принятых в порядке судебного контроля решения и т.п. Нуждается в ряде изменений и предусмотренная проектом УПК процедура выдачи судом разрешения на проведение следственного действия, ограничивающего права и свободы личности, причем целесообразно предусмотреть в законе две разные процедуры рассмотрения судом обращений органа расследования с учетом особенностей тех следственных действий, на проведение которых истребуется разрешение. В одном случае (например, арест) эта процедура должна предусматривать участие заинтересованного лица и его защитника, обеспечивающих право обвиняемого, подозреваемого защищать свое право на свободу и личную неприкосновенность с использованием возможностей состязательной процедуры, в другом (например, обыск) решение должно приниматься в условиях, обеспечивающих неразглашение информации, поскольку несоблюдение этого условия ведет к утрате следственным действием смысла.

7. Эффективным средством судебной защиты прав участников уголовного процесса является предварительный ревизионный судебный контроль за полнотой проведенного предварительного расследования и обоснованностью предъявленного обвинения, осуществляемый после окончания расследования и передачи дела в суд, предполагающий также проверку судом законности предварительного расследования. Совершенствование стадии назначения судебного заседания связано с расширением полномочий суда по исключению из разбирательства дела доказательств, полученных с нарушением требований федерального закона, разрешением жалоб и ходатайств участников уголовного процесса на любые нарушения их прав при производстве предварительного расследования, введением дифференциации форм назначения судебного заседания, обязательным проведением состяза-

тельного предварительного слушания в случае возникновения необходимости разрешения любого спорного вопроса.

8. Наиболее совершенная и эффективная форма судебной защиты - рассмотрение уголовного дела по существу - требует усиления состязательных начал судопроизводства и повышения активности сторон. В этих целях целесообразно закрепление в законе такой процедуры судебного следствия, при которой суд приступает к исследованию доказательств после того, как стороны его завершили. Представляется, что полный отказ от права суда вернуть уголовное дело прокурору для производства дополнительного расследования несовместим с принципом равноправия сторон, предполагающим право стороны обвинения при наличии возможности продолжить деятельность по собиранию обвинительных доказательств. В целях повышения эффективности судопроизводства возможно предусмотреть проведение органом расследования определенных следственных действий по ходатайству любой из сторон без возвращения уголовного дела для дополнительного расследования.

9. Требование об обеспечении доступа к правосудию ставит в повестку дня вопрос о гуманизации, упрощении и удешевлении судопроизводства. Законодательное закрепление различных примирительных процедур, форм сокращенного и упрощенного судопроизводства позволит достичь задач уголовного судопроизводства по значительному числу уголовных дел более простым, более рациональным и более гуманным способом. Примирительное судопроизводство может рассматриваться и как наилучшая защита прав потерпевшего, получающего возмещение причиненного ему вреда. Представляется, что в идее легализации сделок о признании вины содержится больше достоинств, чем недостатков, а опасения возможных злоупотреблений со стороны органов расследования могут быть нейтрализованы детально урегулированной процедурой достижения сторонами соглашения под обязательным судебным контролем. Введение сокращенного судебного следствия при достижении сторонами соглашения об условиях признания вины представляется разумным и целесообразным. Вместе с тем, подсудимому должно быть обеспечено право добиваться оправдания всеми не противоречащими закону способами, в том числе путем использования процедуры судопроизводства с участием присяжных заседателей. Высвобождение материальных, временных и процессуальных ресурсов в связи с упрощением процедуры по значительному числу дел, в которых отсутствует спор о вине, позволит обеспечить право на защиту от обвинения тем подсудимым, вопрос о вине которых требует сложной состязательной процедуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абабков А.В. Защитить права потерпевшего // Российская юстиция. - 1997. - №3. - С.16-17.
2. Абабков А.В. Процессуальное положение потерпевшего в уголовном процессе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - М., 1998.
3. Абросимова Е.Б. Судебная власть: конституционно-правовые аспекты. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - М., 1991.
4. Абросимова Е.Б. Судебная власть // Тезисы докладов на теоретической конференции аспирантов Института государства и права и Московского юридического института. - М., 1991. - С.60-64.
5. Абдумаджидов Г. Расследование преступлений. - Ташкент: Узбекистан, 1986.
6. Агеева Г.Н. О процессуальном положении прокурора в судебном разбирательстве // Ученые записки ВЮЗИ. - М., 1958. - Вып.6. - С.116-131.
7. Адаменко В.Д. Представительство в советском уголовном процессе. Диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - Свердловск, 1972.
8. Актуальные проблемы правовой защиты личности в уголовном судопроизводстве: Сб. научн. тр. - Ярославль, 1990.
9. Акты Конституционного Суда РФ и право на судебную защиту // Российская юстиция. - 1998. - №11. - С.3-4.
10. Александров А.О. О значении концепции объективной истины // Российская юстиция. - 1999. - №1. - С.23-24.
11. Александров А.С. Диспозитивность в уголовном процессе. Диссертация на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - Нижний Новгород, 1995.
12. Александров А. Правовые гарантии возмещения ущерба в уголовном процессе. Учебное пособие. - Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1976.
13. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. - Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1980.
14. Алексеев Н.С., Лукашевич В.З. Ленинские идеи в уголовном судопроизводстве. - Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1970.

15. Алексеева Л.Б. Некоторые вопросы реализации принципа состязательности в проекте нового УПК // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы: Материалы конференции. - М., 1997. - С.115-123.
16. Алексеева Л.Б. О единстве советского процессуального права // Вопросы борьбы с преступностью. - М.: Юридическая литература, 1974. - Вып.21. - С.29-46.
17. Алексеева Л.Б., Радутная Н.В. Предупреждение судебных ошибок, обусловленных обвинительным уклоном в деятельности судов первой инстанции: Пособие для судей. - М.: ВЮЗИ, 1989.
18. Альперт С.А. Защита в советском уголовном процессе прав и законных интересов лиц, понесших имущественный ущерб от преступления. Текст лекций. - Харьков: Харьковский юрид. ин-т, 1984.
19. Анашкин Г.З. Вопросы науки советского уголовного процесса и судостроительства // Вопросы борьбы с преступностью. - М.: Юридическая литература, 1974. - Вып.20. - С.60-72.
20. Арсеньев В. Упрощение не равнозначно упрощенчеству // Социалистическая законность. - 1975. - №3. - С. 63-64.
21. Астафьев Ю.В. Право на защиту в стадии предания суду. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - Харьков, 1989.
22. Апарова Т.В. Суды и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия. - М.: Институт международного права и экономики. Изд-во «Триада Лтд», 1996.
23. Ахпанов А.Н. Пределы правоограничений личности в уголовном судопроизводстве: Учебное пособие. - Караганда: Карагандинская ВШ МВД РК, 1995.
24. Бабенко А.М., Черкасова Н.Ю. Суд должен проявлять активность при сборе и исследовании доказательств // Советская юстиция. - 1993. - №12. С.1-2.
25. Байтин М.И. Государство и политическая власть. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972.
26. Балакшин В. Истина в уголовном процессе // Российская юстиция. - 1998. - №2. - С.18-19.
27. Баренбойм П. Божественная природа судебной власти: 3 тысячи лет доктрине разделения властей // Российская юстиция. - 1996. - №1.- С.21-23.
28. Басков В.И. Прокурор в суде первой инстанции. - М.: Юридическая литература, 1968.
29. Басков В.И. Прокурорский надзор при рассмотрении судами уголовных дел. - М.: Юридическая литература, 1980.
30. Башкатов Л., Ветрова Г. О состязательности // Российская юстиция. - 1995. - №1. - С.19-20.
31. Бердяев Н.А. Государство // Власть и право. - Л., 1990. - С.279-314.
32. Бибило В.Н. Реализация судебной деятельности как выражение компетентности суда при осуществлении функции правосудия // Вопросы обеспечения законности в уголовном судопроизводстве. - Тверь, 1992. - С.62-68.
33. Бибило В.Н. Социально-правовые основы правосудия по уголовным делам. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д-ра юрид. наук. - М., 1995.
34. Боботов С.В. и др. Пути совершенствования системы уголовной юстиции // Советское государство и право. - 1989. - №4. - С. 87-96.

35. Бобров М.И. И законность, и справедливость // Советская юстиция. - 1993. - №5. - С.2-3.
36. Бобров М. Становление судебной власти // Вестник Верховного Суда СССР. - 1991. - №7. - С.22.
37. Божьев В.П. Значение Конституции РФ для обеспечения прав человека в уголовном судопроизводстве // Защита прав человека и соблюдение законности органами внутренних дел: Материалы международной научно-практической конференции (10 декабря 1998 года). - М.: МЮИ МВД России, Изд-во «Щит-М», 1999. - С.39-44.
38. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. - М.: Юридическая литература, 1975.
39. Бозров В.М. Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов (вопросы теории и практики): Монография. - Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999.
40. Бозров В.М. Судебный контроль за арестом // Законность. - 1996. - №3. - С.34-38.
41. Бозров В.М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России (теоретические, процессуальные, криминалистические, этиологические и организационные аспекты). Автореферат диссертации на соискание ученой степени д-ра юрид. наук. - Екатеринбург, 1999.
42. Бозров В.М., Кобяков В.М. Некоторые процессуальные аспекты назначения судебного заседания и порядка предварительного слушания в суде присяжных // Государство и право. - 1996. - №6. - С.19-28.
43. Бозров В.М. Стадия назначения судебного заседания // Российская юстиция. - 1996 - №3. - С.48-49.
44. Бозров В.М., Кобяков В. Процессуальная деятельность судьи при назначении судебного заседания // Российская юстиция. - 1994. - №10. - С.22-23.
45. Бойков А.Д. Третья власть в России: Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990-1996 гг. - М., 1997.
46. Бойков А.Д. Этика профессиональной защиты по уголовным делам. - М.: Юридическая литература, 1978.
47. Бойцов В.В., Бойцова В.Я. Административная юстиция. К продолжению дискуссии о содержании и значении // Государство и право. - 1994. - №5. - С.42-43.
48. Боннер А.Т. Правосудие как вид государственной деятельности. Лекция. - М., 1973.
49. Боннер А.Т., Бахрах Д.Н. Административная юстиция: развитие и проблемы совершенствования // Советское государство и право. - 1975. - №8. - С.13-21.
50. Бояринцев В.Н. О законодательном закреплении принципа публичности процесса // Совершенствование законодательства и суде и правосудии. - М., 1985. - С.93-100.
51. Брук Генри. Судебный контроль за соблюдением прав человека: Судебный контроль и права человека: Материалы российско-британского семинара 12-13 сентября 1994 г. - М.: Права человека, 1996. - С. 36-43.
52. Брусицин Л.В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию. - М.: СПАРК, 1999.

53. Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. - М.: Международные отношения, 1974.
54. Быкова Е.В. Судебный контроль за предварительным расследованием преступлений во Франции. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - М., 1996.
55. Вавилова Л.В. Организационно-правовые проблемы защиты жертв преступлений (по материалам зарубежной практики). Автореф. диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - М., 1995.
56. Ведяхина К.В. Судебная защита прав и свобод граждан // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». - Тольятти: Изд-во ТолПИ, 1999. - Вып. 6. - С. 192-181.
57. Веретехин Е.Г. Пробелы предварительного расследования и их восполнение в суде первой инстанции. - Казань: КазГУ, 1988.
58. Вершинина С.И. Залог в системе мер пресечения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - Самара, 1998.
59. Верховный Суд Российской Федерации и проблемы развития судебной системы (круглый стол) // Государство и право. - 1996. - №4. - С.14-26.
60. Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность. - М.: Наука, 1987.
61. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. - М.: «Городец», 1997.
62. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: Учебное пособие для вузов. - М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998.
63. Вицин С.Е. Механизм защиты прав и свобод человека в правовом государстве // Защита прав человека и соблюдение законности органами внутренних дел: Материалы международной научно-практической конференции (10 декабря 1998 года). - М.: МЮИ МВД России, Изд-во «Щит-М», 1999. - С.28-33.
64. Власов В.И. Направление судами уголовных дел на дополнительное расследование. - Кемерово: КГУ, 1977.
65. Власть в социалистическом обществе: теория, история и перспективы: Материалы научной конференции / Редкол.: А. И. Уваров. - М.: Философское об-во СССР, 1989.
66. Волкодаев Н.Ф. Нарушение уголовно-процессуального закона как вид следственной ошибки (по материалам кассационной практики) // Уголовная ответственность: основания и порядок реализации: Межвузовский сборник научных статей. - Самара: Самарский университет, 1990. - С.135-144.
67. Волосова Н. Об институте сообвинения // Российская юстиция. - 1998. - №4. - С.11.
68. Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве: Сборник научных трудов. - М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка.
69. Воробьев С.А. К вопросу о месте прокуратуры в системе государственных органов // Прокуратура в системе политических и правовых институтов общества: Материалы Всесоюзной научно-практической конференции, проведенной в прокуратуре Союза ССР 1-2 декабря 1989 г. - М., 1990.
70. Воробьев Г.А. Тактика и психологические особенности судебных действий: Учебное пособие. - Краснодар: КГУ, 1985.

71. Выдря М.М. Функция защиты в советском уголовном процессе // Советское государство и право. - 1978. - №1. - С.88-92.
72. Выдря М.М. Предание суду как гарантия законности привлечения к уголовной ответственности: Учебное пособие. - Краснодар: Кубанский госуниверситет, 1981.
73. Выдря М.М. Участники судебного разбирательства и гарантии их прав: Учебное пособие. - Краснодар: Кубанский госуниверситет, 1979.
74. Выдря М.М. Уголовно-процессуальные гарантии в суде: Учебное пособие. - Краснодар: Кубанский госуниверситет, 1980.
75. Выдря М.М. Гарантии прав участников процесса в судах первой и второй инстанций. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д-ра юрид. наук. - М., 1967.
76. Вышинский А. Суд и прокуратура. - М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1937. – С.61.
77. Выявление и устранение следственных ошибок при судебном рассмотрении уголовных дел: Методическое пособие / Под. ред. А.Д. Бойкова. - М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1990.
78. Гальперин И.М. Направление судом уголовного дела на доследование. - М.: Госюриздат, 1960.
79. Гальперин И.М., Лукашевич В.З. Предание суду по советскому уголовно-процессуальному праву. - М.: Юридическая литература, 1965.
80. Галузо В.Н. Судебный контроль за законностью и обоснованностью содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых на стадии предварительного расследования. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - М., 1995.
81. Галузо В.Н. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в системе права России // Защита прав человека и соблюдение законности органами внутренних дел. Материалы международной научно-практической конференции (10 декабря 1998 года). - М.: МЮИ МВД России, Изд-во «Щит-М», 1999. - С.119-123.
82. Гарантии прав личности в уголовном процессе Польской народной республики. Тематический межвузовский сборник. - Ярославль: ЯрГУ, 1976.
83. Гарантии прав личности и проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства: Тематический межвузовский сборник. - Ярославль: ЯрГУ, 1989.
84. Головки Л.В. Принципы неотвратимости ответственности и публичности в современном российском уголовном праве и процессе // Государство и право. - 1999. - №3. - С.61-68.
85. Голунский С.А. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик // Вопросы судостроительства в новом законодательстве Союза ССР. - М., 1959. - С.125-130.
86. Гольдинер В.Д. Защитительная речь. - М.: Юридическая литература, 1970.
87. Григорьева Н. Принципы уголовного процесса и доказательства // Российская юстиция. - 1995. - №8. - С.39-41.
88. Григорьева Н. Исключение из разбирательства дела недопустимых доказательств // Российская юстиция. - 1995. - №11. - С.5-7.
89. Грошевой Ю.М. Профессиональное сознание судьи и социалистическое правосудие. - Харьков: Вища школа, 1986.

90. Гусев С.И. Повышение роли суда в защите прав и свобод граждан в свете Конституции СССР // Вопросы борьбы с преступностью. - 1980. - Вып.33. - С.73-80.
91. Гусев С. Роль советского правосудия в упрочении гарантий прав и свобод советских людей // Советская юстиция. - 1986. - №15. - С.6-9.
92. Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы. - М.: Зерцало, 1998.
93. Грузд Б., Сайкин Л. И законность, и обоснованность ареста // Российская юстиция. - 1999. - 312. - С.43-44.
94. Гуляев А.П. Быстрота уголовного судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. - М.: Юридическая литература, 1973. - Вып.18. - С.66-83.
95. Даев В.Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Изв. вузов. Сер. «Правоведение». - 1974. - №1. - С.64-73.
96. Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. - Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1982.
97. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. А-З. - М.: Рус. яз., 1989.
98. Демидов И.Ф. Проблема прав человека в российском уголовном процессе (концептуальные положения). - М., 1995.
99. Демидов И.Ф. Проблема прав человека в современном российском уголовном процессе (концептуальные положения). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук, выполняющая также функции автореферата. - М., 1996.
100. Денежкин Б.А., Михайленко А.Р. О процессуальном положении подозреваемого и укреплении гарантий защиты его прав // Вопросы уголовного процесса. - Саратов, 1977. - Вып.1. - С.50-56.
101. Джатиев В.С. Доказывание и оценка обстоятельств преступления. - Ростов н/Д: Ростовский университет, 1991.
102. Джатиев В.С. Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе. - Орджоникидзе: РИО СОГУ, 1987.
103. Джатиев В.С. Об устранении противоречий в уголовном процессе // Государство и право. - 1995. - №5. - С.92-100.
104. Дмитриев Ю.А. Защита конституционных прав граждан в уголовной и конституционной юстиции // Государство и право. - 1999. - №6. - С.38-43.
105. Дмитриев Ю.А., Черемных Г.Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека и гражданина // Государство и право. - 1997. - №8. - С.44-50.
106. Дмитриев Ю.А. Защита конституционных прав граждан в уголовной и конституционной юстиции // Государство и право. - 1999. - №6. - С.38-43.
107. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. - М.: Юридическая литература, 1971.
108. Дубриный В.А. Потерпевший на предварительном следствии в советском уголовном процессе. - Саратов, 1966.
109. Долгушин А.В. Развитие процессуальных условий реализации принципа состязательности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - М., 1995.

110. Домбровский Р.Г. Криминалистическое познание как форма практической деятельности // Вопросы осуществления правосудия по уголовным делам: Межвузовский сборник. - Калининград: КГУ, 1982. - С.79-86.
111. Дорошков В.В. Проблемы судебного контроля за деятельностью органов внутренних дел // Защита прав человека и соблюдение законности органами внутренних дел. Материалы международной научно-практической конференции (10 декабря 1998 года). - М.: МЮИ МВД России, Изд-во «Щит-М», 1999. - С.33-39.
112. Дорошков В. Судебный контроль за деятельностью органов предварительного расследования // Российская юстиция. - 1999. - №7. - С.26-28.
113. Доступ к правосудию // Российская юстиция. - 1997. - № 6, 7, 8, 9.
114. Ефимичев С.П. Разделение властей и проблемы борьбы с преступностью // Проблемы совершенствования прокурорского надзора (к 275-летию российской прокуратуры): Материалы научно-практической конференции. - М., 1997. - С.176-183.
115. Ефремов А.Ф. Принципы и гарантии законности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - М., 1999.
116. Ефремов А.Ф. Принципы и гарантии законности. - Самара, 1999.
117. Жданов А. Законность или обоснованность ареста? // Российская юстиция. 1999. - №1. - С.48.
118. Жуйков В.М. Теоретические и практические проблемы конституционного права на судебную защиту. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук в форме научного доклада, выполняющего также функцию автореферата. - М., 1997.
119. Жуйков В. Новая Конституция и судебная власть в РФ // Российская юстиция. - 1994. - №1. - С. 2-3.
120. Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. - М.: Юридическое бюро «Городец», 1997.
121. Жуйков В.М. Права человека и власть закона (вопросы судебной защиты). - М.: Российская правовая академия МЮ РФ, 1995.
122. Журавлева О. Обжалование в суд незаконных действий и решений // Российская юстиция. - 1998. - №1. - С.25-27.
123. Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного процесса. - М.: ВНИИ МВД России, 1997.
124. Законность в Российской Федерации / Коллектив авторов. - М.: СПАРК, 1998.
125. Защита прав потерпевшего в уголовном процессе (сравнительное исследование) / Отв. ред. А.М. Ларин. - М.: Наука, 1993.
126. Защитник в суде присяжных / Отв. ред. Н.В. Радутная. - М.: Российская правовая академия МЮ РФ, 1997.
127. Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. - Ростов-н/Д.: «Феникс», 1999.
128. Изотова О.В. Проблемы судебного контроля при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - М., 1996.

129. Ильина Л.В. Участие потерпевшего и его представителя в доказывании по уголовному делу. Диссертация на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - Л., 1975.
130. Кадышева Т., Ширинский С. Свидетель тоже нуждается в помощи адвоката // Российская юстиция. - 1998. - №1. - С.14.
131. Казинян Г.С. Актуальные проблемы уголовно-процессуального законодательства в третьей республике Армения (сравнительно-правовое исследование). - Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1999.
132. Кайзеров Н.М. Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий. - М.: Юридическая литература, 1973.
133. Калашникова Н.Я. Общие условия судебного разбирательства в советском уголовном процессе. - М.: Московский университет, 1963.
134. Калашникова Н.Я. Гарантия права обвиняемого на защиту при изменении обвинения и наказания. - М.: Московский университет, 1975.
135. Калашникова Н.Я. Гарантии прав свидетеля, эксперта, переводчика и понятого в советском уголовном процессе. - М.: Московский университет, 1966.
136. Каминская В.И. Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве // Советское государство и право. - 1968. - №10. - С.28-35.
137. Кашепов В.П. Институт судебной защиты прав и свобод граждан и средства её реализации // Государство и право. - 1998. - №2. - С.66-71.
138. Квашис В.Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. - М.: Издательский дом NOTA BENE, 1999.
139. Кобликов А.С. Право на защиту. - М.: Госюриздат, 1961.
140. Кобликов А.С. Уголовно-процессуальные гарантии эффективности правоохранительной деятельности // Советское государство и право. - 1984. - №5. - С.57-64.
141. Кобликов А. Судебная власть и процессуальные гарантии // Вестник Верховного Суда СССР. - 1991. - №8. - С.26-27.
142. Кобяков В.М. О стадийности уголовного судопроизводства и единстве уголовно-процессуальной формы // Уголовно-процессуальные формы борьбы с правонарушениями. Свердловск.: СЮИ, 1983. - С.15-19.
143. Ковалев М.А. Судебная власть – начало пути // Советское государство и право. - 1991. - №10. - С.139-146.
144. Коврига З.Ф. О процессуальной ответственности как гарантии успешной реализации уголовной ответственности // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации. - Воронеж: ВГУ, 1989. - С.104-111.
145. Ковалев М.А. Прокурорский надзор за обеспечением прав личности при расследовании преступлений. - М.: Московский университет, 1981.
146. Коврига З.М. Уголовно-процессуальная ответственность. - Воронеж: ВГУ, 1984.
147. Ковтун Н.Н. О роли суда в доказывании по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности процесса // Государство и право. - 1998. - №6. - С.59-63.
148. Ковтун Н.Н. И состязательность, и поиск истины: О роли и месте суда в доказывании по уголовному делу // Российская юстиция. - 1997. - №7. - С.11-12.

149. Ковтун Н.Н. Соотношение частных и публичных начал в уголовном судопроизводстве: время выбора // Государство и право. - 1995. - №11. - С.66-71.
150. Кокорев Л.Д. Потерпевший от преступления. - Воронеж.: ВГУ, 1964.
151. Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам. - Воронеж: ВГУ. 1971.
152. Кокорев Л.Д. Потерпевший от преступления. - Воронеж: ВГУ, 1964.
153. Кокорев Л.Д., Котов Д.П. Этика уголовного процесса. - Воронеж: ВГУ, 1993.
154. Кокорев Л.Д. Судебная реформа: идеи и реальность // Служение истине. Научное наследие Л.Д.Кокорева. - Воронеж: ВГУ, 1997. - С.328-339.
155. Кокорев Л.Д. Судебные идеи под влиянием идей М.С. Строговича // Служение истине. Научное наследие Л.Д. Кокорева. - Воронеж: ВГУ, 1997. - С.339-349.
156. Кокорев Л.Д. Суд в механизме государственной власти //Служение истине. Научное наследие Л.Д. Кокорева. - Воронеж: ВГУ,1997. - С.350-359.
157. Кокорев Л.Д. Теория концепции и практика законов // Служение истине. Научное наследие Л.Д. Кокорева. - Воронеж: ВГУ, 1997. - С.306-311.
158. Кокорев Л.Д. Три кита правосудия // Служение истине. Научное наследие Л.Д. Кокорева. - Воронеж: ВГУ,1997. - С.300-306.
159. Кокорев Л.Д. Конституция СССР - основа развития и совершенствования уголовного судопроизводства // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. - Воронеж: ВГУ, 1979. - С.9-23.
160. Кокорев Л.Д. Положение личности в советском уголовном процессе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д-ра юрид. наук. - Л., 1975.
161. Колбаев Р. О равенстве прав участников уголовного процесса // Законность. - 1998. - №10. - С.40-41.
162. Колбая Г.Н. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства. - М.: Юридическая литература, 1975.
163. Колоколов Н.А. Судебная проверка законности и обоснованности постановлений о прекращении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела. Научно-методическое пособие. - Курск, 1998.
164. Колоколов Н. Судебный контроль за арестами // Российская юстиция. - 1998. - №3. - С.10-11.
165. Колоколов Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования: реальность, перспективы // Государство и право. - 1998. - №11. - С. 31-39.
166. Комаров С.А. Общая теория государства и права: Курс лекций. - М.: Манускрипт, 1996.
167. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Общ. ред. Ю.В. Кудрявцева. - М.: Фонд «Правовая культура», 1996.
168. Комментарий к положениям Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания // Российская юстиция. - 1998. - №4. - С.2-3.
169. Конституционные основы правосудия в СССР / Под ред. В.М. Савицкого. - М., 1981.
170. Конституционное право: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. - М.: Новый юрист, 1998.
171. Кондрашков Н. Судебная власть // Социалистическая законность. - 1991. - №6. - С.30-34.

172. Конституция Российской Федерации и совершенствование юридических механизмов защиты прав человека // Государство и право. - 1994. - №10.
173. Корневский Ю. Нужна ли суду истина? // Российская юстиция. - 1994. - №5. - С.20-22.
174. Корнуков В.М. Теоретические и правовые основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д-ра юрид. наук. - Харьков, 1987.
175. Корнуков В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. - Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987.
176. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978.
177. Кряжков А.В. Публичный интерес: понятие, виды, защита // Государство и право. - 1999. - №10. - С.91-99.
178. Кряжков В.А., Сивицкий В.А. [Рецензия] // Государство и право. - 1999. - №5. - С.125-126. Рецензия на: Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. - М.: Юристъ, 1998. - 216с.
179. Кудин Ф.М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. - Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1985.
180. Кузнецов А.В. Уголовное право и личность. - М.: Юридическая литература, 1977.
181. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. - М.: Юридическая литература, 1989.
182. Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание). - М.: Юридическая литература, 1973.
183. Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. - М.: Издательство Московского университета, 1972.
184. Куцова Э. [Рецензия] // Государство и право. - 1998. - №8. - С.126-127. Рецензия на сборник статей: Проблемы российской адвокатуры. Московская городская коллегия адвокатов. - М.: Спарк, - 1997. - 251с.
185. Куцова Э.Ф. Проект УПК: законодательная техника и содержание // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы: Материалы конференции. - М., 1997. - С.105-114.
186. Ларин А.М. Презумпция невиновности. - М.: Наука, 1982.
187. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. - М.: Юридическая литература, 1986.
188. Ларин А.М. Работа следователя с доказательствами. - М.: Юридическая литература, 1966.
189. Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: Лекции-очерки / Под ред. проф. В.М. Савицкого. - М.: Бек, 1997.
190. Ларин А.М. О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в проекте УПК // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы: Материалы конференции. - М., 1997. - С.75-82.
191. Ларин А.М. Иного пути для нас нет: Открытое письмо противникам суда присяжных // Российская юстиция. - 1999. - №2. - С.8-10.

192. Ларин А.М. О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в проекте УПК-1997 // Российская юстиция. - 1997. - №9. - С.9-11.
193. Ларин А.М. Преступность и раскрываемость преступлений // Государство и право. - 1999. - №4. - С.83-89.
194. Ларин А.М. Защита прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Конституция Российской Федерации и совершенствование механизмов защиты прав человека. - М., 1994. - С.57-74.
195. Лебедев В.М. Становление судебной власти и судебной системы России: проблемы, достижения, перспективы // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы: Материалы конференции. - М., 1997. - С.7-20.
196. Лебедев В. Расширение доступа к правосудию - одна из целей судебной реформы // Российская юстиция. - 1999. - №9. - С.2-4.
197. Лебедев В.М. Судебная власть на защите конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - М., 1998.
198. Либус И. Охрана прав личности в уголовном процессе. - Ташкент: Изд-во «Узбекистан», 1975.
199. Лившиц Р.З. Теория права. - М.: Бек, 1994.
200. Лившиц Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. - М.: Юридическая литература, 1964.
201. Лобанов А.П. Функции уголовного преследования и защиты в уголовном судопроизводстве. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д-ра юрид. наук. - М., 1996.
202. Лобанова Л. Понуждение к исполнению обязанности содействовать правосудию // Российская юстиция. - 1998. - № 5. - С.12-13.
203. Лубенский А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования (в странах социализма) // Социалистическая законность. - 1978. - №3. - С.76-78.
204. Лубенский А.И. Предварительное расследование по законодательству капиталистических государств. - М.: Юридическая литература, 1977.
205. Лукашева Е.А. Эффективность юридических механизмов защиты прав человека: политические, экономические, социально-психологические аспекты // Конституция Российской Федерации и совершенствование механизмов защиты прав человека. - М., 1994. - С.5-37.
206. Лукашевич В.З. Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду. - Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1966.
207. Лукашевич В.З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе (стадия предварительного расследования). - Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1959.
208. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. - М.: Юридическая литература, 1976.
209. Лупинская П.А. Право жалобы в уголовном судопроизводстве в свете Конституции СССР // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. - М.: Игип АН СССР, 1979. - С.150-156.
210. Лупинская П.А. Ходатайства и жалобы // Проблемы кодификации уголовно-процессуального права. - М.: Игип АН СССР, 1987. - С. 66-78.

211. Лупинская П. Допустимость доказательств: пора обеспечить единство судебной практики // Российская юстиция. – 1998. - №11. - С.23-24.
212. Лучин В.О., Доронина О.Н. Жалобы граждан в Конституционный Суд Российской Федерации. - М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998.
213. Ляхов Ю.А. Допустимость доказательств в российском уголовном процессе. - М.: Экспертное бюро, 1999.
214. Мартынчик Е.Г. Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции. - Кишинев: Штиинца, 1975.
215. Мартынчик Е.Г. Проблемы процессуального статуса и эффективности охраны прав подсудимого (осужденного) в судах первой и кассационной инстанций. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д-ра юрид. наук. - Киев., 1982.
216. Мартынчик Е.Г., Радьков В.П., Юрченко В.Е. Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. - Кишинев: Штиинца, 1982.
217. Масликов И.С. Судебная власть в государственном механизме Российской Федерации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - М., 1997.
218. Матвеева Н.Н. Принцип состязательности и активность суда в советском уголовном процессе // Совершенствование законодательства о суде и правосудии. - М.: Игип АН СССР, 1985. - С.88-93.
219. Махов В.Н., Пешков М.А. «Состязательность» моделей уголовного процесса США // Государство и право. - 1999. - №12. - С.81-87.
220. Махов В.Н., Пешков М.А. Уголовный процесс США (досудебные стадии): Учебное пособие. - М: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998.
221. Меженцева А.Я. Значение ходатайств для устранения следственных ошибок // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве. - М., 1988. - С.110-114.
222. Мещеряков Ю.В. Формы уголовного судопроизводства: Учебное пособие. - Л.: ЛГУ, 1990.
223. Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Дисс. ... д-ра юрид. наук. - Ярославль, 1991.
224. Милицин С. Сделки о признании вины: возможен ли российский вариант // Российская юстиция. - 1999. - №12. - С.41-42.
225. Михайленко А.Р. О сущности и значении стадии советского уголовного процесса // Вопросы уголовного процесса. - Саратов: СГУ, 1977. - Вып.1. - С.114-120.
226. Михайлов С.В. Интерес как общенаучная категория и её отражение в науке гражданского права // Государство и право. - 1999. - №7. - С.86-82.
227. Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. - М.: Право и закон, 1996.
228. Михайлова Т.А. Предание суду в советском уголовном процессе. - М.: Юридическая литература, 1981.
229. Михайловская И.Б. Юридические гарантии прав и свобод личности: анализ Конституции РФ и законов, регулирующих деятельность органов уголовной юстиции // Права человека. - М., 1992. - С.5-28.

230. Морщакова Т.Г., Петрухин И.Л. Оценка качества судебного разбирательства по уголовным делам. - М.: Наука, 1987.
231. Мотовиловкер Я.О. Презумпция невиновности и толкование сомнений в советском уголовном процессе // Гарантии прав личности в социалистическом праве и процессе: Межвузовский тематический сборник. - Ярославль: ЯрГУ, 1981. - С.3-14.
232. Навасардян В.Р. Правовые аспекты взаимодействия адвоката-защитника с подозреваемым, обвиняемым и подсудимым. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. - Спб., 1999.
233. Научные и практические проблемы уголовного судопроизводства в свете судебно-правовой реформы: Материалы научно-практической конференции. - Ижевск: Удмуртский ун-т, 1989.
234. Некрасов С. Допустимость доказательств: вопросы и решения // Российская юстиция. - 1998. - №1. - С.9.
235. Немытина М.В. Российский суд присяжных: Учебно-методическое пособие. - М.: БЕК, 1995.
236. Никитин С.В. Судебная власть в механизме правового государства // Судебно-правовая реформа и повышение эффективности правосудия. - Тюмень, 1991. - С.3-11.
237. Николайчик В.М. Уголовный процесс США. - М.: Наука, 1981.
238. Никулин Е.Н. Возмещение ущерба, причиненного правонарушением. - М.: Юридическая литература, 1983.
239. Никулин Е. Обращение прокурора в суд для защиты прав и интересов других людей // Социалистическая законность. - 1980. - №10. - С.46-48.
240. Ничипоренко Т. Эффективность единоличного рассмотрения уголовных дел // Российская юстиция. - 1997. - №10. - С.37-38.
241. Ничипоренко Т. Единоличное рассмотрение уголовных дел в суде // Российская юстиция. - 1997. - №11. - С.24-25.
242. Общая теория прав человека / Руководитель авторского коллектива и ответственный редактор Е.А. Лукашева. - М.: Издательство НОРМА, 1996.
243. Общая теория государства и права / Под ред. В.В. Лазарева. - М., 1994.
244. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / Под ред. Л.Д. Кокорева. - Воронеж: ВГУ, 1984.
245. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. - 4-е издание, дополненное. - М.: Азбуковник, 1999.
246. Орехов Р. Судебная реформа требует радикального подхода // Российская юстиция. - 1998. - №8. - С.2-4.
247. Палеев М.С., Пашин С.А., Савицкий В.М. Закон о статусе судей в Российской Федерации. Научно-практический комментарий. - М.: Бек, 1994.
248. Панасюк А. Разрешение конфликтных ситуаций: стратегия и тактика судьи // Российская юстиция. - 1997. - №5. - С.51-52.
249. Пастухов В. Что людям не нравится в российском правосудии // Российская юстиция. - 1998. - №8. - С.22-23.
250. Патюлин В.А. Государство и личность в СССР. - М.: Наука, 1974.

251. Пашин С.А. Реформа российского уголовно-процессуального права // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы: Материалы конференции. - М., 1997. - С.90-104.
252. Пашкевич П.Ф. Проблема процессуального обеспечения оперативности и быстроты судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. - М.: Юридическая литература, 1971.- Вып. 14. - С.75-98.
253. Пашкевич П.Ф., Лубенский А.И. Уголовно-процессуальное законодательство // Проблемы совершенствования советского законодательства. - М.: Юридическая литература, 1977. - С.245-257.
254. Перлов И.Д. Предание суду в советском уголовном процессе. - М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948.
255. Перлов И.Д. Подготовительная часть судебного разбирательства в советском уголовном процессе. - М.: Госюриздат, 1956.
256. Перлов И.Д. Приговор в советском уголовном процессе. - М.: Госюриздат, 1960.
257. Перлов И.Д. Право на защиту. - М.: Знание, 1969.
258. Пермяков Ю. Лекции по философии права. - Самара: Самарский университет, 1995.
259. Петрова Н.Е. Частное и субсидиарное обвинение. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - Самара, 1999.
260. Петрухин И.Л. Судебные гарантии прав личности (в уголовном процессе) // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. Вып.8. - М., 1992.
261. Петрухин И.Л. Правосудие: время реформ. - М.: Наука, 1991.
262. Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть). - М.: ИГиПр РАН, 1998.
263. Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. - М.: Наука, 1989.
264. Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы правосудия. - М.: Наука, 1979.
265. Петрухин И.Л. Частная жизнь: правовые аспекты // Государство и право. - 1999. - №1. - С.64-73.
266. Петрухин И.Л. Человек как социально-правовая ценность // Государство и право. - 1999. - №10. - С.83-90.
267. Петрухин И. Прокурорский надзор и судебный контроль за следствием // Российская юстиция. - 1998. - №9. - С.12-14.
268. Петрухин И.Л. Правовое государство и судебная власть // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. №144. - М., 1993. - С.31-41.
269. Петрухин И. Прокурор в суде первой инстанции // Вестник Верховного Суда СССР. - 1991. - №4. - С.37-38.
270. Петухов Ю.Е. Соотношение публичного и частного обвинения в уголовном процессе. Диссертация на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - М., 1996.
271. Петуховский А. Восполнение в судебном разбирательстве пробелов следствия // Советская юстиция. -1973. - №15. - С.17-18.

272. Печников Г. Система «здорового юридического смысла» в уголовном процессе // Российская юстиция. - 1998 - №3. - С.11.
273. Пешков М.А. Арест и обыск в уголовном процессе США. - М.: СПАРК, 1998.
274. Пешков М.А. Функции суда, прокурора и полиции при производстве арестов и обысков в уголовном процессе США // Государство и право. - 1998. - №1. - С.91-95.
275. Победкин А.В., Гавриков В.А. О некоторых проблемах определения допустимости доказательств в уголовном процессе // Государство и право. - 1999. - №7. - С.53-56.
276. Подольный Н. Основания принятия процессуальных решений // Российская юстиция. - 1999.- №2. - С.40-41.
277. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. - М., 1913.
278. Поляков М.П. О защите обвиняемого и «защите от обвиняемого» // Государство и право. - 1998. - № 4. - С.94-98.
279. Полянский Н.Н. К вопросу о праве частных лиц на субсидиарное обвинение // Юридический вестник. 1914. - Кн.V1 (11).
280. Полянский Н. К вопросу о презумпции невиновности // Советское государство и право. - 1949. - №9. - С.57-64.
281. Полянский Н.Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность: Лекции. - М., 1911.
282. Полянский Н.Н. Уголовное право и уголовный суд в Англии. - М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1937.
283. Полянский Н.Н. Правда и ложь в уголовной защите. - М.: Изд-во «Правовая защита», 1927.
284. Понятовская Т.Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. - Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1996.
285. Права личности в социалистическом обществе / Под ред. В.Н. Кудрявцева, М.С. Строговича. - М.: Наука, 1981.
286. Права человека: Учебник для вузов / Отв. ред. Е.А.Лукашева. - М.: Издательская группа Норма-Инфра, 1999.
287. Правоохранительные органы Российской Федерации / Под ред. В.П. Божьева. - М.: СПАРК, 1996.
288. Проблемы правового статуса личности в уголовном процессе. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981.
289. Проблемы российской адвокатуры. Московская городская коллегия адвокатов: Сб. статей. - М.: СПАРК, 1997.
290. Проблемы охраны прав и законных интересов обвиняемого: Сб. научн. трудов. - Кемерово, 1983.
291. Проблемы охраны прав и законных интересов личности в социалистическом уголовном праве и процессе: Сб. научн. трудов. - Ярославль: ЯрГУ, 1985.
292. Проблемы реформы уголовно-процессуального законодательства в проектах УПК РФ: Материалы научно-практической конференции 15-16 декабря 1994 года. - М., 1995.

293. Прокуратура в системе политических и правовых институтов общества. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции, проведенной в прокуратуре Союза ССР 1-2 декабря 1989 г. - М., 1990.
294. Работа судов Российской Федерации в 1998 году // Российская юстиция. - 1999. - №8, 9.
295. Радутная Н.В. Председательствующий по делу // Советская юстиция. - 1966. - №24. - С.15-16.
296. Радутная Н.В. Достоинства и недостатки формулировок принципов уголовного процесса и некоторых положений в проекте УПК // Судебная реформа: Итоги, приоритеты, перспективы: Материалы научно-практической конференции. - М., 1997. - С.124-136.
297. Радченко В. Судебную власть в центр правовой реформы // Российская юстиция. - 1999. - №10. - С.2-4.
298. Рассмотрение дел судом присяжных. Научно-практическое пособие / Отв. ред. В.М. Лебедев. - М.: Юридическая литература, 1998.
299. Ратинов А.Р. Вопросы познания в судебном доказывании // Советское государство и право. - 1964. - №8. - С.106-113.
300. Рахунов Р.Д. Признание обвиняемым своей вины. - М., 1975.
301. Рахунов Р.Д. Независимость судей в советском уголовном процессе. - М., 1972.
302. Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. - М.: Юрист, 1998.
303. Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в конституционной системе разделения властей // Российская юстиция. - 1997. - №7. - С.3-4.
304. Ремнев В.И. Право жалобы и административная юстиция в СССР // Советское государство и право. - 1986. - №6. - С.22-32.
305. Рогова О.И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве. Диссертация на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - Томск, 1994.
306. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. - 3-е изд. - Петроград: Юрид. книжн. склад «Право», 1916.
307. Рустамов Х. Заочное правосудие: реальность и перспективы // Российская юстиция. - 1997. - №8. - С.41-42.
308. Рустамов Х.У. Дифференциация форм уголовного процесса. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д-ра юрид. наук. - М., 1998.
309. Рябинина Т.К. Производство по уголовному делу в суде до судебного разбирательства. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - Воронеж, 1995.
310. Рязановский В.А. Единство процесса. - М.: Юридич. бюро «Городец», 1996.
311. Сабо И. Основы теории права. - М.: Прогресс, 1974.
312. Савельева Т.А. Судебная власть в гражданском процессе: Учебное пособие. - Саратов: СГАП, 1997.
313. Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. - М.: Наука, 1971.
314. Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора. - М.: Наука., 1975.

315. Савицкий В.М. Организация судебной власти в Российской Федерации: Учебное пособие для вузов. - М.: Бек, 1996.
316. Савицкий В.М. О принципах уголовного процесса // Проблемы кодификации уголовно-процессуального права. - М.: Игип АН СССР, 1987. - С.20-37.
317. Савицкий В.М. Кризис прокурорского надзора // Социалистическая законность. - 1991. - №1. - С.31-32.
318. Савицкий В.М. Традиционен в лучшем смысле слова // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы: Материалы конференции. - М., 1997. - С.65-73.
319. Савицкий В. Российские суды получили реальную возможность контролировать исполнительную власть // Судебный контроль и права человека: Материалы российско-британского семинара 12-13 сентября 1994 г. - М.: Права человека, 1996. - С.44-62.
320. Саркисянц Г.П. Участие защитника на предварительном следствии. - Ташкент: Фан, 1966.
321. Саркисянц Г.П. Защита на предварительном следствии в советском уголовном процессе. - Ташкент: Фан, 1967.
322. Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью / Сост. Т.Н.Москалькова и др. - М.: СПАРК, 1998.
323. Скитович В.В. Судебная власть как системное образование // Изв. вузов. Сер. «Правоведение». - 1997. - №1. - С.147-155.
324. Скуратов Ю.И. Интервью газете «Известия» // Известия.-1995.-1 декабря.
325. Слепнева И.Е. Проверка судом законности и обоснованности процессуальных решений органов расследования в досудебных стадиях. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - Волгоград, 1998.
326. Смирнов В. Судебный допрос в состязательном процессе // Российская юстиция. - 1998. - №12.- С.26-27.
327. Смирнов В.П. Противоборство сторон как сущность принципа состязательности уголовного судопроизводства // Государство и право. - 1998. - №3. - С.58-63.
328. Смоленцев Е. Судебная власть: проблемы обновления // Народный депутат. - 1991. - №8. - С.50-55.
329. Совет судей голосует за сделки о признании вины // Российская юстиция. - 1998. - №6. - С.4-5.
330. Советское правовое государство и юридическая наука (круглый стол) // Советское государство и право. - 1989. - № 4. - С. 58-70.
331. Советский энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет: А.М. Прохоров (пред.). - М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1981.
332. Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Халиуллин А.Г., Якубович Н.А. Законность в досудебных стадиях уголовного процесса России. - Москва-Кемерово: Кузбасвузиздат, 1997.
333. Солодилов А.В. Судебный контроль за проведением следственных действий и решениями прокурора и органов расследования, ограничивающими конституционные права и свободы граждан в уголовном процессе России. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - Томск. -1999.

334. Становление судебной власти в обновляющейся России / Отв. ред. Б.Н.Топорнин. - М.: Институт государства и права РАН, 1997.
335. Степалин В. Судебный марафон с препятствиями // Российская юстиция. - 1998. - №3. - С.7-9.
336. Стецовский Ю.И. Концепция судебной реформы и проблемы конституционной законности в уголовном судопроизводстве // Государство и право. - 1993. - №9.- С.102-114.
337. Стецовский Ю.И. К вопросу о процессуальной форме советского уголовного судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. - М., 1975. - Вып.23. - С.107-120.
338. Стецовский Ю.И. Адвокат в уголовном судопроизводстве. - М.: Юридическая литература, 1972.
339. Стецовский Ю.И. Судебная власть: Учебное пособие. - М.: Дело, - 1999.
340. Стецовский Ю.И., Ларин А.М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. - М.: Наука, 1988.
341. Стремовский В.А. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе. - Ростов- н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1966.
342. Стремухов А.В. Правовая защита человека: Теоретический аспект. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д-ра юрид. наук. - Спб., 1997.
343. Строгович М.С. Избранные труды. Том 1: Проблемы общей теории права. - М.: Наука, 1990.
344. Строгович М.С. Избранные труды. Том 2: Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. - М.: Наука, 1992.
345. Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. - М.: Наука, 1984.
346. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.
347. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.1: Основные положения науки советского уголовного процесса. - М.: Наука, 1968.
348. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.2: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. - М.: Наука, 1970.
349. Судебная защита прав и свобод граждан: Научно-практическое пособие / Под ред. В.П. Кашепова. - М.: Норма, 1999.
350. Судебная реформа: Сб. обзоров / Ред. Т.Г.Морщакова. - М.: ИНИОН, 1990. - 94с.
351. Судебная реформа только началась: Обзор выступлений участников научно-практической конференции «Проблемы судебной власти в СССР» // Вестник Верховного Суда СССР. - 1991. - №9. - С.16-19.
352. Танцеров М.В. Потерпевший и его функция в уголовном процессе России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени. канд. юрид. наук. - Томск, 1999.
353. Теймэан Стивен. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? // Российская юстиция. - 1998. - №10.- С.35-37; №11.- С.35-37.

354. Теймзан Стивен. Суд присяжных в современной России глазами американского юриста // Государство и право. - 1995. - №2. - С.67-76.
355. Тенчов Э.С., Кузьмина О.В. Объективная истина и суд присяжных // Государство и право. - 1994. - №11. - С.132-140.
356. Теоретические проблемы современного российского конституционализма: Научно-практический семинар // Государство и право. - 1999. - №4. - С.113-122.
357. Теплов В.А. Определение суда первой инстанции по уголовному делу. - Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1977.
358. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В.Малько. - М.: Юристъ, 1997.
359. Тихомиров Ю.А. Теория закона. - М.: Наука, 1982.
360. Тихомиров Ю. Административное судопроизводство в России: Перспективы развития // Российская юстиция. - 1998. - №8. - С.35-37.
361. Токарева М.Е. Современные проблемы законности и прокурорский надзор в досудебных стадиях уголовного процесса. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук в форме научного доклада, выполняющего также функцию автореферата. - М., - 1997.
362. Топорнин Б. Суд и разделение властей // Вестник Верховного Суда СССР. - 1991. - №6. - С.26-28.
363. Точилковский В.Н. О концепции прокурорской власти: Проблемы и перспективы // Советское государство и право. - 1990. - №9. - С.39-47.
364. Трубникова Т.В. Теоретические основы упрощенных судебных производств. - Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999.
365. Трубникова Т.В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - Томск, 1997.
366. Туленков П.М. Проблемы процессуального положения потерпевших на предварительном следствии // Советское законодательство и вопросы борьбы с преступностью / Труды ВШ М ВД СССР. - Вып.10. - Волгоград, 1974. - С.77-110.
367. Уголовно-процессуальное право: Учебник / Под общ. ред. проф. П.А.Лупинской. 3-е издание. - М.: Юристъ, 1998.
368. Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.С.Кобликова. - М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999.
369. Уголовный процесс в европейских социалистических государствах. - М.: Юридическая литература, 1978.
370. Уилшер А.М. Уголовный процесс. - М.: Государственное изд-во иностранной литературы, 1947.
371. Ульянов В.Г. Реализация прав потерпевших в российском уголовном процессе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - Краснодар, 1998.
372. Устимов М.А. Судебный контроль на стадии предварительного расследования. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - Саранск, 1999.
373. Фарбер И.Е. Соотношение прав с обязанностями и социалистическое правосознание // Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном

этапе коммунистического строительства. - Саратов: Саратовский юридический институт, 1972. - С.56-67.

374. Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Вып.1. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1967.

375. Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и судебный приговор. - Казань: Изд-во КазГУ, 1965.

376. Филиппов П.М. Судебная защита и правосудие в СССР. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987.

377. Филиппов П.М. Проблемы теории судебной защиты. Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. - Л., 1988.

378. Философский энциклопедический словарь. - М., 1983.

379. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.1. Санкт-Петербург: Издательство «Альфа», 1996.

380. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.2. Санкт-Петербург: Издательство «Альфа», 1996.

381. Хамаева Н.Ю. Обжалование в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан России // Государство и право. - 1993. - №11. - С.3-12.

382. Характер, причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного следствия: Методическое пособие. - М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1999.

383. Хропанюк Н.В. Теория государства и права: Учебное пособие для высших учебных заведений / Под ред. проф. В.Г. Стрекозова. - М.: «Дабахов, Ткачев, Димов», 1995.

384. Цихоцкий А.В., Черненко А.К. Судебная власть в условиях действия новой Конституции Российской Федерации. - Новосибирск: ИфиПр СО РАН, 1995.

385. Цыпкин А.Л. Право на защиту в кассационном и надзорном производстве и при исполнении приговора. - Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1965.

386. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. - М., 1951.

387. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Т.1: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. - М.: Госюриздат, 1957.

388. Чельцов М.А. О недопустимости перенесения буржуазных конструкций в советскую уголовно-процессуальную теорию / Ученые записки ВЮЗИ. Вып. VI, 1958.- С.48-97.

389. Чепурнова Н.М. Судебный контроль в Российской Федерации: проблемы методологии, теории и государственно-правовой практики. - Ростов-н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999.

390. Чепурнова Н.М. Конституционные принципы судебной власти и проблемы формирования судебной системы в субъектах Российской Федерации. - Ростов-н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999.

391. Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: проблемы теории и государственно-правовой практики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д-ра юрид. наук. - Саратов, 1999.

392. Черкасова Н.Ю. Исследование доказательств в суде первой инстанции. Диссертация на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - Самара, 1993.

393. Чиркин В.Е. Основы государственной власти: Учебное пособие. - М.: Юристъ, 1996.
394. Чиркин В.Е. Разделение властей: социальные и юридические аспекты // Советское государство и право. - 1990. - №8. - С. 3-12.
395. Чистяков Н.Ф. Об усилении гарантий прав обвиняемого в уголовном судопроизводстве // Проблемы правосудия и уголовного права. - М., 1978. - С.44-50.
396. Чистякова. О.П. Проблема активности суда в гражданском процессе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - М., 1997.
397. Чувилов А., Лобанов А. Плоды отравленного дерева // Российская юстиция. - 1996. - №11. - С.48.
398. Чучаев А.И., Лукьянова Л.М. Судебная проверка законности и обоснованности ареста: Учебное пособие. - Ульяновск, 1997.
399. Чхиквадзе В.М. Советское государство и личность. - М.: Юридическая литература, 1978.
400. Цоколова О.И. Применение органами предварительного следствия и дознания мер процессуального принуждения под судебным контролем. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1995.
401. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. 2-е издание. - Волгоград: Волгоградский юрид. ин-т МВД России, 1999.
402. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности и предварительное расследование в уголовном процессе // Государство и право. - 1994.- №4. - С.96-104.
403. Шанталь Амбаса Леон. Организация предварительного расследования во Франции на современном этапе // Государство и право. - 1999. - № 1. - С.109-112.
404. Шаркова И.Г. Мировой судья в дореволюционной России // Государство и право. - 1998. - № 9. - С.79-85.
405. Шварц О.А. Организационные и правовые гарантии права человека и гражданина и на судебную защиту: сравнительно-правовой анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - М., 1999.
406. Шевченко П. Основания возвращения дела на доследование нуждаются в уточнении // Советская юстиция. - 1972. - №24. - С.11.
407. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: Проблемы теории правового регулирования. - Тольятти: Волжский ун-т им. В.Н. Татищева, 1998.
408. Шейфер С.А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы. - Саратов: СГУ, 1986.
409. Шейфер С.А. Понятие и взаимоотношения судебной, прокурорской и следственной властей // Уголовная ответственность: основания и порядок реализации: Межвуз. сб. научн. статей. - Самара: Самарский госуниверситет, 1991. - С.58-70.
410. Шейфер С.А. Взаимоотношения судебной и обвинительной властей // Вестник Верховного Суда СССР. - 1991. - №8. - С.30.
411. Шейфер С.А., Петрова Н.Е. Проблемы реформирования производства по делам частного обвинения в духе расширения частных начал в уголовном процессе РФ // Государство и право. - 1999. - №6. - С.51-56.

412. Шейфер С.А., Яблоков В.А. Понятие судебной власти и её функции // Проблемы судебно-правовой реформы в России: история и современность: Сборник трудов. - Самара: СаГА, 1999. - С.184-199.
413. Шестакова С.Д. Проблемы состязательности в российском уголовном процессе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - Спб., 1998.
414. Ширинский С. Защита для свидетеля // Российская юстиция. - 1998, №12.- С.40.
415. Ширинский С. Насилие при допросах - реальная угроза правосудию // Российская юстиция. - 1997. - № 12. - С.38.
416. Ширшов М., Мотовиловкер Я. Обеспечение интереса осужденного при рассмотрении дела вышестоящим судом // Советская юстиция. - 1979. - №4. - С.8-9.
417. Шубина Т.Б. Судебная форма защиты права // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». - Тольятти: Изд-во ТолПИ, 1999.- Вып.3. - С. 80-89.
418. Шундиков В.Д. Принцип непосредственности при расследовании и рассмотрении уголовного дела. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1974.
419. Щерба С.П., Зайцев О. А. Охрана прав потерпевших и свидетелей по уголовным делам. - М.: СПАРК, 1996.
420. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд: Учебное пособие для вузов. - М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1997.
421. Эйсман А.А. О понятии вещественного доказательств и его соотношении с понятиями доказательств других видов // Вопросы предупреждения преступности. - М.: Юридическая литература, 1965. - Вып.1.- С.82-99.
422. Эльдаров М. Потерпевшему дать права частного обвинителя // Российская юстиция. - 1997. - №8. - С.18.
423. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. - Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1976.
424. Юридическая процессуальная форма: теория и практика / Под общей ред. П.Е. Недбайло, В.М. Горшенева. - М.: Юридическая литература, 1976.
425. Юношев С. Укрепление правового статуса потерпевшего и его представителя // Российская юстиция. - 1998. - №11. - С.21-22.
426. Юношев С. Предпосылки и основания возникновения представительства адвокатом интересов потерпевшего // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. - Тольятти, 1999. - Вып.6. - С.208-216.
427. Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР: Тематический межвузовский сборник. - Ярославль: ЯрГУ, 1976.
428. Юркевич Н.А. Реализация правообеспечительной функции в стадии передачи суду. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. - Л., 1989.
429. Юрченко В.Е. Гарантии прав потерпевшего в судебном разбирательстве. - Томск: Томский госуниверситет, 1977.
430. Яблоков В.А. Предмет и пределы судебного контроля за предварительным расследованием // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». - Тольятти: Изд-во ТолПИ, 1999. - Вып.6 - С.101-111.

431. Явич Л.С. Общая теория права. - Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1976.
432. Якуб М.Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. - М.: Изд-во Московского университета, 1960.
433. Якуб М. Порядок уголовного судопроизводства следует дифференцировать // Социалистическая законность. - 1975. - №1. - С.66-67.
434. Яни П.С. Обеспечение прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1995.
435. Янков В.В. Судебная власть и защита прав человека // Вестник Гуманитарного университета. Серия «Право». - Екатеринбург, -1996. №1.

Валентина Александровна Лазарева

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Редактор Н.А.Волынкина
Художественный редактор Л.В.Крылова
Корректор Е.А.Будячевская
Компьютерная верстка, макет Л.Л.Паймулина

Л.Р.№ 020316 от 04.12.96. Подписано в печать 17.02.00. Формат 60x84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 13,49 усл. печ. л.; 14,5 уч.-изд. л.
Тираж 350 экз. Гарнитура «Times New Roman». С.15. Заказ №
Издательство «Самарский университет», 443011, г.Самара, ул.Акад. Павлова,1.
Отпечатано в ООО «ДСМ» на расходных материалах ООО «Полиграфсервис-К»,
г. Самара, ул. Песчаная, 1.